

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

4/2022

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета»

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф.

Ш.Р. Басыров, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюзжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**,

д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону,

Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацero** (Тульский государственный

университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**,

д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко** (Университет Аль

Захра, Тегеран, Иран), д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф.

В.А. Лабунская (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация),

канд. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая

академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская

Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков**

(Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филол. наук,

проф. **Л.В. Соснина**, канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф.

Е.В. Филатова, д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**,

канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor

of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor

of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian

Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology,

Associate Prof. **A.A. Katsero** (Tula State University named after L.N. Tolstoy, Russian Federation),

Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliushchenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of

Philology, Prof. **O.A. Kravchenko** (Alzahra University, Tehran, Iran), Doctor of Philology, Prof.

S.Ye. Kremzikova, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-

on-Don, Russian Federation), Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N. Panchehina**, Doctor of

Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after

V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof.

S.V. Rudenko, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-

Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.V. Sosnina**, Candidate of Psychology, Associate

Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Prof.

L.N. Yagupova, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology,

Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33. **E-mail:** terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, levi121@mail.ru.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.00.00 – филологические науки; 19.00.00 – психологические науки. Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018).

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 8 от 30.12.2022 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2022

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 4/2022

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Соснина Л. В.* Транспозиция прилагательных-композигов 3
- Бессонова О. Л., Любвиная Е. С.* Аллюзии в малой прозе
Д. Г. Лоуренса 10
- Богдашкина С. В., Маскаева В. А., Маскаева С. А.*
Структурно-семантические особенности мокшанских фразеологизмов
фольклорного происхождения 18
- Галанова Е. М., Байко В. А.* Знаки препинания как объект языковой
рефлексии в книге Д. Рубиной «Одинокий пишущий человек» 23
- Гладкая Н. В.* К вопросу о коммуникативно-прагматическом и
социокультурном потенциале мемов в интернет-коммуникации 28
- Дмитриева Ю. Л.* Вербализация пространственной модели мира в
произведении «Марфа Посадница» С. Есенина 33
- Жукова А. А., Потёмкина Е. В.* Рэп-текст в методике
преподавания русского как иностранного 41
- Ситько Ю. Л., Захарова И. И.* Ономаσιологические идеи во
взглядах позднесоветских лингвистов: обзор ведущих концепций 55
- Сорокин А. А.* Специфика единства «февральских» поэм С. А. Есенина
1917-1918 годов 65
- Борозенец Д. И.* Построение семантического поля когниции: критерии
отбора материала 72
- Бурляй А. С., Якель А. О.* Особенности концепции интерактивного
учебно-методического пособия по русскому языку и культуре речи для
корректировки коммуникативной деятельности языковой личности
донецкого тележурналиста 77
- Демченко Н. С.* Сущность речевой агрессии как лингвистического явления 83
- Калмыкова Д. А.* Лексико-семантическое поле «еда / напитки» в
произведениях Н. В. Гоголя 89

Психология

- Новикова Е. В.* Психологическая помощь личности при травме войны 94
- Цариценцева О. П.* Ценностные ориентации студентов педагогического
вуза 109
- Яновский М. И., Чуканов Е. В.* Фильмы ужасов и чувство
собственности 115
- Правила для авторов 125

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 4/2022

CONTENTS

Philology

<i>Sosnina L. V.</i> Transposition of compound adjectives	3
<i>Bessonova O.L., Liubivaia E.S.</i> Allusions in the small prose by D.H. Lawrence	10
<i>Bogdashkina S.V., Maskayeva V.A., Maskayeva S.A.</i> Structural and semantic features of Moksha phraseological units of folklore origin	18
<i>Galanova E.M., Baiko V.A.</i> Punctuation marks as object of language reflection in the book «A lonely writing man» by D. Rubina	23
<i>Gladkaya N. V.</i> To the question of communicative-pragmatic and socio-cultural potential of memes in internet communication	28
<i>Dmitrieva Ju.L.</i> Verbalization of spatial model of the world in «Marfa Posadnitsa» by S. Yesenin	33
<i>Zhukova A., Potemkina E.</i> Rap-text in the methodology of teaching Russian as a foreign language	41
<i>Sitko Yu.L., Zakharova I.I.</i> Onomasiological Ideas in Late-Soviet Linguists' Views: Review of Leading Concepts	55
<i>Sorokin A.A.</i> Unity specifics of "February" poems of 1917-1918 by S.A. Yesenin	65
<i>Borozenets D. I.</i> Construction of semantic field of cognition: criteria of material selection	72
<i>Burliai A.S., Iakel A.O.</i> Concept of interactive teaching aid on the Russian language and speech culture for correcting communicative activity of Donetsk TV journalist language personality	77
<i>Demchenko N. S.</i> Verbal aggression as linguistic phenomenon	83
<i>Kalmykova D. A.</i> Lexico-semantic field "food / drinks" in works by N.V. Gogol	89

Psychology

<i>Novikova E. V.</i> Psychological help for person in trauma of war	94
<i>Tsaritsentseva O.P.</i> Value orientations of students at pedagogical university	109
<i>Yanovsky M.I., Chukanov E. V.</i> Horror movies and feeling of property	115
Guidelines for authors	125

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'374
УДК 811.161.1

ТРАНСПОЗИЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-КОМПОЗИТОВ

© 2022 Л.В. Соснина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

В статье рассматриваются основные лингвистические подходы к определению транспозиции. Для определения транспозиции прилагательных-композигов предлагается использовать эквивалентный мотивационный тип, указывающий на существование полностью тождественных отношений между производящим словосочетанием и возникшим на его базе композитом. Одной из разновидностей транспозиции является субстантивация, когда признаковые слова переходят в разряд предметных.

Ключевые слова: транспозиция, субстантивация, композит, деривация, тождество, ономазиология, имя прилагательное, словообразовательное значение.

Введение. В современной лингвистике понятие транспозиции находится в фокусе внимания многих ученых, но до сих пор не обладает однозначным толкованием. Вопросами словообразовательного значения различных частей речи (транспозиция, мутация, модификация) занимались Е.А. Земская, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, в последние десятилетия над решением данной проблемы продуктивно работали С.Г. Бабич, Н.А. Бекетова, Л.А. Вараксин, Т.К. Иванова, В.А. Косова, Г.К. Касимова, Е.Ю. Лизунова, О.И. Лыткина, Е.А. Макарова, С.Л. Михеева, В.И. Теркулов. С.Г. Бабич утверждает, что «в основе классификации семантических изменений, связанных с процессом словообразования, лежат два основных критерия: степень тождества семантики мотиватора и деривата и тождество их синтаксической позиции» [1, с. 123].

В современном русском языке существуют некоторые расхождения в определении основных деривационных процессов, однако большинство лингвистов понимают под транспозицией «изменение частеречной принадлежности деривата с сохранением или изменением семантики мотиватора» [там же, с. 124], слова с транспозиционными словообразовательными значениями тождественны во всех компонентах своего значения со значением мотивирующего слова и отличаются от своих производящих только частеречной принадлежностью. М. Докулил выделял три основных типа словообразовательных значений – транспозицию, мутацию и модификацию. Ученый понимал под транспозицией перевод слова из одной части речи в другую при отсутствии изменения лексического значения, при этом наиболее убедительным примером транспозиции ученый считал образование относительных прилагательных [18]. В.М. Шарипова полагает, что «среди всех средств эволюционного развития языка наиболее продуктивной следует считать функциональную транспозицию» [17, с. 110]. Л. Теньер, оценивая значение транспозиции (трансляции), приходит к выводу о том, что транспозиция «позволяет любой класс слов преобразовать в любой другой», что это механизм, в котором «реализуется независимость структурного и семантического планов» [14, с. 379]. Заметим, явление транспозиции настолько противоречиво с точки зрения лингвистов, что обозначается

множеством терминов – конверсия, трансформация, субституция, трансляция. Мы будем придерживаться термина транспозиция.

Основная часть. Транспозиция охватывает все классы языка, но в большей степени это касается крупнейших подклассов – предметных и признаковых имен. Именно на это обращает внимание А.А. Уфимцева: «Знаменательные слова, попадающие под основные части речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия), формируют смысл высказывания не только лексической семантикой входящих в него слов, но и синтаксической ролью и ракурсом логических связей последних в самом высказывании, суждении Своеобразные семантические оси, отображающие логико-семантические отношения между предметами (лицами) и их свойствами, признаками, допускают возможность различных трансформаций, деривационной транспозиции...» [16, с. 103–104].

Имена прилагательные обладают свойством двойной референции: «референции к миру действительности, типичной для класса слов вообще, и референции к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации» [8, с. 10]. Первое свойство свидетельствует о наличии у производного слова (прилагательного-композиата – Л.С.) индивидуального лексического значения, второе же «указывает на источник этого значения и особую форму его существования» [там же, с. 10]. Наличие собственного лексического значения позволяет считать производное слово самостоятельной номинативной единицей и дает возможность его лексикографического оформления. Как справедливо замечает Е.Ю. Лизунова, сложность в описании производной адъективной лексики кроется в нескольких причинах, а именно: «в транспонированном прилагательном аффикс зачастую выполняет лишь роль категоризатора, то есть маркирует принадлежность слова к адъективной лексике, и релятора, то есть указывает на соотношенность признака с какой-либо другой сущностью или явлением» [9, с. 8–9]. Ученый считает, что описание словообразовательных значений производных адъективных единиц «основывается на выявлении скрытых предикатов, не выраженных в поверхностной структуре производного» [там же, с. 9].

С учетом основных положений ономаσιологической теории описание семантики транспонированных прилагательных следует проводить исходя из трехчленности структуры относительных прилагательных, включающей в себя ономаσιологический базис, ономаσιологический признак и связывающий их предикат, при этом их ономаσιологическое значение соответствует концептуальным характеристикам и входит в семантическую структуру производного слова. Данные нашей картотеки свидетельствуют о том, что универбализационные композиты, обладая трехчленной структурой, могут быть отнесены к транспонированным прилагательным. Вслед за В.И. Теркуловым предлагаем для подобного типа словообразовательных отношений использовать формулировку *эквивалентный мотивационный тип*, который «указывает на особенности семантических отношений между производящим и производным» [15, с. 49–62], демонстрируя при этом полное семантическое тождество, например: *Тут разные шалости, игры, бурная закулисная жизнь, яркие декорации на сцене, молодые артистки сплошь с длинными ногами* (С. Юрский. 14 глав о короле. Октябрь, 2001. Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В этом одеянии Кейт похожа на длинноногую лань* (ВИВА-Биография, № 12 (78), 2013); *А как насчет того, что Юлия когда-то была светловолосой и красивой?* (События недели, № 11 (145), 2014) *Мужчины просто сворачивают шеи, когда мимо проходит эффектная красотка со светлыми волосами!* (<https://intrigue.dating/interesnoe/>); *Важно понять, что чувствует и испытывает мальчик одиннадцати лет* (mystroimmir.ru); *Потом он*

женился на его юной вдове – *одинадцатилетней французской принцессе Анне* (События недели, № 27 (161), 2014); *Как пишет швейцарский еженедельник L'Hebdo, длинноногая блондинка с зелеными глазами на протяжении нескольких лет выполняла функции фидюсьера глав нефтяной компании "ЮКОС" Михаила Ходорковского* (Известия, № 11, 2003); *Зеленоглазый брюнет не только носит высокий титул, но и делает первые шаги в модельном бизнесе* (teleprogramma.pro).

В.И. Теркулов констатирует сложность и многообразие отношений между производным и производящим словом или словами, заявляя о существовании реестра мотивационных словообразовательных типов. Л.А. Вараксин, занимаясь вопросами компрессивного словообразования (обозначенного Е.А. Земской в 2001 г.), выделяет у дериватов конвертирующее словообразовательное значение. Это терминологическое обозначение явления «порождения производных слов, когда несколькослововое слово заменяется менее многословным, а несколькослововое наименование заменяется однословным» [3, с. 146]. При многообразии способов словообразования (аббревиация, субстантивация, усечение, суффиксация) он отмечает здесь всего лишь одно словообразовательное значение. Ученый считает, что процесс конвертирования «результатирует появление универбата с тем же лексическим значением, которое имело исходное слово или словосочетание» [та же, с. 146]. В.И. Теркулов полагает, что конвертирующий тип определяет лишь формальные отношения между языковыми единицами, что абсолютно не согласуется с семантической основой классификации мотивационных типов и предлагает интерпретировать его как эквивалентный, тем более что мнения многих ученых-лингвистов совпадают в отношении примеров мотивации конвертирующего типа и мотивации эквивалентного типа соответственно.

В современном языкознании термин «транспозиция» является наименее определенным, чем и объясняется множественность научных подходов к разграничению словообразовательных процессов. Изучая особенности межкатегориальной деривации, которая «не влечет за собой никаких лексических последствий» [8, с. 152], Е.С. Кубрякова приравнивает ее к понятию синтаксической деривации, являющейся частным случаем транспозиции. По мнению Е.С. Кубряковой, «примеры, иллюстрирующие у М. Докулила модификацию и мутацию, являются одновременно примерами явной транспозиции» [там же, с. 147], поскольку подавляющее большинство процессов словообразования в различных языках носит характер транспозиции, то есть осуществляется между разными частями речи.

Исследования Е.С. Кубряковой имеют когнитивно-лингвистическую основу. Ученый описывает механизм транспозиции как операцию по когнитивному связыванию ментальных пространств, при этом новая целостная сущность (новое обозначение, новое наименование) характеризуется по ее части, которая вербализуется в качестве мотива обозначения. В.А. Косова считает данное понимание транспозиции (подразумевающее образование на базе слов одних частей речи дериватов с другой частеречной характеристикой) теоретически убедительным и логически обоснованным [7, с. 144]. Е.С. Кубрякова указала на необходимость и важность исследования семантических преобразований при межкатегориальных переходах, отметив при этом важность изучения мотивированности производного слова прототипом.

Когнитивное обоснование имеет замечание Н.Н. Болдырева, когда он обращается к явлению перекатегоризации, обозначая его как «переосмысление слова в результате его соотнесения с другой категорией за счет реализации признаков другой категории или другого концепта» [2, с. 48]. При перекатегоризации прилагательного в существительное происходит концептуализация признака в предмет мысли, а при

перекатегоризации существительного в прилагательное наблюдаем концептуализацию объекта (носителя признаков) в признак, выделенный в объекте. Ученый пишет, что «в процессе перекатегоризации осуществляется перенос грамматического значения в семантически подчиненный зависимый элемент с целью его выделения. Новое значение приобретает словом именно как следствие перемещения исходного слова в другую часть речи» [там же, с. 48].

С.А. Виноградова уверенно относит данный процесс к относительным прилагательным, которые «являются результатом межкатегориальной перекатегоризации – результатом транспозиции существительного в класс отсубстантивного прилагательного», при этом «слово приобретает новое значение в результате транспозиции оригинала в другую часть речи» [4, с. 59]. Во время перехода в другую часть речи новообразованное прилагательное, по сравнению со своим эквивалентом атрибутивным существительным, «приобретает признаковую природу, которая появляется в процессах метафоризации латентных признаков» [там же, с. 82]:

Весьма убедительными нам представляются примеры, взятые из английского языка:

- ‘airy’ (воздушный) – *light, lightweight* – раскрывает латентный признак объекта ‘air’ – легкость. Процесс продвигается дальше:

- ‘airy’ – *light – graceful*, - грациозный, ‘airy tread’ (легкая походка);

- ‘airy’ – *light – careless, cheerful, merry* – беззаботный, веселый, ‘airy laughter’ (беззаботный смех);

- ‘airy’ – *light – empty, giddy, flyaway*, - легкий, пустой ‘airy promise’ (пустые обещания);

- ‘airy’ – *aerial, ethereal, unreal*, - эфемерный, нереальный, ‘airy notions’ (неясные, эфемерные понятия).

Заметим, что вопросами субстантивации прилагательных в последние десятилетия занимались многие ученые. Лингвисты относят субстантивацию к сфере синтаксической деривации, имея в виду переход разных частей речи в разряд имен существительных (глаголов, прилагательных, числительных, причастий) и приобретение способности указывать на предмет непосредственно [5, с. 94]. По мнению Е.А. Макаровой, лингвистический статус субстантивированных прилагательных обусловлен тем, что они возникают в результате «межкатегориального перехода языковых единиц из класса признаков в класс предметных слов и несут в своей семантике «отпечатки» этой перекатегоризации» [10, с. 22]. По мнению С.Л. Михеевой, в основе субстантивации лежат «глубинные семантические процессы, обусловленные когнитивно-познавательной деятельностью человека, – вторичная категоризация, переосмысление значения признака и его абсолютизация, приводящая к возможности его представления как самостоятельной сущности в отрыве от исходного носителя» [11, с. 66].

Л.В. Резниченко, анализируя субстантивированные имена прилагательные, определяет субстантивацию как «переход из признаковой области в предметную концептуальную область» [12, с. 150]. К субстантивированным единицам она относит адъективы *твердолобый, толстомясый, толстомордый, курносый, темнокожий, чернокожий, краснокожий*, например: *Нагуляла в Москве пухлую морду, толстомясая!* (<https://intellect.icu/dict/>); *Сидеть хочу, – стеснительно ответил темнокожий на ломаном русском* (Андрей Рубанов. Сажайте и вырастет. 2005; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru). Опираясь на основные принципы композитологии, мы относим данные языковые единицы к универбализационным композитам и квазикомпозитам: *При этом у моего сына жена с темной кожей, она*

афроамериканка (События недели, №11 (145), 11.03.14); *Первый темнокожий президент Америки стал еще и первым президентом, которому было позволено сохранить свое личное средство связи* (Вива Биография, № 13, 2013); *Этот твердолобый умник вдруг возомнил себя великим стратегом и решил ухватить мой кусок пирога* (Максим Милованов. Естественный отбор (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru); *Зануда, трижды зануда и твердолобый однолюб — как все, впрочем, зануды* (В.Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // «Москва», № 11, 12.2004); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru).

Нам представляется интересным употребление прилагательного **белокаменный**, образованного на базе словосочетания *из белого камня*. Вместе с тем фиксируем переход данной номинативной единицы в наименование **Белокаменная** (Москва, столица, главный город). Примеры из нашей картотеки подтверждают мнение С.Л. Михеевой о том, что «на основе установленной однозначной референции между признаком и его носителем становится возможным употребление имени признака вместо имени предмета — со всеми вытекающими последствиями: изменением синтаксического статуса, преобразованием морфологических признаков» [11, с. 61], например: *Через четыре года после рождения Федора его родители окончательно обосновались в Белокаменной* (Вива Биография, №12 (78), 2013); *Таким образом, Белокаменная занимает почетное 11е место, уступая по дороговизне складов Киеву (120, 06 евро) и Мадриду (113, 85 евро)* (<http://www.rbcdaily.ru/2009/03/17/market/406278.shtml>, 2009); *Поначалу все соборы из белого камня имели единое архитектурное решение* (izvestnyak.ru); *Вместо четырех белокаменных храмов Юрий Долгорукий при тех же трудовых и финансовых затратах мог бы построить сорок кирпичных. А в российском климате хороший уход за белокаменными зданиями был особенно важен* (livejournal.com).

При субстантивации формирование производных концептов осуществляется на основе действия когнитивного механизма конкретизации, но сопровождается «сужением содержания исходных концептов, которое осуществляется посредством выделения их специфических характеристик» [там же, с. 152]. В содержании исходного концепта *чернокожий* выделяется характеристика «имеющий темный или черный цвет кожи», которая наследуется производным концептом в процессе концептуальной деривации и служит основой для появления такой характеристики, как «человек, оцениваемый по особенностям внешности»: *Кейн, в лучшем случае, может рассчитывать на десять процентов голосов чернокожих* (zakon.kz). *По его мнению, признание белыми американцами нанесённого чернокожим ущерба и репарации будут наиболее позитивным исходом* (secretmag.ru). В нашем исследовании мы имеем дело с переходом прилагательных-композиций в разряд существительных «при параллельном употреблении в значении прилагательного» [13, с. 80], когда мы рассматриваем такие адъективы как универбализационные композиты с соответствующим базовым словосочетанием. Заметим, что в пределах одного текста мы фиксируем универбализационные композиты, выступающие как в качестве имен прилагательных, так и в качестве субстантивов, например: *Все больше чернокожих семей стали уезжать в пригороды Районы, где жили меньшинства, считались рискованными инвестициями, и чернокожим людям регулярно отказывали в ипотеке, закрывая для них рынок недвижимости. Эта политика сохранялась вплоть до 1960-х годов и отгородила американских чернокожих от одного из главных локомотивов богатства в XX веке — недвижимости Она запрещала многим чернокожим приобретать недвижимость в некоторых районах. Согласно докладу института, более половины*

чернокожих должны будут сменить место жительства, чтобы достичь полной интеграции (livejournal.com).

В современной лингвистике предприняты многочисленные попытки рассмотрения структурных и семантических особенностей межкатегориального словообразования. В зарубежном языкознании такие исследования проводились в рамках трансформационной грамматики, акцентирующей внимание на однотипности отношений между участниками словообразовательного процесса. По мнению Е.А. Ивашко, «подобный анализ языковых единиц во многих случаях позволяет раскрыть как направление мотивации, так и характер семантических отношений между участниками межкатегориального перехода», однако не все деривационные единицы подходят под «относительно широкий, но все же лимитированный набор типовых отношений между производящим и производным словом» [6, с. 57]. К тому же надо принимать во внимание, что иногда «языковые единицы, которые формально можно описать с помощью одной и той же ядерной структуры обладают различными семантическими характеристиками» [там же, с. 57]. На таких же позициях стоят многие современные лингвисты, в частности, Н.Н. Болдырев, потому необходимо отметить важность когнитивных концепций при изучении словообразовательных процессов. К числу несомненных достоинств когнитивного направления в лингвистике отметим признание креативного характера речевой деятельности и «невозможность сведения межкатегориальных переходов к формализованной трансформации глубинных структур в поверхностные» [6, с. 57].

Заключение. Современная трактовка транспозиционного типа словообразовательного значения демонстрирует отсутствие единого понимания данного языкового явления. Транспозиция является естественным процессом преобразования и развития языка. Разделяем точку зрения большинства лингвистов, считающих транспозицию в системе словообразования «актом номинативной деривации», когда происходит «создание производного языкового знака с предельно близким, но все же иным, отличным от источника деривации лексическим значением» [7, с. 149]. В результате исследования приходим к выводу, что для определения словообразовательного значения универбализационных композитов, являющихся по сути транспонированными прилагательными, удобно использовать формулировку *эквивалентный мотивационный тип* как наиболее точно отражающую семантику отношений между производящим и производным словами. Субстантивацию имен прилагательных определяем как процесс межкатегориального перехода языковых единиц из класса признаков в класс предметных слов с соответствующими семантическими изменениями. Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в анализе когнитивного аспекта субстантивации сложных имен прилагательных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабич С.Г. Изменение семантической структуры деривата в процессе словообразования / С.Г. Бабич // Русское языкознание. – Киев, 1991. – Вып. 22. – С. 123–127.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ИД ТГУ, 2014. – 236 с.
3. Вараксин Л.А. Функции словообразования в языке и типы словообразовательных значений / Л.А. Вараксин // Вестник Тюменского госуд. университета. – 2011. – Вып. № 1. – С. 143–147.
4. Виноградова С.А. О категоризации и перекатегоризации относительных прилагательных / С.А. Виноградова // Ученые записки Петрозаводского госуд. ун-та. – 2015. – № 3. – Т. 1. – С. 56–61.
5. Голубева А.Ю. Общая характеристика транспозиции как способа словообразования / А.Ю. Голубева, А.А. Калашникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2017. – № 10 (76): в 3-х ч. Ч.1. – С. 93–95.

6. Ивашко Е.А. К вопросу о лингвокреативности: деадъективные номинализации как языковые гибриды / Е.А. Ивашко // Вестник Московского госуд. лингвистического ун-та, 2013. – Вып. 15 (675). – С. 53–64.
7. Косова В.А. Деривационно-семантическая типология словообразовательных категорий / В.А. Косова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. № 5, т. 155. – С. 141–151.
8. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 199 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
9. Лизунова Е.Ю. Семантика транспонированных (относительных) прилагательных в разноструктурных языках. На примере французского и русского языков. – Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Лизунова Елена Юрьевна. – Москва, 2002. – 368 с.
10. Макарова Е.А. Субстантивация прилагательных: когнитивный аспект / Е.А. Макарова // Вестник ВГПУ, 2011. – № 4. – С. 22–25.
11. Михеева С.Л. Субстантивированные прилагательные в русских пословицах / С.Л. Михеева // Научный диалог. – 2019. – № 12. – С. 59–69. – DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-59-69.
12. Резниченко Л.В. Концептуальная деривация как основа формирования значений субстантивированных имен прилагательных / Л.В. Резниченко // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А.С. Пушкина. – 2012. – Вып. 2. – Т.1. – С. 146–154.
13. Соснина Л.В. Адъективные композиты русского языка: структурный и ономаσιологический аспекты: дисс. ...доктора филол. наук: 10.02.01 текст / Л.В. Соснина. – Донецк, 2017. – 429 с.
14. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
15. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте: дисс. ...доктора филол. наук: 10.02.02 / В.И. Теркулов. – Горловка, 2008. – 472 с.
16. Уфимцева А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
17. Шарипова В.М. Скрытая предикативность атрибутивных структур / В.М. Шарипова // Вестник Башкирского ун-та. – 2007. – Т. 12. – № 4. – С. 110–111.
18. Dokulil M. Tvoreni slov v ceštine. I. Teorie odvozováni slov / M. Dokulil. – Praha : CAV, 1962. – 263 s.

Поступила в редакцию 20.11.2022 г.

TRANSPOSITION OF COMPOUND ADJECTIVES

L.V. Sosnina

The article deals with principal linguistic approaches to the definition of transposition. The equivalent motivation type indicating to the completely identical relationship between the derivational pattern and the derived compound is suggested to be used to determine the transposition of compound adjectives. Substantivisation is a variety of transposition, when words with attributive meaning are transferred into words with the meaning of thingness.

Key words: transposition, substantivisation, compound, derivation, identity, onomasiology, adjective, word-formation meaning.

Соснина Людмила Васильевна.
ГОУВПО «Донецкий национальный технический университет».
Профессор кафедры английского языка.
E-mail: ludmilasosnina@gmail.com

Sosnina Ludmila Vasilievna.
Donetsk National Technical University.
Professor of English Language Department.
E-mail: ludmilasosnina@gmail.com

УДК 811.111

АЛЛЮЗИИ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Д.Г. ЛОУРЕНСА

© 2022 О.Л. Бессонова, Е.С. Любивая

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье представлены результаты анализа структурных, стилистических и лингвокультурологических особенностей аллюзивных единиц в повестях и рассказах Дэвида Герберта Лоуренса. Установлены структурные типы, в форме которых представлены аллюзии в малой прозе Д.Г. Лоуренса. Рассмотрено стилистическое функционирование аллюзивных единиц. Определена лингвокультурологическая ценность аллюзий.

Ключевые слова: аллюзия, аллюзивные включения, оценочная коннотация, конвергенция, национальная маркированность.

1. Вводные сведения. Согласно И.Р. Гальперину, аллюзия – это непрямая ссылка на исторический, литературный, мифологический, библейский или другой общеизвестный факт [2, с. 187]. Использование аллюзии в качестве стилистического приёма в текстах разной жанровой принадлежности не является нововведением для стилистики, т. к. применение аллюзии было замечено ещё в Древнем Риме. С течением времени мировой культурный фонд становился богаче, типология аллюзивных единиц расширялась, а их функционирование в тексте становилось сложнее, достигнув своего пика в литературном процессе XX века.

Особенности аллюзии как стилистического приёма детально изучались в трудах И.Р. Гальперина [2], Е.М. Дроновой [4], А.М. Гарифуллиной [3], Л.И. Ихсановой [6]. Классифицированию аллюзивных единиц и описанию их функционирования в тексте посвящены работы таких исследователей, как М.Д. Тухарели [10], Н.Ю. Новохачёва [7], Т.С. Сиренко [9].

Актуальность исследования обусловлена неослабевающим интересом к роли аллюзии в художественном дискурсе, особенностям её декодирования в идиостиле отдельного автора. *Объектом* исследования являются аллюзивные единицы в малой прозе Д.Г. Лоуренса, а его *предметом* – структурные, стилистические и лингвокультурологические особенности аллюзий. *Цель* исследования – описать структуру аллюзивных единиц, их лингвокультурологическую ценность и стилистические особенности функционирования аллюзий в повестях и рассказах Д.Г. Лоуренса, установить их роль в экспликации авторского замысла.

Эмпирическим материалом исследования являются 133 аллюзивные единицы, отобранные методом сплошной выборки из 2 повестей («The Man Who Died» и «The Ladybird») и 25 рассказов («Samson and Delilah», «England, My England», «Odour of Chrysanthemums», «The Thorn in the Flesh», «The Princess», «New Eve and Old Adam», «A Modern Lover», «The Witch A La Mode», «Smile», «Two Blue Birds», «In Love», «Glad Ghosts», «You touched me», «The Rocking-Horse Winner», «The Last Laugh», «The Lovely Lady», «Rawdon's Roof», «Mother and Daughter», «Things», «The Shades of Spring», «The White Stocking», «Strike-pay», «Old Adam», «Daughters of the Vicar» и «Sun») английского писателя Дэвида Герберта Лоуренса, который является яркой фигурой литературного процесса XX столетия и который внёс самобытный вклад в фонд лучших работ мировой литературы.

2. Основные результаты исследования

2.1. Классификация аллюзий в малой прозе Д.Г. Лоуренса по источнику их происхождения

Для анализа источника денотатов аллюзий из повестей и рассказов Д.Г. Лоуренса использовалась тематическая классификация И.Р. Гальперина [2]. В ходе исследования было установлено, что абсолютное большинство анализируемых аллюзивных единиц представлено библейскими аллюзиями (26,3 %), что доказывает вечную актуальность библейских сюжетов. В этой группе обращают на себя внимание аллюзии-антропонимы («*Here was a man who had kept alive the old red flame of fatherhood, fatherhood that had even the right to sacrifice the child to God, like Isaac*» [12]), аллюзии-топонимы («*And America for twelve years had been their anathema, the Sodom and Gomorrah of industrial materialism*» [11]) и отсылки на церковные понятия («*She still had long sufferings to face, and, in her own childish consciousness, the stigma of her lameness to bear*» [12]).

По количественному соотношению второе место занимают мифологические аллюзии (22,6 %). Несмотря на то, что преобладающими источниками для аллюзирования являются древнегреческая и древнеримская мифологии, Д.Г. Лоуренс также использует мифы Древнего Египта, народов Северной Европы и Индии. Необходимо отметить, что самой распространённой формой выражения аллюзивной единицы данной группы является антропоним («*Meanwhile the young soldiers, after having watched this frightful Laocoon swaying for a moment, stirred, and the malicious one darted swiftly with the rope*» [12]).

Следующая группа – исторические аллюзии (18 %), денотатами первого порядка которых являются: имена известных исторических личностей («*She felt like Queen Elizabeth at Kenilworth, a sovereign paying a visit to her faithful subjects*» [16]), исторические названия народов («*...then a spring issuing out of a little cavern, where the old Sicules had drunk before the Greeks came...*» [16]) и исторические реалии («*It belonged to the old England of hamlets and yeomen*» [12]).

Четвёртая группа представлена литературными аллюзиями (12 %), источниками которых являются художественные произведения разных форм и жанров. В анализируемом нами материале писатель использует аллюзии к именам художественных героев – поэтонимам («*Joe was by no means a Robinson Crusoe in his bungalow*» [16]) и к названиям литературных трудов («*England, my England*»).

Меньшей в количественном плане является группа ономастических аллюзивных единиц (8,3 %), которые являются отсылками на факты социокультурной жизни того периода, в котором происходят действия рассматриваемых произведений. К этой группе принадлежат упоминания или отсылки на: известных личностей того времени («*To be twenty-five and twenty-seven, a pair of true idealists with a mutual love of beauty and an inclination towards "Indian thought" – meaning, alas! Mrs. Besant – and an income a little under three thousand dollars a year!*» [11]), политические общества («*He read books and began to hold fixed ideas which he got from the Fabians*» [15]) и спортивные мероприятия либо команды («*Not a bit of it! I thought perhaps you might give me a tip for the Lincoln*» [16]).

Наименьшими по количеству являются такие группы аллюзий:

1) песенные аллюзии (4,5 %): «*He had no conception of Imperial England, and Rule Britannia was just a joke to him*» [12];

2) фольклорные аллюзии (3,7 %): «*Always small, nearly tiny in physique, she seemed like a changeling beside her big, handsome, slightly mad father*» [11];

3) аллюзии к материальным предметам искусства (3 %): «*Valerie hardly ever came into the salotta without mentally falling on her knees before the curtains. "Chartres!" she said. "To me they are Chartres!"*» [11];

4) географические аллюзии (0,8 %): «*It was a black night, the Hudson swayed with heavy blackness, shaken over with spilled dribbles of light*» [16];

5) аллюзии к афоризмам (0,8 %): «“*Sic transit,*” he murmured – meaning Tom Vickers, and beautiful lustihood that is unconscious like a blossom» [11]).

2.2. Структурные особенности аллюзивных единиц в малой прозе Д.Г. Лоуренса

В основу структурной классификации языкового материала положен подход М.Д. Тухарели [10]. В повестях и рассказах Д.Г. Лоуренса были рассмотрены аллюзии в форме слова, словосочетания, предложения, сверхфразового единства, антропонимической формулы и поэтической строфы.

Самой многочисленной является группа аллюзий в форме слова (48,1 %). Данная структура является самой лаконичной, что помогает писателю одновременно держать читателя в напряжении и вызвать ассоциативную цепочку. В материале исследования также отмечены аллюзивные единицы в виде словосочетаний (27,8 %). Следует отметить, что благодаря особенностям английского языка наблюдаются разнообразные комбинации, чаще всего – субстантивные словосочетания (*seven devils, the thorn in the flesh*), причём преобладают словосочетания с сочинительной связью (*Samson and Delilah, Francesca and Paolo*). Однако в подчинительных словосочетаниях зависимым словом также может быть существительное в именительном падеже (*palm branches*) или имя собственное (*Louis Quinze chairs, “Chartres” curtains*). 13,5 % составляют аллюзивные единицы, представленные в форме предложения: «*That dead-white face, so still, with the black beard growing on it as if in death; and those wide-open, black, sombre eyes, that had died! and those washed scars on the waxy forehead!*» [14].

Стоит отметить, что материал исследования позволил расширить рамки классификации М.Д. Тухарелли. Нами была выделена аллюзия в виде антропонимической формулы. Такой структурный тип составляет 6,8 %: «*She turned to the positive period; to the eighteenth century, to Voltaire, to Ninon de l'Enclos and the Pompadour, to Madame la Duchesse and Monsieur le Marqui*» [11].

В рассматриваемых произведениях можно встретить упоминания строк из стихотворений и народных песен, таким образом аллюзии в форме поэтических строф составили 3 %. Примером использования такой аллюзивной единицы является напевание детской потешки одним из героев рассказа «The Thorn in the Flesh»: «*Pat-a-cake, pat-a-cake baker's man / Bake me a cake as fast as you can...*» [15].

0,8 % от общего числа аллюзивных единиц составляют аллюзии-сверхфразовые единства, представляющие собой объединённые по структуре, смыслу и функции группы предложений. Подобное сверхфразовое единство мы можем найти и в повести Д.Г. Лоуренса «The Man Who Died»: «*Noli me tangere! Touch me not! Oh, don't touch me!*» [14]. Первое предложение данного единства – фраза на латыни, взятая из библейского сюжета, а второе и третье – её вариативные переводы. Однако все три предложения здесь функционируют как единое смысловое целое.

2.3. Цитатная аллюзия в малой прозе Д.Г. Лоуренса

Аллюзирование может осуществляться двумя способами – номинацией и цитацией. А.С. Евсеева указывает, что их основное различие заключается в типе денотатов: если у номинативной аллюзии он практически любой, то у цитатной аллюзии – это текст [5, с. 7–8]. Следовательно, можно выделить номинативную и цитатную аллюзии.

Количественные данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что из 133 аллюзивных единиц, отобранных из малой прозы Д.Г. Лоуренса, 15 единиц

являются цитатными аллюзиями. В результате анализа мы выделили эксплицитную и имплицитную цитатные аллюзии.

Таблица 1

Цитатные аллюзии в малой прозе Д.Г. Лоуренса

№ п/п	Вид	Кол-во	%	Примеры
1.	Имплицитная цитатная аллюзия	9	60	« <i>Flesh of my flesh. Paula! – Will you –?</i> »
2.	Эксплицитная цитатная аллюзия	6	40	« <i>A little child shall lead them → His child should lead, then.</i> »
Всего:		15	100	

Эксплицитная цитатная аллюзия обязательно выделяется пунктуационно или графически, также могут быть указаны её автор или источник. Примером рассматриваемого вида цитатной аллюзии является предложение из рассказа Д.Г. Лоуренса «England, My England»: «*Doesn't Jesus say: "Consider the lilies how they grow"*» [12]. В данном случае эксплицитная цитатная аллюзия выделена кавычками и перед ней писатель отмечает автора высказывания – Иисуса Христа, поэтому читатель сразу понимает, что данный фрагмент является включением из другого текста, Библии.

Имплицитная цитатная аллюзия, напротив, не выделяется ни пунктуационно, ни графически. Её автор и источник не указывается, поскольку такое высказывание целенаправленно зашифровано в тексте. В рассматриваемом выше рассказе мысли главного героя, Эгберта, в разгар одного из сражений Первой мировой войны передаются следующим образом: «*Not this time, not this time. Whither thou goest I will go. Did he say it to the shell, or to whom? Whither thou goest I will go. Then, the faint whistling of another shell dawned, and his blood became small and still to receive it*» [12]. В приведённом отрывке ни одно из предложений никак не выделено. Однако следует отметить то, что предложение «*Whither thou goest I will go*» не только повторяется дважды, но и выделяется из грамматического контекста отрывка использованием личного местоимения «*I*» и устаревших форм слов «*thou*» и «*goest*». Эти отличия могут натолкнуть читателя на мысль, что предложение взято из чужого текста, из Ветхого Завета, но данный факт не указывается. Стоит отметить, что подобный приём, использованный автором, способствует экспрессивности повествования, поскольку солдат во время сражения, находясь на волоске от гибели, вспоминает именно Библию и Бога.

В число имплицитных цитатных аллюзий входят также перефразированные цитатные аллюзии, которые являются включением в текст не дословного чужого высказывания, а изменённого. Например, в Ветхом Завете мы можем прочесть следующую фразу: «*And they forsook the LORD, and served Baal and Ashtaroth*». А в рассказе «England, My England» мы можем найти перифраз данного выражения: «*And could she betray them, submitting to his Baal and Ashtaroth?*» [12]. Несмотря на то, что автор полностью перефразировал высказывание, мы можем увидеть связь между данной аллюзией и её источником.

2.4. Стилистические функции аллюзивных единиц в малой прозе Д.Г. Лоуренса

Единственным живым существом, способным вложить в слова свои эмоции и тем самым дать оценку тому или иному событию, является человек. Согласно Ю.В. Рождественскому, существует три основных типа оценки – негативная, нейтральная и положительная – с градацией согласно степени силы и качеств оценочных суждений [8, с. 255–256].

Типы оценочной коннотации с количественными показателями и примерами приводятся в таблице 3.

Таблица 2

Оценочные коннотации аллюзивных единиц в малой прозе Д.Г. Лоуренса

№ п/п	Тип оценочной коннотации	Кол-во	%	Примеры
1.	Позитивная коннотация	33	48,5	"Your name ought to be Panacea , not Paula," he replied.
2.	Негативная коннотация	18	26,5	She still had long sufferings to face, and, in her own childish consciousness, the stigma of her lameness to bear.
3.	Нейтральная коннотация	17	25	"Down there is the Signora!" said Marinina, pointing like one of the Fates .
Всего:		68	100	

Одна из основных функций аллюзий – эмоционально-оценочная, т. к. с помощью аллюзии автор может дать определённую характеристику объекта и создать его образ. Являясь стилистическим приёмом, аллюзия также ставит перед собой цель усилить экспрессивность произведения и послужить проводником авторской мысли. Таким образом, в рассказе «Two Blue Birds» Д.Г. Лоуренс использует библейскую аллюзию, отсылающую к притче о том, как Иисус пятью хлебами и двумя рыбинами накормил народ: «*And they seemed to perform **the miracle of loaves and fishes** daily» [16]. Цель аллюзии – подчеркнуть то, как наёмный персонал главной героини, миссис Джи, несмотря на скромный бюджет семьи, ловко управляет с домашними делами. Следовательно, в данном случае аллюзивная единица имеет позитивную коннотацию.*

Противоположной коннотацией – негативной – характеризуется аллюзия из рассказа «Things»: «*And America for twelve years had been **their anathema**, the Sodom and Gomorrah of industrial materialism» [11]. Использование церковного термина «анафема», обозначающего отлучение от церкви, показывает, что жизнь в Америке герои рассказа – Валери и Эрасмус – воспринимали как отлучение от мира прекрасных вещей Западной Европы. Необходимо отметить, что в рассматриваемом примере отмечена другая библейская аллюзивная единица – «*the Sodom and Gomorrah of industrial materialism*». Однако в данном случае аллюзия функционирует одновременно и в качестве другого стилистического приёма, антономазии. Подобное комбинирование двух стилистических приёмов, использующихся в единой стилистической функции, И.В. Арнольд называет «конвергенцией» [1, с. 80]. Так, сочетая аллюзию и антономазию, автор подчёркивает, насколько главные герои не любили Америку, если в их глазах она представлялась современным воплощением библейских городов Содом и Гоморры, уничтоженных Богом за тяжкие грехи их жителей.*

Как часть стилистической конвергенции аллюзия может использоваться в качестве эпитета. К примеру, в повести «The Ladybird» автор описывает внешность главной героини следующим образом: «*Don't tell me your hands could die, darling: your wonderful **Proserpine** fingers» [13]. Здесь пальцы героини сравниваются с пальцами римской богини плодородия и царицы Подземного царства, которая славилась своей необычайной красотой. Соответственно, с помощью аллюзивной единицы с позитивной коннотацией писатель показывает, насколько красивыми были руки героини. Аллюзия вызывает ассоциативную цепочку, и читатель сам рисует в своём воображении подходящий образ. Данный пример также подтверждает, что аллюзия-эпитет функционирует в качестве свёрнутой характеристики, «развернуть» которую читателю предлагается самостоятельно.*

В стилистической конвергенции с аллюзией чаще всего используется сравнение. В художественном произведении данная комбинация используется для описания либо характера и внешности героев, либо их действий. Так, в рассказе «England, My England» для того, чтобы показать читателям эмоциональное состояние героини, Винифред, ухаживающей за больной дочерью, автор вводит библейскую аллюзию к образу из церковного искусства и сравнивает её с Богородицей, в грудь которой вонзены семь клинков, как символ семи печалей: «*And like Mother with the seven swords in her breast, slowly her heart of pride and passion died in her breast, bleeding away*» [12]. В данном случае аллюзивная единица характеризуется негативной коннотацией.

2.5. Лингвокультурологические особенности аллюзивных единиц в малой прозе Д.Г. Лоуренса

Аллюзия является средством, отображающим взаимосвязь языка и культуры. Аллюзивные единицы из повестей и рассказов Д.Г. Лоуренса были разделены на две большие группы: аллюзии с межнациональной маркированностью, чьи источники являются настолько давно используемыми и общеизвестными, что утратили национальную принадлежность, и аллюзии с национальной маркированностью, чьи денотаты первого порядка принадлежат к культурному фонду определённой нации.

Большинство отобранных аллюзий относятся к первой группе (54,1 %), поскольку они представлены самыми многочисленными тематическими группами: библейскими, мифологическими и историческими. Так, в заглавии рассказа «New Eve and Old Adam» обнаруживается библейская аллюзия, отсылающая к прародителям рода человеческого, согласно Библии, и, тем самым, сопоставляющая персонажей рассказа с библейскими героями. Невозможно не отнести к межнациональным аллюзиям также ссылки на имена древнегреческих и древнеримских учёных и политических деятелей, т. к. в период Античности был заложен фундамент науки и искусства, чьё влияние ощущается в культуре почти любой страны. Стоит отметить, что такие аллюзии могут использоваться писателями для детализации периода, в котором происходит действие художественного произведения: «*When she was young the girl had known Caesar, and had shrunk from his eagle-like rapacity. The golden Anthony had sat with her many a half-hour, in the splendour of his great limbs and glowing manhood, and talked with her of the philosophies and the gods*» [14]. В данном отрывке повести «The Man Who Died» упоминание имён Гая Юлия Цезаря и Марка Антония нацелено на детализацию рассказа главной героини, жрицы богини Исида, о её жизни.

Национальные аллюзии в малой прозе Д.Г. Лоуренса представлены несколькими подгруппами:

1) британские национальные аллюзии (26,3 %). Например, в рассказе «England, My England» упоминается средневековый английский народный театрализованный танец моррис: «*But he talked of literature and music, he had a passion for old folk-music, collecting folk-songs and folk-dances, studying the Morris-dance and the old customs*» [12];

2) французские национальные аллюзии (9,8 %). Так, в рассказе «Mother and Daughter» обнаруживается отсылка к характерной особенности известного французского писателя Оноре де Бальзака – детализированности: «*Virginia Bodoïn had a good job: she was head of a department in a certain government office, held a responsible position, and earned, to imitate Balzac and be precise about it, seven hundred and fifty pounds a year*» [11];

3) итальянские национальные аллюзии (4,5 %). В рассказе «The Lovely Lady» мы находим следующее отрывок: «*The bluish lids were heavy, as if they ached sometimes with the strain of keeping the eyes beneath them arch and bright; and at the corners of the eyes were fine little wrinkles which would slacken into haggardness, then be pulled up tense again to that*

bright, gay look like a Leonardo woman who really could laugh outright» [16]. В данном описании из рассказа «The Lovely Lady» Лоуренс намекает на загадочный взгляд Джаконды, преследующий смотрящего с любого ракурса, и её таинственную улыбку;

4) немецкие национальные аллюзии (3,8 %). К примеру, в повести «The Ladybird», одним из главных героев которой является пленный немецкий офицер, лейтмотивом проходят строки из народной немецкой песни «Wenn ich ein Vöglein wär», написанной на слова И.Г. Гердера;

5) американские национальные аллюзии (1,5 %). Так, в рассказе «Sun» для детализации перелёта из Америки в Италию главной героини, Джулии, автор в повествовании упоминает реку Гудзон, находящуюся на востоке США: «*It was a black night, the Hudson swayed with heavy blackness, shaken over with spilled dribbles of light»* [16].

3. Заключение. В ходе исследования были рассмотрены структурные, стилистические и лингвокультурологические особенности аллюзивных единиц в повестях и рассказах Дэвида Герберта Лоуренса. Анализ эмпирического материала позволил выделить 10 тематических групп аллюзивных единиц: библейские, мифологические, литературные, исторические, бытовые, песенные, аллюзии к материальным предметам, географические и аллюзии к афоризмам, среди которых самой многочисленной группой являются библейские аллюзии.

Установлено, что аллюзии в малой прозе Д.Г. Лоуренса обладают позитивной, нейтральной и негативной коннотацией, следовательно, аллюзия в рассказах и повестях способна имплицитно выражать отношение автора к персонажам, событиям и вещам или отношение персонажей друг к другу. Более того, аллюзия может совместно функционировать со сравнением, антономазией и эпитетом.

Лингвокультурологическое исследование аллюзивных единиц представляет особый интерес с точки зрения их декодирования, т. к. существует возможность непонимания читателем авторского намёка в случае, если аллюзия принадлежит к другому национальному пласту. В малой прозе Д.Г. Лоуренса, кроме межнациональных аллюзий, к которым относятся, в основном, библейские и мифологические аллюзии, также можно обнаружить аллюзии, имеющие британский, французский, итальянский, немецкий и американский источник происхождения.

Аллюзия играет важную роль в экспликации авторского замысла, поскольку аллюзия – это один из способов автора имплицитно выразить отношение к персонажам, событиям, предметам или повысить детализированность повествования. Аллюзивная единица способна принимать различные формы и иметь различную сложность декодирования, поэтому представляется перспективным её дальнейшее изучение с позиции комплексного лингвистического анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учеб. для вузов / И.В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка (English Stylistics): учеб. для студ. инст. и фак. иностр. яз. / И.Р. Гальперин. – 3-е изд. – М.: URSS, 2010. – 331 с.
3. Гарифуллина А.М. Культурологическая маркированность аллюзий в художественном дискурсе Д. Фаулза: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 «Германские языки» / А.М. Гарифуллина. – Уфа, 2010. – 24 с.
4. Дронова Е.М. Стилистический приём аллюзии в свете теории интертекстуальности (на материале англо-ирландской драмы первой половины XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 «Германские языки» / Е.М. Дронова. – Воронеж, 2006. – 24 с.
5. Евсеев А.С. Основы теории аллюзии (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / А.С. Евсеев – М., 1990. – 15 с.

6. Ихсанова Л.И. Аллюзии с позиций лингвокультурологической парадигмы / Л.И. Ихсанова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – Уфа: Изд-во ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2017. – № 4. – С. 155–158.

7. Новохачёва Н.Ю. Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX-начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / Н.Ю. Новохачёва. – Ставрополь, 2005. – 24 с.

8. Рождественский Ю.В. Введение в языкознание: учеб. пособ. / Ю.В. Рождественский, А.В. Блинов. – М: Академия, 2005. – 336 с.

9. Сиренко Т.С. Стилистический аспект аллюзии / Т.С. Сиренко // Гуманитарные, социально-Экономические и общественные науки. – Майкопе: Общество с ограниченной ответственностью «Наука и образование», 2015. – № 1. – С. 364–366.

10. Тухарели М.Д. Аллюзия в системе художественного произведения: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 «Теория литературы» / М.Д. Тухарели, 1984. – 168 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

11. Lawrence D.H. The Complete Short Stories / D.H. Lawrence. – Режим доступа: <http://gutenberg.net.au/ebooks04/0400311h.html> (дата обращения: 06.02.2023).

12. Lawrence D.H. England, my England / D.H. Lawrence. – Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/8914/8914-h/8914-h.htm#chap01> (дата обращения: 06.02.2023).

13. Lawrence D.H. The Ladybird / D.H. Lawrence. – Режим доступа: <https://gutenberg.net.au/ebooks02/0200821h.html> (дата обращения: 06.02.2023).

14. Lawrence D.H. The Man Who Died / D.H. Lawrence. – Режим доступа: <http://gutenberg.net.au/ebooks07/0700631h.html> (дата обращения: 06.02.2023).

15. Lawrence D.H. The Prussian Officer and Other Stories / D.H. Lawrence. – Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/22480/pg22480-images.html#chap03> (дата обращения: 06.02.2023).

16. Lawrence D.H. The Woman Who Rode Away and Other Stories / D.H. Lawrence. – Режим доступа: <http://gutenberg.net.au/ebooks04/0400301h.html> (дата обращения: 06.02.2023).

Поступила в редакцию 03.12.2022 г.

ALLUSIONS IN THE SMALL PROSE BY D.H. LAWRENCE

O.L. Bessonova, E.S. Liubivaia

The article deals with structural, stylistic, and linguoculturological peculiarities of allusions in the small prose by David Herbert Lawrence. Structural types of allusions in small prose by D.H. Lawrence are considered. Stylistic functions of allusive units are described. Linguistic and cultural value of allusions is determined.

Key words: allusion, allusive inclusions, evaluative connotation, convergence, national markedness.

Бессонова Ольга Леонидовна.

Доктор филологических наук, профессор.
Заведующий кафедрой английской филологии.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»

E-mail: o.bessonova@donnu.ru

Любивая Елена Сергеевна.

Студентка 4 курса факультета иностранных языков.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»

E-mail: lubivaya.lena@mail.ru

Bessonova Olga Leonidovna.

Doctor of Philology, Professor.
Head of English Philology Department.
Donetsk State University.

E-mail: o.bessonova@donnu.ru

Liubivaia Elena Sergeevna

4-year student of Foreign Languages Faculty.
Donetsk State University.

E-mail: lubivaya.lena@mail.ru

УДК 39

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОКШАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ФОЛЬКЛОРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

© 2022 С.В. Богдашкина, В.А. Маскаева, С.А. Маскаева
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет
им. М.Е. Евсевьева»

В данной статье рассматриваются структурные и семантические особенности функционирования мокшанских фразеологизмов фольклорного происхождения в речи. Анализируется отражение рассматриваемого вопроса в трудах выдающихся лингвистов, как В.Б. Воробьевой, А.Д. Еськовой, В.В. Виноградова, В.М. Мокиенко, Н.Г. Никитиной, Л.М. Рязановского, В.Н. Телия и др. Проводится подробный анализ фразеологических единиц с компонентами «Бог» и «черт».

Ключевые слова: Фразеологизм, компонент, генезис, Бог, черт, фольклор.

Неоспорим тот факт, что Священное писание – один из самых значимых исторических литературных памятников для миллионов людей, что объясняет широкое распространение в языке библеизмов. Так, именно фольклорная, а в частности, библейская фразеология является ярким доказательством того, насколько по-разному формируются представления о мире в той или иной культуре. В частности, в мокшанском языке, как и во всех других языках, сохранились следы представлений о Боге, о Вселенной, о причинах появления всего живого на земле.

Теоретическую базу нашего исследования составляют труды таких выдающихся лингвистов, как В.Б. Воробьевой, А.Д. Еськовой, В.В. Виноградова, В.М. Мокиенко, Н.Г. Никитиной, Л.М. Рязановского, В.Н. Телия и др. Следует подчеркнуть, что в мордовском языкознании вопрос структурно-семантической семантики фразеологических единиц фольклорного происхождения ранее не подвергался рассмотрению и комплексному изучению. Л. Алимжанова в качестве особенности библейских фразеологических единиц называла их способность к переосмыслению [1, с. 203]. В свою очередь, В.А. Мендельсон в своих трудах подчеркивала, что отличительной чертой фразеологизмов библейского происхождения следует считать их способность при соотношении с каким-либо новым предметом или явлением давать новый смысловой оттенок [5, с. 18]. Согласимся с позициями вышеперечисленных исследователей-лингвистов, однако в нашей статье мы будем считать базисной точку зрения В.Н. Телия, который подробно изучил взаимодействие фольклора и фразеологии и отметил, что «субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [8, с. 14].

В мокшанском языке существует большое количество фразеологизмов, в которых «кодовым» компонентом является слово «Бог». Примечательным моментом является то, что по религиозным представлениям не во всех случаях можно расшифровать содержание подобных фразеологизмов, подставив обобщающее толкование «верховное всемогущее существо, управляющее миром» [7, с. 789]. Например, в фразеологических единицах *Шкайсь содасы* (букв.: Богу известно); *Шкайсь мархтот* (букв.: Бог с тобой); *Шкайсь максы* (букв.: Бог даст): *Сиреденьбяльти, пади, сонь вельденза ломанькска, Шкай максы, можна арамс* («На старости лет, может, с его помощью, Бог даст, и человеком можно будет стать») [10, с. 213–212] и т. д. Однако в связи с историческими

языковыми процессами в языке наблюдается «стирание» связи смыслового слова «Шкай» (букв.: Бог) с религией, т.е. исчерпание первоначальной книжной окраски, присущей данным единицам.

Отметим тот факт, что распространение христианства мордвы было длительным и сложным процессом для постепенного включения и адаптации мордовского народа в состав Российского государства, а также для его сближения с другими православными народами. Так, очагами проникновения на мордовскую землю православия становятся монастыри, возведенные в XVI веке. Самыми крупными из них являлись Чернеевский монастырь (основанный в 1573 году) в Шацком уезде, Санаксарский (основанный в 1659 году) и Саровский (основанный в 1705 году) в Темниковском уезде. К середине XVIII века крещение мордвы было завершено. Таким образом, слово «Шкай» (букв.: Бог) в большинстве ФЕ современного мокшанского языка отражает монотеистическое представление христиан о единственном и всемогущем создателе Вселенной [2, с. 173], а факт позднего принятия мордвой христианской религии подтверждает заимствование ряда библейских афоризмов из русской речи.

Согласимся с позицией кандидата исторических наук Пак Сон Гу [3, с. 36], который утверждал, что во фразеологических единицах со смыслообразующим компонентом «Бог» отражается: 1) вера в божественное предвидение: *Шкайсь тефт изь мярьге тиендемс* (букв.: Бог не велел работать): *Кунара тя ульсь. Сире тумоське азксть кулезе, мзярда нинге церамякс тума тядяню лопанц эльса ульсь. Мокшетнень ульсь фкя празниксна. Ся шиня кодамовок тефт Шкайсь изь мярьге тиендемс. Ломаттне васетькинесть, ярхцасть-симсть да корхнесть, морот морасть. А жаднай фкя мокшалась тяфтама шиня сявозе узерең и тусь вири. «Хуш тарадбе кандан, сякокс кудьётконь тевса кондясти, – арьсесь сон. – Мезенди стакацемда пингть юмафнемс?» Якась-шяясь вирьге – мезевок изь му. Вдруг кули вайгялхть. Шарозень кальхнень, нийсь куженя, тоса толмар палы, перьфканза аф содаф алят тозефт* [6, с. 12] («Давно это было. Еще старый дуб слышал этот рассказ. У мордвы был один праздник. В тот день Бог не велел работать. Люди ходили друг к другу в гости, пели песни. А один жадный мужик в тот день взял топор и пошел в лес. «Хоть ветку какую-нибудь принесу, всё в хозяйстве пригодится, – думал он: «Зачем попусту время терять?» Долго бродил по лесу, однако ничего не нашел. Вдруг услышал голоса. Просмотрев кусты, увидел полянку, где горел костер, вокруг которого сидели незнакомые мужчины»). 2) «защищающая» функция Бога: *Шкайсь ваноза* (букв.: Бог миловал «протекание «наставление на благоприятный ход какого-либо события»): *«Жуватаняньке, Шкайсь ванозень, улихть», – апак лоткак корхтась Микижерясь.* («И скотина, Бог миловал, у нас есть», – не останавливаясь, говорила жена Никифора) [10, с. 213–212]; *Улихть и кстынза и шукиштурунза. Аф стак тунда шувондсь да валондсь. Аф аньцек Шкайсь лездсь касфтомс, но и сонцьке* (Уродилась и клубника, и смородина. Не зря весной он усердно работал над ними. Не только Бог помог, но и его собственная заслуга в сборе хорошего урожая есть) [6, с. 12] и т.д.

Подчеркнем, из устного народного творчества в разговорную речь вошли фразеологические единицы с существительным «черт», которые позволяют отразить мировидение мордовского народа. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова содержание понятия черт толкуется как «злой дух, олицетворяющий зло, сверхъестественное существо в человеческом образе, с рогами, копытами и хвостом» [7, с. 755]. Согласимся с позицией Н.В. Шведовой [9, с. 28], которая в семантической структуре лексемы черт со значением «нечистой силы, искусителя человеческих душ»

выделяла такие семы, как категориальное значение предметности, одушевленность и семантическую группу мифического лица.

На основе проведенного нами анализа устной речи носителей языка, а также Фразеологического словаря мордовских (мокша и эрзя) языков под редакцией Р.С. Ширманкиной [10, с. 163–165] было определено, что в структуре фразеологической единицы, описывающей человека с точки зрения его личностных качеств и поступков, участвует элемент «черт» в переносном значении, поэтому проанализированные нами фразеологизмы с рассматриваемым компонентом целесообразно разделить на две лексико-семантические подгруппы: 1) фразеологические единицы, описывающие кого-либо с отрицательной стороны: *туткоды шяйттан* (букв.: брезгливый черт); *симомс шяйттанень самс* (букв.: напиться до чертиков) [10, с. 163–165]; *шяйттанне кандозь* (букв.: черти принесли «недовольство вследствие прихода нежеланного гостя»): *-Шяйттанне кандозь, окаяннайхнень, - сюець Варламов* [10, с. 150]. («- Черти принесли окаянных, - возразил Варламов»); *шяйттанць сялдазонц синдьсы* (букв.: черт ногу сломит «невозможность разобраться в чем-либо»): *- Ладна, - куфкстозь согласиндась Елена, - аньцек кадыть чертешнень: мзярс ванды тон улят работама вастса, мон оду чертиндасайне сембе схематнень, а то тонатнень эса сонць шяйттанць сялдазонц синдьсы* [10, с. 208]. («- Ладно, - со вздохом согласилась Елена, - только оставь чертежи: пока ты завтра будешь на работе, я вновь перечерчу все схемы, иначе в тех сам черт ногу сломит»); *шяйттанне сяволезь* (букв.: черт бы побрал кого- или чего-либо «возмущение, негодование, удивление кем- или чем-либо»): *- Ах, шяйттанне сяволедязь! – пешкоды попсь и давай усксемс шяярда церанять* [10, с. 209]. («- Ах, черт бы тебя побрал! – закричал поп и затаскал мальчишку за волосы»); *шяйттанць ускозе кяльда* (букв.: черт дернул за язык «сожаление по поводу сказанного»): *Самда меле попсь мярьги поповати: «Шяйттан усксезее тонь кяльценъ. Вага ашеме макса тейнза (работникти) сиволь, лятьф люкиясь мек стясь»* [10, с. 215]. (По приезде поп сказал попадье: «Дернул тебя черт за язык. Вот не дали ему (работнику) мяса, скошенная гречиха обратно встала») и т. д.; 2) фразеологические единицы, подчеркивающие положительные черты личности, его ловкость, смелость и удачливость: *галыш шяйттан* (букв.: голый черт «хитрый»), *сире шяйттан* (букв.: старый черт «опытный»), [10, с. 165] и т. д. Так, проанализированный материал позволяет утверждать, что в мокшанском языке большинство фразеологических единиц со смыслообразующим компонентом «черт» конструируются по модели словосочетания «существительное+глагол»; глаголы в данных примерах приносят признак конкретности словосочетанию и наделяют высказывание с библеизмом экспрессивностью и эмоционально-оценочными характеристиками, при этом большинство фразеологизмов рассматриваемой категории имеют сниженную окраску.

Кроме того, в мокшанской речи наблюдается закономерность, что лексема «шяйттан» (букв: черт) в речи может быть заменена синонимичными словами «афпарсь» (букв.: нечесть) / «прахсь» (букв.: прах) без нарушения первоначальной семантики контаминанта: *афпархне сяволезь* (букв.: черти бы утащили «негодование, возмущение кем- или чем-либо»). Ярким примером служат отрывки из юмористических произведений мордовского прозаика М. Моисеева: *Но сяка пингть сёвонень мазанкатъ фталда юпадсь и озась инголен врьгазика пине, равжса, бта таргаф кяше боцькаста. <...> «Р-р-р!» - нолдась вайгяль, мярьгат, кизефтемань: кяян и костоньян. <...> Инголи тумс – кургозонза поват, меки шарфтомс – фталда нозонттанза. Тиень аськолкст боку. И эстокиге норхик – пиджакозень полоц пинеть кургса ни. <...>*

Месендема? «Катк мезе ули», - арьсень эсь пачкан и чёхадень ласькозь. А тейнза, афпархне сяволезь, аныцек тя и эрявь («Пинет» («Собаки»)) [6, с. 12]. («В то же время передо мной появилась черная собака, размером с волка, черная как смоль, прибежавшая от мазанки. <...> «Р-р-р!» - прорычала она, будто спрашивала: кто и откуда я. <...> Пойду прямо – попаду в пасть, назад – нападет со спины. Я шагнул в сторону. И в этот же миг норхцк – клочок пиджака оказался в пасти собаки. <...> А ей, черт бы ее побрал, только это и надо»); Вона каршезон озаф Жучкин. Кизу ни, а шава пря. <...> Бта шутендай алясь, а лияста стане седис сялктанза, пчкьясь шамазонза тюхаделеть, афпарксть («Стирень ризф» («Девичья печаль»)) [6, с. 14]. (Вот напротив меня сел Жучкин. Взрослый парень, а ума мало. <...> Хоть и шутит, а в иной раз так за живое возьмет, что в лицо плюнуть хочется, черт бы его побрал).

Кроме того, проанализированный нами объемный теоретический материал мордовской библейской фразеологии позволяет выделить две объемные структурные группы: 1) обороты, соотносимые со словосочетаниями: *Шкайсь ваноза* (букв.: Бог миловал), *шяйтанонь вайме* (букв.: чертова душа), *сире шяйтан* (букв.: старый черт), *модань сал* (букв.: соль земли «душа народа, сильные, надежные люди») – заимствовано из русской библейской фразеологии, данное выражение восходит к Евангелии, из слов Иисуса ученикам: «Вы – соль земли» и др.; фразеологизмы-предложения, кумулирующие в себе народную мудрость, выражающие различные наставления, предостережения, пожелания или предписания: *Тят тие эстейть кумир* (букв.: Не сотвори себе кумира), *Шкай эсот аш* (букв.: нет Бога в тебе), *Шкайдонга аф пели* (букв.: Бога не боится), *Шкаень виздема аш эсонза* (букв.: нет в нем стеснения перед Богом) и т.д.

Итак, подведем итог, фразеологические единицы с компонентом Бог и черт, а также их дериваты представляют достаточно широкий пласт в мокшанском языке (в частности, в языке прозы, публицистики и разговорной речи) вследствие объемного образного потенциала, т.е. способности соотноситься с достаточно широким кругом реалий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимжанова Л. Фразеологизмы библейского происхождения в картине мира русского и английского языков / Л. Алимжанова // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва. – 2008. – № 1(61). – С. 202–208.
2. Бахмутов С.Б. Из истории мордовского края: право, экономика, демография, статистика / С.Б. Бахмутов, О.В. Танимов. – Рузаевка, 2007. – 256 с.
3. Богдашкина С.В. Фразеологизмы как часть культуры родного народа / С.В. Богдашкина, Т.И. Девяткина // Наука и образование в жизни современного общества: сборник научных трудов по материалам Международной науч.-практ. конф., 30 апреля 2015 г. : в 14 томах. Часть 9. – Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2015. – С. 23–24.
4. Пак Сон Гу Фразеорефлексы с компонентом Бог в русском языке / Пак Сон Гу // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 10. – С. 35–41.
5. Мендельсон В.А. Фразеологические единицы библейского происхождения в английском и русском языках: автореф. дис. ... кандидата филол. Наук : 10.02.20 / Мендельсон Вероника Александровна. – Казань, 2002. – 18 с.
6. Мокша / под ред. В. Лобанова // литературно-художественный и общественно-политический журнал. – Саранск. - № 10. – 2005. – С. 37–39.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – 4-е изд. – М. : ООО «Инфотех», 2010. – 874 с.

8. Телия В.Н. Первоочерёдные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.

9. Шведова Н.В. Словарь фразеологизмов с компонентом «черт» / Под ред. Н.Б. Усачевой. – Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2009. – 125 с.

10. Ширманкина Р.С. Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков [Текст] / Мордов. науч.-исслед. ин-т яз., литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1973. – 222 с.

Поступила в редакцию 13.09.2022 г.

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF MOKSHA PHRASEOLOGICAL UNITS OF FOLKLORE ORIGIN

S.V. Bogdashkina, V.A. Maskaeva, S.A. Maskaeva

This article deals with structural and semantic features of Moksha phraseological units of folklore origin, functioning in speech. The reflection of the issue under consideration in the works by outstanding linguists such as V.B. Vorobieva, A.D. Eskova, V.V. Vinogradov, V.M. Mokienko, N.G. Nikitina, L.M. Ryazanovsky, V.N. Teliya is analyzed. A detailed analysis of phraseological units with "God" and "devil" as components is carried out.

Key words: phraseology, component, genesis, God, devil, folklore.

Богдашкина Светлана Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева».
E-mail: svjatok@mail.ru

Маскаева Вера Александровна.

Студент.
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева».
E-mail: vera-maskaeva@mail.ru

Маскаева Светлана Александровна.

Студент.
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева».
E-mail: maskaeva.s@list.ru

Bogdashkina Svetlana Vladimirovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev.
E-mail: svjatok@mail.ru

Maskayeva Vera Alexandrovna.

Student.
Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev.

E-mail: vera-maskaeva@mail.ru

Maskayeva Svetlana Alexandrovna.

Student.
Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev.

E-mail: maskaeva.s@list.ru

УДК 811.161.1'35

**ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ
В КНИГЕ Д. РУБИНОЙ «ОДИНОКИЙ ПИШУЩИЙ ЧЕЛОВЕК»**© 2022 *Е.М. Галанова¹, В.А. Байко²*¹ *Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе*² *Севастопольский государственный университет*

В статье описана языковая рефлексия Д. Рубиной относительно употребления знаков препинания в книге «Одинокий пишущий человек». В результате исследования выяснено, что в произведении Д. Рубиной затронуты такие проблемы, как значимость пунктуации, постановка различных знаков препинания на основе принципов русской пунктуации (смысловой, грамматический, интонационный), среди которых автор отдаёт предпочтение интонационному принципу; постановка знаков препинания с учётом гендерных различий персонажей. Слова тематической группы «наименования знаков препинания» у Д. Рубиной используются в прямом и переносном значениях.

Ключевые слова: пунктуация, Д. Рубина, знаки препинания, языковая рефлексия.

Введение. Д. Рубина особое внимание обращает на пунктуационное оформление письменного текста, на что указывают не только высказывания писателя в прессе, но и упоминание слов тематической группы «пунктуация» в её произведениях.

Статья посвящена описанию языковой рефлексии Д. Рубиной относительно знаков препинания в книге «Одинокий пишущий человек».

По определению Т.В. Шмелёвой, языковая рефлексия – это «осознание, осмысление своего языкового поведения и языковой жизни общества, а также устройства языка и отдельных языковых фактов»; языковая рефлексия «определяет особый тип отношения к языку, предполагающий осмысленное пользование им, языковые наблюдения, соотношение своих оценок с чужими, с нормой, узусом» [10, с. 799].

В интервью Л. Сокольниковой Д. Рубина сама себя назвала довольно сложным автором в смысле пунктуации: «<...> потому что использую **весь спектр знаков препинания** – и **точка с запятой**, и **тире**, и **восклицательные знаки**. Вообще я ужасно люблю эти кувыркания в тексте, потому что я человек **интонационно** очень подвижный. Когда я пишу фразу, мне хочется, чтобы она звучала у читателя так, как она звучит у меня в области диафрагмы» [9].

По данному высказыванию можно выдвинуть гипотезу о том, что у Д. Рубиной в качестве ведущего выделяется интонационный принцип пунктуации, хотя ведущим принципом русской пунктуации является грамматический, «тогда как принципы смысловой и интонационный выступают в качестве хотя и обязательно действующих, но дополнительных. В отдельных конкретных проявлениях они могут быть выдвинуты и на передний план» [2, с. 33].

Основная часть. В книге Д. Рубиной «Одинокий пишущий человек» чётко прослеживается выделение интонационного принципа пунктуации в качестве ведущего, что подтверждает выдвинутую во введении гипотезу:

1. *Вам, в сущности, дела нет ни до тётки, ни до племянника – просто вы попали в плен авторской **интонации**, музыки фразы, манеры говорить... или в нашем случае – манеры расставлять слова, фразы и **знаки препинания** на листе бумаги* [6, с. 273].

В связи с этим Д. Рубина отмечает, что во время записи аудиоварианта книги у писателя есть «возможность выговориться», т.е. произнести с задуманной им

интонацией текст, поскольку не каждый читатель может определить семантику, которую передают знаки препинания:

2. *Зато у тебя полная возможность выговориться – буквально. Выговориться, напеть куплетик из второй главы, тот, что звучал у тебя в голове все три года, пока ты писала книгу. <...> Ты поводишь руками, поднимаешь голос, кричишь – если в тексте стоят **три восклицательных знака**. Ты наконец-то кричишь – ведь бог знает, как эти читатели проговаривают внутри себя твой несравненный, твой гениальный текст, когда водят по странице своим равнодушным глазом!* [6, с. 186–187].

На наш взгляд, интонационный принцип пунктуации в книге оказывается тесно связанным со смысловым, поскольку интонация позволяет лучше передать заложенные автором оттенки смысла:

3. *Но ритмы прозы это не только музыка, вернее, не совсем и не буквально музыка. Это и ритм чередования **абзацев**, и **точка**, поставленная в единственно правильном месте. А ещё это смешной знак: **точка с запятой**, такой нелепый хвостик, словно ты наступил на развязанный шнурок и на секунду заппулся. После неё меняется рисунок фразы, становится слегка танцевальным. Высота голосов в диалогах – ведь и ею можно дирижировать при помощи **знаков**. А многозначительная фермата (**многоточие**), которая длится и длится в трудном разговоре о расставании!* [6, с. 275]

В примере 3 Д. Рубина переходит от описания интонационно-пунктуационного оформления текста к характеристике смысла, передаваемого многоточием: <...> многозначительная фермата (**многоточие**), которая длится и длится в трудном разговоре о расставании. Здесь, как и в примере 4, писатель проводит аналогию между музыкальным и пунктуационным знаками, опираясь на их общую функцию «обозначение паузы» (Ср. «ФЕРМАТА – знак в нотном письме, обозначающий продление ноты или паузы на неопределённое время» [8, с. 558] и «МНОГОТОЧИЕ – знак препинания в виде трёх рядом поставленных точек (...), а также ряд точек, обозначающий пропуск в тексте» [7, с. 283]).

Е.Г. Басалаева и М.В. Шпильман, характеризуя метаязыковые размышления говорящих относительно того, зачем и в каких ситуациях они используют многоточие, приходят к выводу, что в некоторых случаях пишущие оценивают употребление многоточия «с позиции собственной языковой практики», что содержит «рефлексию относительно мотивации личного выбора знака, предпочтения одного знака другому в определённых речевых ситуациях, эмоциональной нагрузки и др.» [1, с. 250]. В книге «Одиноким пишущим человеком» Д. Рубина тоже рефлексировать по поводу частого использования этого знака препинания:

4. *Полночи я просидела над моим несчастным романом, прикидывая, с какого конца что там резать. Поставила две пропущенные запятые, в трёх местах убрала **многоточие**. Я вообще грешу этим многозначительным знаком: иногда скучаю по музыкальной фермате в литературных произведениях* [6, с. 164].

Несмотря на то, что грамматический (структурный) принцип пунктуации является ведущим, Д. Рубина отмечает, что расстановка знаков препинания с опорой на этот принцип часто нарушает мелодику фразы, мешает расставить нужные интонационные акценты:

5. *Потому что все писатели ненавидят корректоров с их общеупотребительными правилами правописания, с их проклятой **запятой**, которая по воле замшелых академических законов должна зачем-то перерубить гладкую ленту дивной фразы, распластанной на странице волшебным удавом; а в другом месте*

почему-то убраны совершенно необходимые **точка с запятой**, которые самым естественным образом поднимают фразу на гребень вдоха [6, с. 145–146].

Кроме размышлений автора о расстановке знаков препинания с опорой на принципы русской пунктуации, в книге Д. Рубиной проводится анализ интонационно-пунктуационного оформления прозы с точки зрения гендерных различий:

6. *В литературе, в прозе особенно, то самое «чувствование изнутри пола» осуществляется не на уровне прикосновения. Тут работает знание психологии человека, мужчины и женщины, понимание – как строить фразу, манера разбивать текстовый блок на абзацы, держать паузу. <...> Это касается и такой важной вещи, как строительство диалога. Если фразу произносит мужчина, он скажет её иначе, чем женщина. И дело совсем не в лексике. Тут длина дыхания, объём грудной клетки диктует манеру говорить. Он **точку** поставит в другом месте!* [6, с. 161].

В исследовательской литературе уже имеются работы, в которых акцентируется гендерный фактор, влияющий на постановку знаков препинания. Например, Е.М. Ефремова характеризует многоточие как знак препинания, больше характерный для письменной речи женщин, чем мужчин: «Специфичная модальность женского типа субъекта влияет на синтаксический, интонационный строй речи <...>» [3, с. 71]; «предпочтение автором знака многоточия может быть мотивировано особенностями подсознания субъекта женского типа <...>» [3, с. 73]. А.А. Мелоян пришла к выводу, что «гендерная принадлежность воздействует на выбор таких знаков препинания как кавычки и скобки» [4, с. 162].

Как и в 6 примере, у Д.Рубиной несколько раз в книге упоминается слово «точка» в разных значениях: как знак препинания (примеры 3, 6), так и в переносном значении «завершённость фабулы в тексте» [5, с. 79]:

7. *Книга книгой, но если ты будешь сидеть за столиком мешком картошки, надувая щёки и тяготно-буквально отвечая на вопросы (что никому не интересно), то в следующий раз к тебе никто не явится. **Точка*** [6, с. 204].

В следующем контексте встречается устойчивое сочетание «последняя точка» в значении «завершение какого-то дела, проблемы (без возможности продолжения)» [5, с. 79]:

8. *Тайна – это путеводная звезда, она кружит и водит, как леший по лесу, не только читателя, но и самого автора – пока не поставлена **последняя точка*** [6, с. 319].

В книге использованы и метафоры, образованные на основе внешнего сходства объектов:

9. *У другого писателя текст на странице подобен бумажной кружевной салфетке, вырезанной маникюрными ножничками: фразы коротки и легки, пересыпаны **брызгами многоточий*** <...> [6, с. 271–272].

В основе метафоры *брызги многоточий* внешнее сходство точек, входящих в многоточие, и точек, образованных в результате разбрызгивания жидкости.

Наряду с регламентированной пунктуацией в тексте встречаются и нерегламентированные знаки, при постановке которых семантический принцип пунктуации является ведущим:

10. *Нет, ни зги не видать, ни дворцов, ни мостов... и потому мы пропускаем нужную остановку на вапоретто и, когда выходим с чемоданами на причал, под дождь, уже совсем не понимаем – где мы. Чёрт знает – где* [6, с. 443].

В первом случае по правилам русского языка вместо тире следовало бы поставить запятую перед придаточным предложением *где мы*. Во втором случае знак препинания

внутри устойчивого выражения *чёрт знает где* не требуется. Д. Рубина в обоих предложениях использует тире, поскольку этот знак препинания с помощью создаваемой им паузы позволяет передать недоумение и растерянность автора от ситуации, в которой ему пришлось оказаться.

Заключение. Таким образом, в книге «Одинокий пишущий человек» можно выделить различные средства передачи языковой рефлексии Д. Рубиной по отношению к знакам препинания. Мы установили, что, автор, во-первых, отдаёт предпочтение интонационному принципу расстановки знаков препинания; во-вторых, отмечает своё равнодушие к использованию многоточия; в-третьих, делает акцент на необходимость расстановки знаков препинания с опорой на гендерные различия персонажей. Кроме того, анализ контекстов, включающих слова тематической группы «пунктуация», показал, что Д. Рубина употребляет данные слова как в прямом значении, так и в метафорическом, что характерно чаще всего для творческой языковой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Басалаева Е.Г. Многоточие как объект языковой рефлексии в интернет-дискурсе / Е.Г. Басалаева, М.В. Шпильман // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 248–255.
2. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н.С. Валгина. – М.: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2004. – 259 с.
3. Ефремова Е.М. Пунктуация как способ выражения авторской модальности в текстах В.Н. Потаповой / Е.М. Ефремова // Вестник Северо-восточного федерального университета им. А.М. Аммосова. – № 2 (88). – 2022. – С. 69–77.
4. Мелоян А.А. Репрезентация гендерной оценки на уровне пунктуации в американских глянцевого журналах / А.А. Мелоян // Альманах современной науки и образования. – № 4 (59). – 2012. – С. 160–162.
5. Перфильева Н.П. Лакуны в лексикографическом описании слов тематической группы «пунктуация» / Н.П. Перфильева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – №2 (24). – 2015. – С. 76–84.
6. Рубина Д. Одинокий пишущий человек / Д. Рубина. – М.: Эксмо, 2020. – 608 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т.2. К–О. – 1986. – 736 с.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т.4. С–Я. – 1988. – 800 с.
9. Сокольникова Л. – Режим доступа: <https://nsknews.info/materials/dina-rubina-nadevys-proveryayushchie-totalnogo-diktanta-budut-miloserdny-k-pishushchim-131161/> (дата обращения: 08.02.2023).
10. Шмелёва Т.В. Языковая рефлексия / Т.В. Шмелёва // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Под редакцией А.П. Сковородникова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 799–800.

Поступила в редакцию 10.12.2022 г.

PUNCTUATION MARKS AS OBJECT OF LANGUAGE REFLECTION IN THE BOOK "A LONELY WRITING MAN" BY D. RUBINA

E.M. Galanova, V.A. Baiko

The article deals with the use of punctuation marks as a language reflection in the book "A Lonely Writing Man" by D. Rubina. A number of problems, which have been touched upon in the book by D. Rubina, are considered, among them are the importance of punctuation, the formulation of various punctuation marks based on the principles of Russian punctuation (semantic, grammatical, intonation principles), with the intonation principle being preferred by the author. The use of punctuation marks depending on the characters' gender is also focused on. Terms of the thematic group "names of punctuation marks" are used both in direct and figurative meanings in the book by D. Rubina.

Key words: *punctuation, D. Rubina, punctuation marks, language reflection.*

Галанова Екатерина Михайловна.

Кандидат филологических наук.

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе.

Доцент кафедры русского языка и литературы.

E-mail: katya_gala@mail.ru

Байко Валерия Александровна.

Кандидат филологических наук.

Севастопольский государственный университет.

Старший преподаватель кафедры «Иностранные языки».

E-mail: VABaiko@sevsu.ru

Galanova Ekaterina Mihajlovna.

Candidate of Philology.

Sevastopol branch of Lomonosov Moscow State University.

Associate Professor of Russian Language and Literature Department.

E-mail: katya_gala@mail.ru

Baiko Valeria Aleksandrovna.

Candidate of Philology.

Sevastopol State University.

Senior Teacher of Foreign Languages Department.

E-mail: VABaiko@sevsu.ru

УДК 81'42

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ МЕМОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

© 2022 *Н.В. Гладкая*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена наиболее популярной единице в интернет-коммуникации – интернет-мему. Актуальность статьи обусловлена широкой распространенностью интернет-мемов в виртуальном пространстве и их недостаточной изученностью. В исследовании рассмотрены основные функции интернет-мема, особое внимание уделено коммуникативно-прагматическому и социокультурному потенциалу данного явления как средства межкультурной коммуникации, который заключается в том, что в интернет-мемах проявляются процессы глобализации информационно-культурного контента.

Ключевые слова: интернет-мем, интернет-коммуникация, прецедентный текст, коммуникативно-прагматический потенциал, функции интернет-мема.

Стремительное развитие социальных сетей и медиасферы стало отправной точкой для уникального типа общения – интернет-коммуникации, которая дала толчок для развития новой языковой системы, направленной на визуализированный компонент. Современная интернет-коммуникация транслирует живое общение в социальные сети, и этот процесс не односторонний, так, из Интернета в реальную жизнь проник феномен интернет-мема (мем), став популярным еще в 2000-х годах и развивающийся по сей день.

Интернет-мемы являются современной формой культурного выражения и, как правило, являются отражением социокультурных тенденций и установок в обществе. В зависимости от конкретного мема, его социокультурный характер может проявляться в разных аспектах. Например, некоторые мемы могут отражать социальные тренды, связанные с интересами и развлечениями молодежной аудитории, такие как игры, музыка, сериалы и проч. Другие мемы могут выражать политические и социальные взгляды, отражать настроения общества по отношению к происходящим событиям.

Кроме того, интернет-мемы часто используются в качестве средства самовыражения и самоидентификации для различных нишевых групп, таких как фанаты игр, любители кино и сериалов, интернет-юмористы и т.д. В этом случае мемы служат не только способом развлечения, но и способом создания и поддержания своей уникальной социальной идентичности. Таким образом, социокультурный характер интернет-мема зависит от контекста, в котором он возникает и используется, а также от социальных и культурных тенденций в обществе. «Мемы появляются как реализация творческого потенциала пользователей социальных сетей и реакция на социально значимые изменения в обществе, а их распространению способствуют простота воспроизведения и восприятия, комическая составляющая, а также актуальность и злободневность затронутой темы, но учитывая быстрый и зачастую бесконтрольный характер распространения информации, сложно заранее предугадать, будет ли тот или иной мем реплицироваться» [1, с.31].

Интернет-мемы являются одним из ярких примеров межкультурной коммуникации. Они объединяют людей разных возрастов, культур и национальностей в общей цели – создании и распространении юмористических образов и идей. Многие

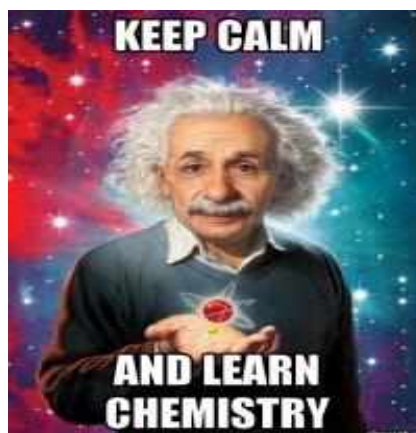
мемы уходят корнями в массовую культуру различных стран, и не всегда легко понять их смысл и значение, не имея соответствующего контекста. В этом плане, интернет-мемы реализуются как средство коммуникации, с широкой адаптационной способностью, реализующейся в различных культурных контекстах, чтобы быть понятыми широкой аудиторией. Кроме того, каждый раз, когда мем переходит из одной культуры в другую, он может изменяться, приобретая новые нюансы и подтексты, достойные интерпретации. Это свидетельствует о том, что интернет-мемы, как и другие формы коммуникации, подвержены культурным изменениям и развитию. Такие мемы можно назвать интернациональными.

Рисунок 1

Рисунок 2

Один из примеров интернациональных мемов – мем «Keep Calm and Carry On» («Сохраняйте спокойствие и продолжайте двигаться вперед»), который был создан в Великобритании в 1939 году во время Второй мировой войны (Рисунок 1). Этот мем стал культовым и популярным во всем мире благодаря своей универсальности и простоте восприятия. Он поддержал британцев в трудные времена и продолжает вдохновлять людей в разных странах в настоящее время. В современном интернет-пространстве можно найти множество вариантов данного мема (Рисунок 2).

Не менее популярным является еще один интернациональный мем – «Distracted Boyfriend» («Растерянный парень» в Рунете мем можно найти под названием «Неверный парень») (Рисунок 3). Мем состоит из фотографии, на которой парень проходит мимо своей девушки, изумленно глядя на другую девушку. Этот мем быстро

стал популярен в социальных сетях в 2017 году и стал символом "измены" и "неверности".

Рисунок 3

Таким образом, интернет-мемы отличный пример межкультурной коммуникации, которая объединяет разные культуры и национальности в интернет-пространстве, способствуя распространению социальных и культурных идей, как в рамках отдельных стран, так и в мировом масштабе. Дуглас Рашкофф сравнивал быстрое распространение идей и образов с медиавирусом («Медиавирус – это распространяющиеся по инфосфере мемы и мемокомплексы, изменяющие восприятие локальных и глобальных событий») [2]. А. Столетов высказывает мысль о том, что «предметного разговора про интернет-мем... не получится, если не брать в расчет эмоции и ассоциации пользователей сети, обуславливающие его популярность, мотивирующие к мыслям и действиям, по связанным с мемом поводам» [4]. Прецедентный характер мемов предполагает, что пользователи социальных сетей должны уметь корректно их декодировать, для этого нужно обладать определенной культурной базой, т.е. «мемы являются способом определить наше онлайн "племя", или наше представление о нем в данный момент времени» [5].

Учитывая вышеперечисленное, можно говорить о том, что мемы являются актуальными средствами передачи и хранения культурной информации, оказывающими эмоциональное воздействие, что способствует их активному распространению, а их основная функция – репликация.

К сожалению, как и любые другие тренды, интернет-мемы появляются и исчезают с огромной скоростью, поэтому сложно предсказать, какие мемы будут популярны. «Мемы конкурируют между собой в интернет-среде, следуя одной цели – репликации, при этом невозможно предсказать последствия их движения» [1, с. 30].

Можно только предположить, что в следующие годы возможно будут более широко использоваться мемы, связанные с политическими процессами и социальными изменениями, которые происходят в мире, а также мемы, относящиеся к различным технологическим и экологическим вопросам, связанные с быстрым развитием цифровых технологий.

Учитывая вышесказанное, можем сделать вывод, что основная составляющая интернет-мема как явления формируется за счет фактора скоростного распространения вирусной информации. Благодаря возможности взаимодействовать в Интернете без каких-либо границ, культура претерпела значительные изменения, так в современном обществе активно создаются новые крупные сообщества, объединенные разными целями. «Объединение происходит не только внутри конкретного формально или неформально (географически, политически, социально) выделенного региона (города,

государства, материка), но также внутри определенных интернет-групп, которые соединены в основном, в целях комфортного существования друг друга, тем самым являясь примером применения основных либертарианских ценностей» [3].

Трансформация и изменение общественного сознания, форм коммуникации приводит к изменению социального устройства, поэтому интернет-мем является альтернативной, упрощенной формой обмена информацией, усиливает сепаратные настроения, способствует разделению общества на определенные группы.

Интернет-мемы могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на реципиентов. С одной стороны, они могут быть способом повышения настроения и развлечения. Некоторые мемы могут быть забавными и позитивными, и использование их может помочь людям почувствовать себя более счастливыми и расслабленными. Однако, с другой стороны, мемы могут также повлиять на культуру и мировоззрение людей. Некоторые мемы становятся настолько популярными, что начинают влиять на поведение и мышление людей в обществе. Некоторые мемы могут содержать негативные сообщения, которые могут привести к распространению стереотипов и невежества. Кроме того, слишком большое количество времени, потраченное на просмотр интернет-мемов, может отрицательно повлиять на производительность и здоровье человека. В общем, все зависит от того, насколько человек находится в балансе и использует мемы как способ развлечения и отдыха, а не как основной источник информации.

Интернет-мем – это дуальная культурная единица, состоящая из звука, фотографии, изображения, фразы, видео и проч., при этом передающая конкретный посыл, который в свою очередь может быть корректно интерпретирован и декодирован только людьми из определенного социального и этнического круга. Мемы, несмотря на свою мнимую простоту и комический характер, служат средством манипулирования. Так, многие рекламные компании, политические организации и др. воздействуют на общественное сознание при помощи мемов. В современных социальных сетях наиболее распространенные следующие методы воздействия

1. Метод сокрытия важной информации путем массового заполнения бесполезной информацией новостной ленты в социальных сетях. Так, чем больше пользователь социальных сетей занимается скроллингом (от англ. scrolling — «просматривание; прокрутка»), тем меньше важной информации он может выделить;

2. Метод постепенного продвижения какой-либо идеи (например, популяризация ЛГБТ, бодипозитива и проч.);

3. Метод умышленного унижения человеческих достижений, навязывания идеи бесполезности;

4. Метод шокированного воздействия, когда пользователи настолько поражены контентом, что эмоции не позволяют реально и рационально оценить представленную информацию;

5. Метод популяризации и навязывания идеи о том, что модно быть безграмотным, пошлым (распространяются мемы с аморальными шутками, пошлыми изображениями, орфографическими ошибками);

6. Метод высмеивания (высмеиваются через мемы любые ситуации, социальные проблемы, люди, политические лидеры – все, что актуально в данный момент и вызывает отклик у пользователей);

7. Метод обучения (интернет-мемы могут использоваться и как средство обучения, яркая иллюстративность и сжатость способствуют быстрому запоминанию темы).

Несомненно, методов манипулирования при помощи мемов намного больше и их выбор зависит от поисковых запросов, интересов и информации, публикуемой пользователем.

Попытки объяснить почему одни мемы становятся популярны и быстро распространяются, а на другие не обращают внимания, приводят к идее, что исследование интернет-мема невозможно без параллелей с психологией, социологией, культурологией, т.к. интернет-мем – это социокультурный феномен современности.

Интернет-мемы существенно трансформировали современный мир и интернет-пространство. Являясь одной из основных разновидностей информационных продуктов, интернет-мемы оказывают активное влияние на реципиентов и стали основой для создания метанарратива. Скорость распространения и передачи информации при помощи мемов оказывает куда большее влияние на пользователей социальных сетей, чем любая другая информация. Представленные в данной работе факты, несомненно, свидетельствуют о необходимости дальнейшего рассмотрения явления интернет-мема с учетом разных аспектов и сфер его влияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гладкая Н.В. Влияние интернет-мемов на формирование общественного мнения: теоретический аспект / Н.В. Гладкая. – Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2021. – № 4. – С. 30–35.
2. Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф // Пер. с англ. Д. Борисова. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 368 с.
3. Рыжков К.Л. Интернет-мемы как новосоциально-культурное явление / К.Л. Рыжков // Человек и культура. – 2021. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36432 (дата обращения: 12.02.2023).
4. Столетов А. Мемы: мифы и реальность / А. Столетов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.marketing.spb.ru/lib-around/socio/meme.htm> (дата обращения: 12.02.2023).
5. Burgess T. Friday Fun: What Different Types of Memes Say About IT Service Management Professionals / T. Burgess. – Режим доступа: <http://blog.samanage.com/friday-fun/friday-fun-what-differenttypesof-memes-say-about-it-service-managementprofessionals> (дата обращения: 12.02.2023).

Поступила в редакцию 17.12.2022 г.

TO THE QUESTION OF COMMUNICATIVE-PRAGMATIC AND SOCIO-CULTURAL POTENTIAL OF MEMES IN INTERNET COMMUNICATION

N.V. Gladkaya

The article addresses the Internet meme, which is considered to be the most popular unit in Internet communication. The relevance of the article is accounted for by the wide prevalence of Internet memes in the virtual space. The main functions of the Internet meme are considered. A special attention is paid to the communicative-pragmatic and socio-cultural potential of this phenomenon as a means of intercultural communication, which lies in the fact that Internet memes manifest the processes of globalization of information and cultural content.

Key words: Internet meme, Internet communication, precedent text, communicative and pragmatic potential, Internet meme functions.

Гладкая Наталья Витальевна.

Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University.
Associate Professor of the Russian Language Department.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

УДК 811.161.1.

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА
В ПРОИЗВЕДЕНИИ «МАРФА ПОСАДНИЦА» С. ЕСЕНИНА**

© 2022 Ю.Л. Дмитриева

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье проанализирована степень изученности языка текстов С. Есенина, а также средств объективации пространства и объектов, его конституирующих в произведениях поэта. Автор даёт определение модели как единицы метаязыка лингвистического исследования, приводит пример словообразовательной и метафорической моделей. В работе пространство рассматривается также как модель, построенная в сознании человека по определённым заданным параметрам. Указанные параметры описаны в лингвистической литературе и зафиксированы в словарной дефиниции языкового знака *пространство*. В произведении «Марфа Посадница» объективировано земное и космическое пространство, которое категоризируется лирическим субъектом в соответствии с оппозицией «свой» – «чужой».

Ключевые слова: модель мира, пространство, категория «свой – чужой», лирический субъект, граница.

Изучение особенностей языка художественных произведений того или иного автора остаётся в фокусе внимания учёных. В рамках современного есениноведения в работах Е.В. Михайловой, А.И. Лазовской, В.Б. Тюрина, Е.Н. Суворкиной, С.А. Кривошапко и др. исследуется система концептов в текстах С. Есенина (в их числе концепт «ПРОСТРАНСТВО»). Е.С. Хило, М.Ю. Меньшикова, И. Макарем, Т.И. Колесник, М. Сордини и т.д. описывают особенности перевода стихотворений и поэм «последнего поэта деревни». Кроме того, рассматриваются интертекстуальные и интермедийные связи творчества С. Есенина с текстами авторов из Китая, Великобритании, Германии, США, а также с произведениями русских литераторов различных периодов (см. работы О.Е. Вороновой, И.Н. Коржовой, Д.О. Котомцева, А.А. Корниловой и др.).

Лингвистами запущен проект создания «Есенинской энциклопедии», статьи которой появляются на страницах научно-методического журнала «Современное есениноведение». В марте 2021 г. к 125-летию со дня рождения писателя вышел первый выпуск энциклопедии «Памятные места и литературная география», включающий 442 топонима. Данные вербальные знаки называют место в пространстве, с которым связаны как события жизни поэта, так и сюжеты его произведений.

Не только топонимика художественных текстов С. Есенина, но и особенности восприятия и описания пространства в его произведениях стали предметом исследования лингвистов. Учёными описана специфика функционирования образа города в идиостиле литератора (А.В. Самодурова), детально проанализированы образы дома и/или избы (В.А. Доманский, Р.П. Дронсейка и др.), поля (В.А. Доманский, Ван Синьтун и т.д.), дерева (Ю.Л. Дмитриева, В.А. Доманский и др.), неба и небесного града (М.М. Медведева, Н.В. Михаленко, Е.П. Гребенская и т.д.), а также образы Востока, особенности репрезентации художественных времени и пространства в цикле «Персидские мотивы» (Л.Ф. Алексеева, Л.В. Вахрушева, Г.И. Шипулина, Е.А. Самоделова и др.). Автором данной работы были предприняты попытки анализа вербальных знаков, выражающих специфику восприятия пространства в стихотворениях С. Есенина. Однако системного описания средств репрезентации

пространства, а также особенностей его моделирования в художественном(ых) произведении(ях) поэта нет. Это обуславливает актуальность данной работы.

Цель статьи – описание средств вербализации пространственной модели мира в стихотворении (маленькой поэме) «Марфа Посадница» С. Есенина.

Для обозначения «абстрактного понятия эталона или образца грамматической, фонологической или иной системы и представления самых общих характеристик какого-либо языкового явления; общей схемы описания системы языка или его подсистем» [4] в современном языкознании используется термин *модель*. Учёные отмечают, что он применяется также при изучении строения какой-либо языковой единицы. Например, А.Н. Тихонов и Н.М. Шанский при описании способов словообразования вводят понятие «словообразовательная модель», т.е. образец построения производных слов от производящей основы конкретной части речи. Так, дериват *посадница*, используемый С. Есениным в названии маленькой поэмы «Марфа Посадница», образован по модели «основа существительного со значением лицо мужского рода по профессиональной принадлежности + суффикс *-ниц(а)* (или замена суффикса *-ник* указанным формантом)» (см. [11, с. 98]): *посадник* → *посадница*. Ср.: «Посадница – 1. Женск. к *сущ.*: посадник. 2) Жена посадника» [2].

Нами при исследовании на материале произведений С. Есенина образа дерева как базовой единицы лингвокультуры были выявлены и описаны метафорические модели, формирующие метафорический образ дерева. Аналогичные модели функционируют и в произведении «Марфа Посадница». Так, в строфе *На соборах Кремля колокола заплакали* [3, с. 9] вербализирована метафорическая модель «предмет → человек». Область её источника выражена словом, называющим как предмет материальной культуры человека, так и производимый с его помощью звук (ср.: «Колокол – металлическое (из меди или из медного сплава) изделие в виде полого усечённого конуса с подвешенным внутри него для звона стержнем (языком). // О звоне, звуке, производимом колоколом, колокольчиком» [2]). Область цели рассматриваемой метафорической модели эксплицирована предикатом *заплакать*, который называет действие, производимое субъектом (колоколом), но характерное для человека.

В функциональной грамматике пространственные отношения также описываются с помощью модели, а именно: пространственной модели ситуации $A+V+r+L$ (см. [9]), в которой *A* обозначает локализуемый предмет, *r* символизирует пространственное отношение, а *L* – локализатор. Кроме того, А.В. Бондарко вводит в данную модель факультативный компонент *V* для характеристики движения или местопребывания предмета. Так, в строке *Ой, как выходила Марфа за ворота...* [3, с. 7] локализуемый предмет (*A*) выражен именем собственным *Марфа*; пространственное отношение (*r*) эксплицировано предикатом *вышла*; локализатор (*L*) вербализован предложно-падежной конструкцией *за ворота*. Компонент *V* представлен сочетанием глагола *выйти* и словоформы *за ворота*. Вербальный знак *выйти* обозначает перемещение в пространстве. Ср.: «Выйти – уйти откуда-либо, оставить, покинуть какое-либо место, помещение, пределы чего-либо» [2]. Аналогичное значение выражает предлог *за*, указывающий на «предмет, место и т.п., за пределы которого, дальше которого или через который направлено действие, движение» [Там же], и имя существительное *ворота*, т.е. «широкий вход или проезд, запираемый створами (в строениях, стенах, заборах); створы для запираения этого входа или проезда» [Там же].

Таким образом, модель позволяет детализировано представить изучаемый феномен, раскрыть сущность рассматриваемого процесса. В лингвокультурологии и лингвоконцептологии *модель* функционирует в составе терминосочетания *модель мира*,

используемого для номинирования «(ментального) способа (или формы) и результата воспроизводства (или репрезентации) представления человеком мира» [5, с. 16] по заданным параметрам. Мы рассматриваем пространство как модель, поскольку во всех работах, посвящённых данному вопросу, отмечается зависимость описания пространства от заданных параметров. Так, исследователи (В.Н. Топоров, Н.И. Толстой, В.В. Красных, И.В. Захарова, Е.С. Яковлева, Р.Н. Порядина и др.) указывают, что восприятие и отображение пространства антропоцентричны, т.е. невозможны без человека. Будучи своеобразной точкой отсчета и определения пространственных координат, индивидуум воспринимает и описывает пространство, а именно: объекты онтологического мира, которые его конституируют. Это отмечено и в этнолингвистическом словаре «Славянские древности». Ср.: «Способы организации и осмысления пространства в традиционной культуре носят антропоцентричный характер, т. е. отражают точку зрения человека, находящегося в центре пространства и познающего его» [8, с. 304]. Однако Т.В. Цивьян смещает центр разворачивания (отсчёта) пространственной модели мира с человека на его дом, который исследователь рассматривает как проекцию человека в пространство и моделирование последнего в уменьшенном варианте. Те пространственные параметры, по которым пространственная модель мира строится в русском языковом сознании, заложены в основе построения пространства дома, его обживания, наделения определёнными функциями элементов строения. Отметим, что традиционными для русской лингвокультуры считаются параметры пространства «“верх-низ”, “правый-левый”, “передний-задний”, “восток-запад” (слабее выражена оппозиция “юг-север”), “центр-периферия”, “сакральный-профанный”» [8, с. 304]. Они же актуализированы и в словарном толковании полисеманта *пространство*.

В русском языковом сознании данная лексема называет «одну из основных форм существования материи, характеризующуюся протяжённостью и объёмом» [2]. Это определение соотносится с делением пространства на земное и космическое (см. [8, с. 304–305]). Каждое из выделенных пространств характеризуется своими пространственными зонами, своим центром и периферией, своими объектами и населяющими субъектами. Земное пространство рассматривается как непосредственно данное человеку для восприятия. Это привычная среда жизнедеятельности индивидуума. Так, для лирического субъекта стихотворения (маленькой поэмы) Марфы Посадницы это пространство дома, двора, родного города. Космическое же связывают с представлением о пространстве мира. Л.Г. Гынгазова отмечает его ориентированность относительно человека: «в нём рождаются и живут; по нему ходят, ездят; в нём существует определённый порядок; оно выступает как обобщённый объект восприятия» [6, с. 83].

Другим значением лексемы *пространство* является «неограниченная протяжённость во всех измерениях, направлениях» [2]. Это обуславливает категоризацию пространства на «своё» и «чужое». Отметим, что такая категоризация возможна как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскостях. В горизонтальной плоскости «своим» является культурно ассимилированное человеком пространство (ср. описание собрания новгородцев, на котором выступала Марфа Посадница в произведении С. Есенина), а «чужим» – природа или пространство, эксплицируемое сочетанием *чужая сторона*, т.е. пространство, которое ассимилировано представителями другого этноса и/или культуры.

Отметим, что традиционная для русской лингвокультуры пространственная модель мира представлена в виде концентрических кругов: в центре человек, далее

объекты и границы, отделяющие одну зону от другой, ассимилированное индивидуумом пространство от природного. Это горизонтально ориентированная пространственная модель «человек – дом – двор – село – поле – лес» [8, с. 581]. Каждый из указанных локусов отделяется от другого границей, т.е. средством идентификации пространства и объектов, его конституирующих. Так, в строке *как по бильнице тропинка пролегла* [3, с. 11] номинация *тропинка* выражает представление о границе между культурно ассимилированным («своим») и природным, не освоенным человеком («чужим») пространством. Границы не только отделяют одну зону от другой, но и, согласно нашим исследованиям, являются местом соприкосновения и/или взаимопроникновения зон. Так, лексема *крыльцо* также рассматривается как граница. Р.М. Порядина трактует крыльцо как символ границы «своего» и «чужого» пространства. «Крыльцо образует границу миров, поэтому включённость его в то или другое пространство зависит от направления движения» [6, с. 30]. В строках *Марфа на крылечко праву ножку кинула /левой помахала каблучком сафьяновым* [3, с. 8] лирический субъект находится на этой границе, двигаясь из одного локуса (двора) в другой (дом).

В вертикальной плоскости пространственной модели мира в произведении С. Есенина «своим» является «этот» свет, «чужим» – «тот». Ср.: «В любом варианте устройства мирового пространства выделяется земля как место жизни людей и потустороннее пространство как место обитания душ умерших, святых и мифологических существ. В более поздней картине мира, сложившейся под влиянием христианства, «тот свет» подразделяется на рай как место загробного пребывания праведников и высших сакральных сил и ад как место пребывания грешников и демонов» [8, с. 305].

В «Марфе Посаднице» «этот» свет эксплицирован языковыми знаками, с помощью которых описываются события, происходящие как в Новгороде, так и в Москве, а также конфронтация двух городов. Пространство при этом традиционно представлено в горизонтальной плоскости. Это совокупность объектов, расположенных по мере удаления от центра – человека, воспринимающего и описывающего пространство. В поэме С. Есенина «Марфа Посадница» эксплицированы несколько феноменов мира, которые выражают представления о пространственных зонах и их местоположении относительно центра – лирического субъекта. Ср.: *Ой, как выходила Марфа за ворота* [3, с. 7]; *Раскололся зыками колокол на вече* [Там же]; *Что нам Московия – как поставник блинный!* [Там же]; *Марфа на крылечко праву ножку кинула, /левой помахала каблучком сафьяновым* [Там же, с. 8]; *Новгород мне вольный ног не лобызает!* [Там же]; *На соборах Кремля колокола заплакали, /Собирались стрельцы из дальних слобод* [Там же, с. 9]; *Кто-то воротится невредим в дом?* [Там же]; *За окошко она наклонилась* [Там же, с. 10]; *Как по бильнице тропинка пролегла; /А пойдёмте стольный Киев звать!* [Там же, с. 11] и т.д.

В данных примерах «этот» свет объективирован словами, называющими объекты культурно ассимилированного («своего») пространства (*ворота, вече, собор, Кремль, окно, дом, крыльцо, слобода*), а дистанционные признаки – вербальными знаками, указывающими на степень удалённости или расположение относительно центра модели (*правый, левый, дальний*). Ср.: «Ворота – широкий вход или проезд, запираемый створами (в строениях, стенах, заборах); створы для запираения этого входа или проезда» [2]; «Вече – народное собрание на городской площади как высший орган власти (на Руси X–XIV вв.); место такого собрания» [Там же]; «Собор – главная

церковь города, монастыря» [Там же]; «Кремль – наиболее древняя часть старых русских городов, обнесенная крепостными стенами с башнями» [Там же]; «Окно – отверстие в стене здания или стенке какого-либо транспортного средства, предназначенное для света и воздуха» [Там же]; «Дом – жилое здание, строение» [Там же]; «Крыльцо – пристройка при входе в дом в виде площадки с лестницей (иногда под навесом)» [Там же]; «Слобода – торговый или ремесленный посёлок» [Там же]; «Правый – расположенный в той стороне тела, которая противоположна левой» [Там же]; «Левый – расположенный в той стороне тела, где находится сердце» [Там же]; «Дальний – отдалённый, далёкий» [Там же].

Кроме того, в тексте используются названия городов *Киев*, *Новгород*, *Москва* и номинация *Московия*. Также автором употребляются относительные имена прилагательные, выражающие отношение к называемому производящей основой населённому пункту. Ср.: *Грамотой московскою извольню повелено* [3, с. 7]; *Царь московский антихриста вызывает* [Там же, с. 8]; *Стучитесь к новоградским дверям!* [Там же, с. 10].

В анализируемом произведении нет описания перечисленных локусов, они лишь названы С. Есенины. Кроме того, действие поэмы постоянно перемещается в горизонтальной плоскости из Новгорода (его домов, веча, собора, Кремля) в Москву и обратно. Это пространство для одних лирических субъектов категоризируется как «чужое» (например, пространство Москвы с царём для новгородцев и Марфы Посадницы является враждебным, следовательно, «чужим»), для других – как «своё» (восприятие Новгорода как части страны царём, сидящим в Москве). Только в конце поэмы указан *стольный Киев* как ещё один центр культурной жизни, к которому *пролегла тропинка*. Этот локус находится в пространственной модели мира произведения вне категории «свой» – «чужой», это то пространство, где описанный в стихотворении (маленькой поэме) спор может быть решён. Ср.: *А пойдёмте стольный Киев звать!* [3, с. 11].

«Тот» свет в рассматриваемом тексте выражен лексемами, называющими жителей анализируемого пространства, а также указывающими на «тот» мир словами. Ср.: *Услыхали ангелы голос человечесий, / Отворили наскоро окна-ставни горние* [3, с. 7]; *Царь московский антихриста вызывает* [Там же, с. 8]; *Вылез из запечья сатана гадюкой, / В пучеглазых бельмах исчавьедье ада* [Там же]; *В зарукавнике Марфа Богу молилась* [Там же, с. 10]; *Приносили голуби от Бога письмо, / Золотыми письменами рубленное* [Там же].

В приведённых примерах вербальные знаки *ангел*, *Бог*, *антихрист*, *сатана*, эксплицируют представления о существах, населяющих «тот» мир. Ср.: «Ангел – в иудейской, христианской и мусульманской мифологии: сверхъестественное бесплотное существо, посланец Бога, покровительствующий человеку (изображается обычно в виде крылатого юноши)» [2]; «Бог – по религиозным представлениям: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший разум, управляющий миром; всеобщее мировое начало (имеет множество имен: Творец, Создатель, Всевышний, Вседержитель, Всемогущий и др.; в христианстве един в трех лицах: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой)» [Там же]; «Антихрист – в христианском вероучении: главный противник Христа, который должен явиться для последней борьбы перед концом света и вторым пришествием Христа» [Там же]; «Сатана – по религиозным представлениям: глава злых духов, воплощение злого начала; властелин ада, дьявол, черт» [Там же].

Кроме того, указанием на принадлежность к «тому» свету является и использование лексем *горний*, т.е. «находящийся, происходящий в вышине; небесный

(противоп.: дольний, земной)» [2]. Данное имя прилагательное выражает представление о расположении пространства «того» света относительно «этого».

Отметим, что в произведении «Марфа Посадница» в вертикальной плоскости репрезентирована трёхчастная пространственная модель мира. Однако три вертикальные зоны в произведении С. Есенина не изолированы, они сообщаются. Так, земной и небесный миры связаны, во-первых, посредством «установленного текста, произносимого верующим при обращении к Богу, к святым, а также при религиозных обрядах» [2], т. е. молитвы. Отметим, что при её произнесении лирический субъект, находящийся в «своём», культурно ассимилированном пространстве, создаёт условия для преодоления границы между мирами. Он обращается к населяющим пространство «того» света сущностям, которым могут как ответить на призыв, так и нет. Так, в строках *Услыхали ангелы голос человечесий, / Отворили наскоро окна-ставни горние* [3, с. 7] приложение *окна-ставни* выражает представление о границе между небесным и земным пространствами. Ср.: «Окно – просвет, отверстие в чем-либо» [2]; «Ставень – дощатая или металлическая створка для прикрытия окна» [Там же]. Отметим, что одна из основных функций данного элемента строения, согласно Т.В. Цивьян, «задача визуальной связи» между двумя локусами [10, с. 70]. В произведении это «этот» и «тот» свет, т.е. «своё» земное пространство и «чужое» пространство инобытия. Предикат *отворили* указывает на возможность преодоления границы между выделенными зонами в вертикальной плоскости пространственной модели мира.

Во-вторых, связь двух миров возможна с помощью голубя. В русской лингвокультуре данная птица рассматривается как «чистая, святая. Божья птица (подобно ласточке, жаворонку, соловью, аисту и др.)» [7, с. 515]. Она противопоставляется хищным (или «чёрным») птицам, а также определённым животным и выступает символом добра и кротости. Такое представление, согласно данным этнолингвистического словаря «Славянские древности», восходит к христианской традиции. Кроме того, оно актуализировано и в произведении С. Есенина «Марфа Посадница»: Ср.: *За окошко она наклонилась, / Голубей к себе на колени сзывала. // «Уж вы, голуби, слуги Боговы, / Солетайте-ко в райский терем, / Вертайтесь в земное логово, / Стучитесь к новоградским дверям!»* [3, с. 10]. В приведённом примере указывается как особое положение голубя, который в представлении носителей русской лингвокультуры является слугой Бога, так и его способность проникать в верхний (небесный) мир (сочетание *райский терем*) и возвращаться в земное пространство (словосочетания *земное логово, новоградские двери*).

Отметим, что во многих культурах голубь символизировал миролюбие и любовь, содержался при храмах богов и считался их слугой (подробнее см. [1, с. 57–58]). Так, в Библии голубь является вестником Бога о конце всемирного потопа. Кроме того, данная птица считается символом (воплощение) Святого Духа. «“Семь даров Святого Духа” (мудрость, разум, добрый совет, сила, знание, благочестие и страх Божий) воплощаются посредством голубей» [Там же, с. 58].

Если верхний и земной миры сообщаются посредством определённых субъектов и средств, то с нижним миром, как показано в поэме, связь может осуществляться и непосредственно. Представители данного пространства, также воспринимаемого человеком как «чужое», могут переходить границу и действовать в земном, культурно ассимилированном индивидуумом мире. Ср.: *Царь московский антихриста вызывает: / «Ой, Виельзевуле, горе мое, горе, / Новгород мне вольный ног не лобызает!» // Вылез из запечья сатана гадюкой, / В пучеглазых бельмах исчадьде ада*

[3, с. 8]. В данном примере проиллюстрирован как способ аналогичный молитве, а именно: вербальное обращение к представителям потустороннего пространства (глагол *вызывать*, т.е. «попросить, пригласить, потребовать показаться, явиться куда-либо откуда-либо» [2], установить связь для преодоления границ пространств); так и проникновение в «этот» свет сатаны (сочетание *вылез из запечья гадюкой*). Отметим, что в русской лингвокультуре лексема *гадина* имеет отрицательные коннотации. Ею обозначали нечистых животных, например, змей, мышей, крыс. Они были тесно связаны у славян с демоническими персонажами (см. [7, с. 492]) и характеризуются рядом общих признаков. В их числе место обитания (в земле, в норе или под землёй), обладание подземными кладами и связь с предками. Соответственно, образ гадюки, в котором в произведении С. Есенина появляется представитель «того» света, связан с категоризацией мира на «своё» и «чужое», а также указывает на расположение пространственной зоны «того» света по отношению к земному пространству.

Итак, в качестве единицы метаязыка исследования *модель* рассматривается как образец или эталон определённого явления или процесса. Модель мира трактуется исследователями как процесс и результат восприятия, осмысления и репрезентации в сознании человека представлений об устройстве мира. Данные представления создаются в соответствии с заданными параметрами. В связи с этим мы рассматриваем пространство как модель мира. В произведении С. Есенина «Марфа Посадница» пространственная модель мира построена в соответствии с представлениями о членении пространства на земное, т.е. культурно ассимилированное и обжитое человеком, и космическое, т.е. глобальный образ мира. Кроме того, пространство категоризируется лирическими субъектами на «своё» и «чужое» в нескольких плоскостях, а именно: в традиционной для русской лингвокультуры горизонтальной и в вертикальной, которая в рассматриваемом тексте трёхчастна (поделена на ад, землю и небеса).

В художественном тексте актуализированы представления о земном (вербальные знаки *крылечко, дом, вече, собор, Кремль, Новгород, Московия*), небесном (слова и сочетания *ангел, бог, окна-ставни горние, райский терем*) и нижнем мирах (вербальные знаки *сатана, антихрист, Виельзевул, исчадьё ада*). Причем зоны небесного, нижнего и земного миров не изолированы, они связаны и соотносимы друг с другом. Связь осуществляется либо посредством вербальной формулы (*молитва, вызывать*), либо с помощью существа, принадлежащего к обоим мирам (голубя), либо непосредственно (проникновение в земной мир сатаны). Однако данное описание не является исчерпывающим. Системное описание средств экспликации пространственной модели мира в текстах С. Есенина составит перспективу дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн ; Пер с нем. / Общ. ред. и предисл. И.С. Свенцицкой. – М. : Республика, 1996. – 335 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 13.06.2022).
3. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. Стихотворения (маленькие поэмы). Подготовка текста и коммент. С.И. Субботина. – М. : Наука – Голос, 1997. – 464 с.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Режим доступа: https://lingvistics_dictionary.academic.ru (дата обращения: 10.06.2022).
5. Зыкова И.В. «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии / И.В. Зыкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 2 (043). – С. 13–24.
6. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. Отв. ред. – проф. З.И. Резанова. – Томск : UFO-Plus, 2007. – 384 с.

7. Славянские древности : Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 1 / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995. – 577 с.
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4 / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 2009. – 656 с.
9. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность / А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова, В.Г. Гак и др.; Редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1996. – 230 с.
10. Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) / Т.В. Цивьян // Семантика культуры : труды по знаковым системам / Редкол. : Б.М. Гаспаров, Б.Ф. Егоров, И. Кууль, Ю.М. Лотман ; Ред. тома А. Мальц. – Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1978. – С. 65–85.
11. Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка / Г.П. Цыганенко. – К. : Рад. школа, 1982. – 240 с.

Поступила в редакцию 24.11.2022 г.

**VERBALIZATION OF SPATIAL MODEL OF THE WORLD
IN «MARFA POSADNITSA» BY S. YESENIN**

Ju.L. Dmitrieva

The relevance of this study is due to the lack of a systematic description of means of explicating the spatial model of the world in the works by S. Yesenin. The objective is to describe language means expressing views about space. The research material is the text of the poem «Marfa Posadnitsa» by S. Yesenin. The space in the work is divided into terrestrial, i.e. culturally assimilated with man, and cosmic. In the poem the space is categorized by the lyrical subject into «one's own» and «someone else's». The «one's own» space, or «this» world, is expressed by the nominations of objects denoting material culture. The «someone else's» space is objectified by language units that designate ideas about the beings inhabiting the «other» world.

Key words: world model, space, category «one's own» and «someone else's», lyrical subject, border.

Дмитриева Юлия Леонидовна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».

Доцент кафедры общего языкознания и славянских языков.

E-mail: Juls88Dmitrieva@yandex.ru

Dmitrieva Julia Leonidovna.

Candidate of Philology.

Gorlovka Institute of Foreign Languages.

Associate professor at Department of General Linguistics and Slavic Languages.

E-mail: Juls88Dmitrieva@yandex.ru

УДК 811.161.1

РЭП-ТЕКСТ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО© 2022 *А.А. Жукова, Е.В. Потёмкина**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

В статье рассматривается вопрос об интеграции аудиальной словесности в методику преподавания русского языка как иностранного. В качестве учебного материала, способствующего повышению различных компетенций учащихся, предлагаются рэп-тексты, которые в настоящее время являются актуальным предметом литературоведческого исследования. Помимо жанрового своеобразия и лингвокультурологического содержания текстов данного жанра аудиальной словесности, в работе анализируется семантика текстов некоторых рэп-исполнителей, а также делается вывод о смысловой целостности рэп-текста. Представлены разработанные методические материалы (комплекс заданий), которые могут быть использованы при работе с иностранными учащимися на продвинутом уровне владения РКИ.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ, лингвокультура, аудиальная словесность, песня, рэп, поэзия, языковая личность, билингвальная личность, прагматика.

Введение. Изучение иностранного языка – многокомпонентный процесс, который предполагает формирование различных видов компетенций (языковой и дискурсивной – на уровне лексикона, социокультурной, предметной и страноведческой – на уровне тезауруса, иллокутивной и стратегической – на уровне прагматикона языковой личности), которые в комплексе обеспечивают адаптацию учащегося к неродной лингвокультуре [15]. Неоднократно исследователями и методистами в области РКИ (Г.И. Гореликова, Н.В. Кулибина, И.В. Ружицкий, И.И. Яценко, Л.Г. Бабенко и др.) отмечалась целесообразность использования художественного текста в процессе обучения иностранному языку, поскольку такой опыт причастности к русской языковой картине мира представляет необходимое условие для формирования билингвальной языковой личности.

В качестве учебного материала в методике РКИ традиционно используется как классическая русская литература, так и новая «нетрадиционная» литература и поэзия, о чем свидетельствуют учебные пособия и отдельные разделы в них, посвященные культуре андеграунда в XX веке – Хрестоматия по русской прозе XXI века [19, 20], «Контркультура в СССР и русский рок» [6], «Русская “нетрадиционная” проза конца XX века» [24].

Продуктивным материалом для обучения русскому языку в иноязычной аудитории считается и такой малый лирический жанр как песня. Об этом свидетельствуют работы О.Г. Аркатовой и Р.Р. Борзых [2], К.А. Лукьяновой [11], Я.Л. Чернявской [21] и др. Исследователями отмечается полифункциональность песни как учебного материала, утверждается целесообразность использования этого жанра в качестве примера звучащей русской речи, адекватно отражающей особенности изучаемого языка и культуры. Авторы книги «Учимся учить» относят неиспользование песен к одному из недочетов в работе над фонетикой [1, с. 166]. Очевидным фактом является то, что тексты этого жанра содержат в себе большой объем страноведческой, фоновой информации. В статье А.В. Богачевой песенный текст мыслится как аутентичный материал, способствующий созданию искусственной языковой среды на занятиях по русскому языку как иностранному в «дистанционную» эпоху [3]. Этот же

принцип лежит в основе работ П. Вицаи [5], О.В. Максимовой [12], в которых отмечается, что использование жанра песни на занятиях РКИ соответствует современным принципам методики – мультимодальности и мультимедийности как отдельным аспектам коммуникативного подхода. Авторская песня как источник лингвокультурологического и лексико-грамматического материала представлена в статье С.А. Мирзоевой «(Не)переводимость русской души: использование переводов песен Высоцкого на занятиях РКИ» [13].

Большой объем исследований свидетельствуют о существовании в лингводидактике широкого круга методических задач и разнообразных подходов к их решению посредством использования в иностранной аудитории текстов песен. В основе выбора того или иного метода работы с песней лежат потребности и интересы учащихся, которые зависят в том числе от разнообразия их речевой практики в повседневном общении. Отдельно стоит отметить, что песня как вид художественного текста может использоваться при обучении студентов любой специальности, в то время как для студентов-филологов эти тексты являются не только средством, но и предметом обучения. Жанр песни мыслится как один из видов художественного текста, поэтому, как и произведения классической литературы, в работе с иностранной аудиторией может выполнять функцию связующего звена в межкультурном диалоге, «поскольку <...> способствует взаимопроникновению и взаимообогащению концептуальных и языковых систем конкретного индивидуума» [7, с. 244].

При всём при этом проведенный нами анализ вышеназванной научно-методической литературы показал, что при использовании текста песни в качестве учебного часто упускается из вида тот факт, что песня является уникальным языковым материалом, который способен затрагивать глубинные уровни прагматикона языковой личности¹. В песне ярко представлены языковые средства, выражающие эмоцию и оценку – стилистически маркированная лексика, модальные частицы и, в особенности, междометия; большую смысловую нагрузку, чем в обычной речи, в песне несет интонация и ритм. Кроме того, если мы обратимся к модели языковой личности, то увидим, что важным является выделение в ее структуре инвариантной и вариативной частей. Для прагматикона инвариантная часть – это устойчивые коммуникативные потребности и готовности, свидетельствующие о типологических особенностях речевого поведения языковой личности [9]. А. Вежицкая формулирует этот тезис в иной терминологии: «Каждый язык накладывает на эмоциональный опыт людей свою собственную классификационную сетку» [4, с. 20]. Заметим, что автор выделяет среди важных семантических характеристик, образующих универсумы русского языка, (1) эмоциональность – ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков, (2) иррациональность – подчеркивание ограниченности логического мышления, знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни, (3) любовь к морали – абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (и в других, и в себе), любовь к крайним и категоричным моральным суждениям <...> [там же]. На

¹ В связи со спецификой преподавания иностранного языка «мы ориентируемся на самое широкое понимание прагматики, в соответствии с которым к прагматическому компоненту значения слова следует относить (1) связь значения с пресуппозицией и рефлексией (рефлексивный микрокомпонент), (2) оценку по шкале пейоратив ↔ мелиоратив (оценочный микрокомпонент), (3) выражение словом эмоций (эмотивный микрокомпонент) и (4) связь употребления слова с определенным функциональным стилем (стилистический микрокомпонент)» [17].

наш взгляд, выявление и систематизация способов выражения эмоций, пейоративной и мелиоративной лексики, а также наиболее частотных оценочных установок – важный аспект обучения русскому языку как иностранному, который эффективно реализуется через использование на занятии русской песни.

Объектом настоящего исследования является не совсем привычный для филологической аудитории вид звучащего, положенного на музыку текста. Мы рассматриваем возможность использования в иностранной аудитории текстов такого современного музыкально-поэтического направления, как рэп, который отличают ярко выраженные прагматические характеристики.

Поскольку данный вид искусства сравнительно недавно вошел в русскую лингвокультуру, перед авторами статьи встает ряд теоретических вопросов, требующих научного осмысления:

1. Можно ли рассматривать рэп-текст в качестве поэтического?

2. Любой ли текст речитативного типа относится к русскому рэпу, или для более точной детерминации необходимо учитывать его проблематику и поэтику (мотивную структуру, систему образов и персонажей, а также идиостилистические особенности авторов)?

2. Существует ли и в какой степени преемственность русского рэпа и других песенных жанров?

3. Каковы методы интеграции текстов русского рэпа в учебный процесс? и др.

Постараемся наметить пути исследования данных вопросов.

Основная часть. Прежде всего, следует сказать, что жанр песни может быть интерпретирован различно в филологии и музыковедении. В связи с этим в статье наряду с термином *песня* будет использоваться термин *аудиальная словесность*, предложенный Ю.В. Доманским для описания рока и рэпа. Рассмотрим типологические особенности русского рэпа как жанра аудиальной словесности.

С одной стороны, «аудиальное существование» делает рэп культурным феноменом, противопоставленным року и авторской песне, которые легко перекодируются в «бумажный» вариант. Так, можно вспомнить книжную серию «Поэты русского рока» (например, изданный в 2004 г. сборник стихов Ю. Шевчука, А. Башлачева, А. Чернецкого и др.) или совсем новую книгу «Виктор Цой: Стихи. 1982–1990. Полное собрание текстов» (2023). С другой стороны, рок- и рэп-поэзию можно рассматривать в едином жанровом контексте, объединяющем их с таким синтетическим видом творчества, как эстрадная поэзия (А. Вознесенский, Е. Евтушенко и др.). Таким образом, под аудиальной словесностью мы понимаем и *пение*, в котором вместе с текстовой важной является музыкальная составляющая, и *чтение* поэтического, литературного текста (в том числе в сопровождении музыки, каких-л. звуков), и *читку* (речитатив), при этом все названные жанры могут иметь как устную, так и письменную форму.

А.Н. Черняков считает читку (*англ.* flow) дифференцирующим принципом рэпа, который противостоит песенной или стихотворной (классической) линейности, при которой мелодия, ритм и текст синхронно развертываются в пространстве. В связи с этим автор акцентирует внимание на деструктивной интенции, проявляющейся не только в экспрессивной, иногда агрессивной манере исполнения, но и в «квантовой» структуре текста в рэпе. Манера читки продуцирует «рубленный» текст, что сближает рэп-тексты с поэзией обэриутов, в первую очередь Александра Введенского. «Несложно <...> усмотреть сюжетную связность в пределах каждой отдельной строфы, но собрать всё это воедино возможно, пожалуй, лишь тогда, когда мы помещаем эти

образы, синтагмы, строфы в общее пространство коннотативных смыслов, где, собственно, и протягиваются главные сквозные темы <...>» [22, с. 97]. Приведем в качестве примера строки из песни «Имя имен» (кавер-композиция рэп-группы «25/17» для трибьют-альбома памяти Александра Башлачёва):

*Волхвы гривастые нашли его и сбиты с толку.
Ведь тут зима так долго кусает печень волком.
Для них Россия — Раша, для нас Мария — Маша.
Закон заквашен, из порядка здесь сварили кашу.
<...>
А земляника капала с креста на снежный наст.
Наступит время и не станет всех нас.
Забито мухами ухо,
Но кокон треснул – тыходишь в резонанс.*

(25/17 – «Имя имён»)

Непривычность для русского «уха» рэпа обусловлена, по мнению А.Н. Чернякова, и его обращенностью к тонической системе стихосложения, которая ориентирована на то, чтобы выдерживать в стопе число ударений, но не выдерживать количество слабых позиций между ними [там же]. Свобода и гибкость тонического стиха в некоторых случаях нарушает оппозицию между поэзией и прозой. Фрагмент из песни «Альбатрос» группы «Макулатура»:

*я бы хотел жить с девочкой в черном ящике
и не соприкасаться с непонятным миром окружающим
стараться не нервничать заботиться о желудке
спрятаться за ширмой от унижительных предрассудков*

(Макулатура – «Альбатрос»)

На наш взгляд, рэп может восприниматься как хаотичный, не обладающий стройностью жанр, но его стремление к деструкции наблюдается скорее в области языковой игры, экспериментов с рифмой и ритмом. Смысл и интенциональное содержание являются тем ядром, вокруг которого становится возможным создание хаотичного микрокосма. Тенденция к «горизонтальной» деструкции не означает разрушения смысла как в конкретном тексте, так и в гипертекстовом единстве какого-либо исполнителя. Кроме того, понятие деструкции не может проецироваться на рэп в целом, поскольку в творчестве группы 25/17, исполнителей Guf, Рич, Тбили Теплый, Лос Дог и многих других наблюдается идиостилистическая эволюция, в которой одна из главных функций – коммуникация с аудиторией и автокоммуникация [10].

Так, жанр скита², обычно выполняющий фатическую (заполнение паузы), а также развлекательную функции в рэпе, становится своеобразным прозаическим экспериментом в альбомах группы 25/17 «Умереть от счастья» и «Байки из склепа». Наличие авторского мифа, а также литературной маски становится опорной точкой в кодировании смыслов и их разгадывании слушателями.

² Скит – небольшой скетч, присутствующий на хип-хоп-альбомах, целью которого является подготовить слушателя к следующей композиции, задать настроение альбома, либо изменить его сценарий.

Мы свидетели тектонических сдвигов пространственно-временных плит. Выжившие на обломках империи. Прощаемся и просим прощения. И пусть мёртвые сами хоронят своих

(25/17 – «Свидетели», альбом «Умереть от счастья»)

«А это монстры, которые охотятся за детьми, да, мам?» — спросил мальчик. Женщина затаилась и выдохнула вместе с дымом: «Это те, кем они станут»

(25/17 – «Монстры», альбом «Умереть от счастья»)

Сопоставляя рок- и рэп-тексты, можно сказать, что рок-поэзия, изначально имея «маргинальный» характер, в настоящее время уже преодолела синкретичность, тогда как рэп в аспекте восприятия еще не только не обрел *текстовой* формы, но и не получил комплексного научного осмысления. На наш взгляд, главное, что позволяет рассматривать рэп как вид современной «литературной» песни, – это его ориентация на вдумчивого слушателя. Не всякий рэп-исполнитель может называться автором стихов, равно как это происходит и в рок-музыке. И всё же, можно констатировать – первоначально попав в русский мир с запада, рэп за последние десятилетия претерпел жанровую трансформацию, в результате которой в настоящий момент можно говорить о нем как о новой форме выражения национальной картины мира. К достоинствам рэп-текстов относится потенциальная многомерность, многоаспектность, благодаря которой слушатели получают возможность расширить свои фоновые знания.

В методике преподавания русского языка как иностранного рэп-текст может рассматриваться как «суперсегментная единица», для описания которой привлекаются методы лингвистического, литературоведческого и искусствоведческого анализа. Учащиеся получают возможность проанализировать рэп-текст как художественное произведение на разных уровнях.

Следующим и логично вытекающим из вышесказанного является вопрос о преемственности рэпа в рамках русской словесности. А.Н. Черняков обращает внимание на «наметившуюся в последние годы <...> попытку преодоления эстетической конфронтации между рок- и рэп-субкультурами» [22, с. 88]. Установка рэп-текста на компрессионность воспроизводит «культурную память» о роке, что позволяет судить о соотношении этих направлений в аспекте «преемственности и творческого взаимообмена, что в свою очередь позволит существенно уточнить и скорректировать представление об их ролях и функциях в едином культурном поле» [22, с. 99].

Анализ текстов различных рэп-исполнителей показывает высокую частотность использования в них отсылок к прецедентным текстам русской и зарубежной лингвокультуры, как классической, так и современной, что является характерной особенностью эпохи постмодерна: «*Сижу за стойкой, мой настрой – Наутилус. / Я так хочу быть с тобой, — и это минус. / Нам не хватает воздуха, — а это плюс. / Стоп – не то как дверь с петель сорвусь*» (25/17, «Новый вирус»), «*Пребывал, но не был! А спросить и не с кого. / Ненавижу небо цвета Достоевского. / Источаю слёзы в предвкушенье рая, / Разбиваю грёзы, богомольно умирая*» (Записки неизвестного – «Боль»).

Примером включения рэпа наряду с другими жанрами аудиальной словесности в единое концептуальное поле может служить образ «русская тройка», который представляет собой контаминацию таких ключевых для русской культуры концептов как *удаль, простор, судьба, тоска*. Иллюстрацией осмысления и реинтерпретации данного образа в рэпе могут выступать тексты песен «Сибирский марш», «Холодная осень» (25/17), «Райские яблоки» (Василий Вакуленко, «Баста»), «Поле, поле, поле» (Ричард Семашков, псевдоним Рич) и др., которые можно рассматривать в единой песенной парадигме, берущей начало от поэтики русского романса и авторской песни, а позже – русского рока.

Представим фрагмент Урока из готовящегося к выходу учебного пособия для иностранных учащихся по изучению русского языка и культуры на материале текстов русских песен от романса до рэпа, целью которого является знакомство иностранной аудитории с образом-концептом «русская тройка».

Задание 1. Прочитайте текст, раскрывающий понятие «русская тройка», ответьте на вопросы после текста.

Россия простирается Запада на Восток на 10 часовых поясов, и для такой необъятной страны громадное значение всегда имели дороги и транспортные связи. Русская тройка – уникальный конный транспорт, который позволяет на высокой скорости преодолевать огромные расстояния.

Тройка приобрела широкую популярность в России на рубеже XVII–XVIII вв. и сначала успешно использовалась в почтовых целях. Позже на ней стали перевозить пассажиров, используя специальных людей-извозчиков – ямщиков. Именно поэтому с русской тройкой связано такое явление, как *ямщицкая культура*: одежда и обувь, специальные одеяла для зимних поездок, суверения, анекдоты и, конечно, песни. Широко известны как старинные, так и современные песни, в которых упоминается русская тройка: романсы «Степь да степь кругом», «Когда я на почте служил ямщиком», «Однозвучно гремит колокольчик», «В лунном сиянии», песня В. Высоцкого «Кони привередливые», «Три белых коня» из к/ф «Чародеи» (1982) и многие-многие другие. Упоминается о ней и в стихотворении А.С. Пушкина «Зимняя дорога».

Русская тройка считается одним из символов России. Приезжие иностранцы, впервые увидевшие русскую тройку, летящую по дороге, замирали в изумлении: такой красоты и головокружительной скорости нельзя было увидеть ни в одной стране мира. С тройкой связывают не только быструю езду, но и русскую удаль, безудержную радость и даже мятущуюся загадочность русской души.

Вытесненная автомобильным и железнодорожным транспортом, оказавшись в забвении, традиция катания на русской тройке все-таки сумела остаться важной частью русской культуры. Память об уникальной упряжке сохранилась благодаря живописным полотнам художников, а крылатые слова Н.В. Гоголя о птице-тройке актуальны и по сей день. <...>

Задание 2. Прочитайте один из наиболее известных отрывков из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» с комментарием. Выделите в тексте ключевые слова. Составьте с ними несколько предложений.

Знакомы ли вы с текстом поэмы «Мертвые души»? Как вы думаете, почему именно этим отрывком Н.В. Гоголь решил закончить свою поэму?

«...Эх¹, тройка! птица² тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого³ народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем⁴ разметнулась⁵ на полсвета, да и ступай⁶ считать вёрсты⁷, пока не зарябит⁸ тебе в очи⁹. <...> Не в немецких ботфортах¹⁰ ямщик¹¹: борода да¹² рукавицы¹³, и сидит чёрт знает¹⁴ на чём; а привстал¹⁵, да замахнулся¹⁶, да затянул¹⁷ песню – кони вихрем¹⁸, спицы¹⁹ в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула²⁰ дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась²¹! <...>».

Комментарий

¹ *эх* – межд. выражает сожаление с оттенком задумчивости. С какой интонацией можно произнести данное межд.? Приведите примеры употребления межд. *эх* в речи. Как бы вы перевели его на свой родной язык?

² *птица тройка* – перен. Как вы думаете, почему автор называет тройку «птицей»? Ср. *птица летит и кони летят*.

³ **бойкий** – энергичный, быстрый, деятельный

⁴ **ровнем-гладнем** – *трад.-поэт. ровно и гладко. В русском языке существуют устойчивые сочетания двух нареч., связанных по смыслу: тихо и незаметно, шумно и весело, быстро и безболезненно. Приведите свои примеры.*

⁵ **разметаться/разметнуться** – *перен. лечь, раскинуться (о больших пространствах). Какое зн. имеет прист. рас-/раз-? Приведите примеры других гл. с этой прист. <...>*

Задание 3. Прослушайте и прочитайте текст песни «В лунном сиянии» с комментарием. Ответьте на вопросы и выполните задания после текста.

В лунном сиянии¹ снег серебрится²,
Вдоль по дороженьке³ троечка⁴ мчится⁵.
Динь-динь-динь динь-динь-динь⁶ –
Колокольчик звенит.
Этот звон, этот звон о любви говорит.
<...>

Комментарий

<...>

³ **дороженька** – *уменьш.-ласк. дорога. Обратите внимание на чередование г/ж. Образуйте с помощью этого же суф. слова от нога, подруга, Бог; река, дочь, ночь.*

⁴ **троечка** – *Как образовано данное сл.? Образуйте с помощью этого же суф. слова от двойка, четверка, пятерка, десятка.*

⁵ **мчаться** – *двигаться очень быстро. Назовите гл. с близким зн.*

⁶ **динь-динь-динь...** – *Звук чего передает данное межд.? Какие звуки передают межд. бом, дзынь, бух? Приведите примеры похожих междометий в своем языке.*

<...>

Вопросы и задания:

1. Где и когда находится лирический герой в момент повествования в данной песне?
2. Как бы вы сформулировали основную тему песни? Какие мотивы с ней связаны?
3. О чем вспоминает герой? Перескажите его «историю».
4. Как вы думаете, почему в песне употребляются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами?
5. Как вы думаете, какие чувства испытывает лирический герой в данной песне? Аргументируйте свой ответ.
6. Выделите в тексте три ключевых слова. Обоснуйте свой выбор.
7. Какие слова в данной песне, на ваш взгляд, имеют символическое значение?
8. Подготовьте устный или письменный рассказ «В лунном сиянии», используя ключевые слова из песни.

Задание 4. Прослушайте и прочитайте текст песни «Конь» группы «Любэ» с комментарием. Ответьте на вопросы и выполните задания после текста.

Выйду ночью в поле с конём¹,
Ночкой темной тихо пойдём.
Мы пойдём с конём по полю² вдвоём,
Мы пойдём с конём по полю вдвоём.
<...>

Комментарий

¹ **конь** – *Объясните разницу в зн. сл. конь и лошадь. Как вы думаете, почему в тексте песни употребляется именно сл. конь?*

² **поле** – *Объясните зн. данного сл. (используйте иллюстрации). Какие ассоциации связаны со сл. поле в вашем родном языке?*

<...>

Вопросы и задания:

1. Найдите в тексте односоставные предложения, определите их тип. Как их употребление влияет на стилистическую окраску текста песни?
2. Найдите в тексте слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Скажите, от каких слов они образованы. Какую функцию они выполняют в тексте?

3. Найдите в тексте эпитеты. Какую функцию они выполняют в тексте? Составьте с некоторыми из них предложения.
4. Сравните текст песни «В лунном сиянии» и «Конь». Есть ли в них что-либо общее? Аргументируйте свой ответ.
5. Выделите в тексте песни слова, входящие в тематическую группу «Россия». Составьте с данными словами предложение. Какие еще тематические группы можно выделить в тексте песни?
6. Напишите 3-4 ассоциации на слово «конь». Объясните свой выбор. Сравните свои ответы с ответами других учащихся. Составьте предложение, используя полученные ассоциации.
7. Как вы думаете, почему песня называется «конь»? Предложите другой вариант названия. Объясните свой выбор.

Задание 5. Прослушайте и прочитайте текст песни Владимира Высоцкого «Кони привередливые» с комментарием. Ответьте на вопросы и выполните задания после текста.

Вдоль обрыва¹, по-над² пропастью³, по самому по⁴ краю
Я коней своих нагайкою⁵ стегаю⁶, погоняю...
Что-то⁷ воздуху мне мало – ветер пью, туман глотаю...
Чую⁸ с гибельным восторгом⁹: пропадаю, пропадаю!
<...>

Комментарий

¹ **обрыв** – крутой берег. Назовите однокоренные сл.

² **по-над** – нар.-поэт. над и около, вдоль

³ **пропасть** – крутой, глубокий обрыв, бездна

⁴ **по ... по** – Какую функцию выполняет повтор?

⁵ **нагайка, кнут, плеть** – средства управления лошастью из сплетенных кожаных ремней; см. рис.

⁶ **стегать** – бить кнутом, плетью, нагайкой

⁷ **что-то** – разг., почему-то, неизвестно почему

⁸ **чують** – разг. чувствовать, предчувствовать

⁹ **гибельный восторг** – Как образовано прил. *гибельный*? Как вы думаете, может ли *восторг* быть *гибельным*?

<...>

Вопросы и задания:

1. Знакомы ли вы с творчеством Владимира Высоцкого? Какова манера исполнения его песен? Какое настроение передается в песни «Кони привередливые»?
2. Как вы поняли зн. прил. *привередливый*? С какой просьбой и почему обращается к коням герой песни? Как вы поняли, сколько коней в песне? Как вы думаете, почему в тексте песни употребляется сл. *кони*, а не *лошади*?
3. Что объединяет тексты песни группы «Любэ» и Владимира Высоцкого? Чем они различаются?
4. Выделите в тексте песни слова, входящие в тематическую группу «быстрое движение». Составьте с данными словами предложения. Какие еще тематические группы можно выделить в тексте песни?
5. Как вы думаете, какова главная тема данной песни? Аргументируйте свой ответ.
6. Сравните текст песни со строками из трагедии А.С Пушкина «Пир во время чумы»: <...>.
7. Найдите изображение надгробного памятника Владимиру Высоцкому. Обратите внимание на фигуры, помещенные за спиной поэта. Как вы думаете, почему скульптор выбрал именно такую композицию памятника?
8. Какие новые мотивы, связанные с образом русской тройки, присутствуют в песне Владимира Высоцкого? Дайте подробную характеристику лирического героя в песне «Кони привередливые».

Задание 6. Прослушайте и прочитайте текст песни группы «Алиса» «Всё это рок-н-ролл» с комментарием. Ответьте на вопросы и выполните задания после текста.

<...>

Всё это Rock-n-Roll¹.
Автобусы и самолеты,
Пароходы и поезда⁸,
Сегодня нас ждёт Камчатка,
Завтра – Алма-Ата⁹.

Послезавтра мы станем пить пиво,
 Может, водку, а может, агдам¹⁰,
 А что с нами будет через неделю
 Ведают только Там¹¹.
 Это чем-то похоже на спорт,
 Чем-то¹² на казино¹³,
 Чем-то на караван-сарай¹⁴,
 Чем-то на отряды Махно¹⁵,
 Чем-то на Хиросиму¹⁶,
 Чем-то на привокзальный тир¹⁷.
 В этом есть что-то такое,
 Чем взрывают мир.
 <...>
 И мы катимся вниз по наклонной²⁹
 С точки зрения высших сфер³⁰.
 Молодежные группировки
 Берут с нас дурной пример³¹.
 Где воспитательный фактор³²?
 Где вера в светлую даль³³?
 Эй, гитарист, пошли их всех на...³⁴
 И нажми на свою педаль³⁵.

Комментарий

<...>

⁸ **автобус, самолет, пароход, поезд** – Вспомните гл. движения в русском языке. Составьте предложения с ними, используя названия различных видов транспорта. Что символизирует в песне перечисление **автобус, самолет, пароход, поезд**?

⁹ **Камчатка, Алма-Ата – Камчатка** – полуостров на северо-востоке России; **Алма-Ата** – бывшая столица Республики Казахстан (до 1997 года). Найдите на карте эти географические объекты (топонимы). Почему в песне упоминаются именно они? Какие еще два географических названия, на ваш взгляд, могли бы использоваться в тексте? *Расскажите о географических границах вашей страны, используя конструкцию от ... до; сегодня ... завтра ...*

³⁵ **нажми на педаль** – Как вы понимаете значение данного выражения? <...>

Вопросы и задания:

1. **А)** Обратите внимание на третий куплет, который написан в виде загадки (*Это чем-то похоже на спорт* и т.д.). Что «загадал» автор? Придумайте свою загадку по аналогии: *Это чем-то похоже на ... это чем-то похоже на ...* и т.д. **Б)** Выпишите из данного куплета все слова-ассоциации. Что их связывает?
2. Почему для лирического героя музыкальное направление, заимствованное из западной культуры, приобретает значимость? Объясните свою точку зрения.
3. Что такое *рок-н-ролл* лично для вас? Напишите 3-4 ассоциации к слову *рок-н-ролл*. Аргументируйте свой ответ. Сравните свой ответ с ответами других учащихся.
4. Является ли стиль *рок-н-ролл* значимым для вашей родной культуры? Если нет, найдите близкое по значению понятие. Расскажите о музыкальных, культурных и стилевых субкультурах, распространенных в вашей стране во второй половине XX века и сейчас.
5. Как вы думаете, как связаны понятия *рок-н-ролл* и *русская тройка*? Аргументируйте свой ответ.
6. Как вы думаете, какое направление в изобразительном искусстве наиболее точно отражает настроение *рок-н-ролла*? Попробуйте изобразить его на бумаге. Опишите получившуюся картину.

Задание 7. Прослушайте и прочитайте текст песни группы «25/17» «Думай сам» с комментарием. Ответьте на вопросы и выполните задания после текста.

Ненависть, ненависть, ненависть³!
 Уличной грязью меня хватает за подошвы⁴,
 Нежно шепчет на ухо: «Ты такой хороший,
 Забери меня, я никогда тебя не брошу.
 Ты будешь всадником⁵, я твоей покорной лошастью.

Мы помчимся⁶, мы полетим
 И пусть горит огнём⁷ этот третий Рим⁸.
 Эта отсталая, вечно немытая страна⁹,
 Быдло¹⁰ и черти, а на троне – сатана¹¹».
 Я почистил кроссы¹², закинул в стиралку¹³.
 Грязь сопротивлялась¹⁴. Тебе себя не жалко?
 Дурачок идейный¹⁵, ты просто пой красиво.
 В ответ я улыбнулся – больше позитива.
Припев:
 Стёрты ноги по колени, все песни спеты.
 Сколько надо поколений, чтоб выйти к свету¹⁶?
 Сорок лет или сорок тысячелетий¹⁷?
 Я знаю кто всё знает, но он не ответит.
 Думай сам! Делай сам!¹⁸ Бойся, верь и проси¹⁹,
 Там, где рожь колосится²⁰, выйди и голоси²¹,
 И тебя услышат, и ты без слов услышишь,
 Каждый день мы ближе, с каждым шагом ближе.
 Ты пишешь пост²² о том, что Великий Пост²³
 Не так уж прост, и всё коту под хвост²⁴.
 Такой духовный рост бывает крайне редко –
 Это время постов, постмодерн²⁵, детка.
 <...>

Комментарий

<...>

⁵ **всадник** – человек верхом на лошади или другом животном

⁶ **помчаться** – от гл. **мчаться** – двигаться с большой скоростью, бежать, нестись. <...>

⁹ **отсталая, вечно немытая страна** – отсылка к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия...». Как вы понимаете выражение **вечно немытая**? Объясните различие в зн. сл. **вечно** и **всегда**? Составьте диалоги, используя эти слова. <...>

²⁰ **колоситься** – вырастать (о поле пшеницы или ржи). Вспомните песню «Конь» группы «Любэ». Как вы думаете, какие ассоциации связаны со сл. **поле**? Почему лирический герой стремится в **поле**?

²¹ **голосить** – разг. петь громким **голосом**. Как вы думаете, что может символизировать поле в русской культуре? С кем можно вести диалог в поле? Как вы понимаете зн. фразы **и тебя услышат**?

²² **пост** – от англ. **to post** – небольшое сообщение, эссе, размышление в социальных сетях. Часто ли вы пишете **посты**, **постите фотографии**? Чему посвящен «**пост**» героя этой песни? С каким настроением он его пишет?

²³ **Великий Пост** – главный христианский пост (с февраля по апрель, до Пасхи); установлен в честь памяти о 40-дневной жизни Иисуса Христа в пустыне. Знаете ли вы, что значит **поститься**, **соблюдать пост**? Существует ли похожие традиции в культуре вашей страны?

²⁴ **коту под хвост** – фраз., разг. зря, напрасно. Вспомните фразеологизм из родного языка с похожим значением.

²⁵ **постмодерн** – направление в различных видах искусства конца XX–начала XXI вв., для которого характерны такие приемы, как цитация, игра с читателем, деструкция. <...>

Вопросы и задания:

1. Как вы думаете, в каком настроении находится лирический герой? С какой интонацией поётся и читается песня?
2. Какие местоимения используются в песне? Как вы думаете, к кому обращается лирический герой?
3. Как вы понимаете зн. выражения *стёрты ноги по колени*? Какие «идушие» герои упоминаются в песне? *Идет* ли главный герой песни?
4. Как вы думаете, о чем эта песня? Что объединяет эту песню с предыдущими? Найдите в тексте ключевые слова, которые формируют ядро концепта «русская тройка». Составьте с ними свои предложения.
5. Голоса скольких исполнителей вы услышали? На сколько смысловых частей можно разделить песню? Какие два понятия (концепта) в последнем куплете противопоставлены понятию *русская тройка*?
6. Сколько раз в тексте песни употребляется сочетание *пост(-)*? В каких значениях? Как называется троп в литературоведении, когда употребляются близкие по звучанию, но разные по значению слова? Как вы понимаете, что такое *постмодерн*?

7. Как вы думаете, почему в песне используются отсылки к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия...» (1841)? Что вам известно о биографии этого поэта? Что объединяет лирического героя песни и героя М. Лермонтова?
8. Какой обобщённый образ России и русских рисуется в песне? Как вы бы описали Россию?

Задание 8. Прослушайте и прочитайте текст Михаила Щербакова «Колеса» с комментарием. Ответьте на вопросы и выполните задания после текста.

Скрипят¹ колеса под телегою² мою,
Я снова мчусь³, я по-другому не умею.
Ищу добра, припав в дорожные объятья⁴,
И неизбежного пытаюсь избежать⁵ я.

По ковылям⁶, по лужам слез, по старым бедам,
По следу тысячи колес я молча еду.
Не знают устали⁷, не ведают⁸ износа⁹
Мои проклятые¹⁰, надежные колеса. <...>

Вопросы и задания:

1. Самостоятельно составьте комментарий к песне, используя различные словари. Обращайте внимание на стилистические пометы, указанные в словарях.
2. Сравните употребление местоимений в начале и в конце песни. Выделите слова, которые выражают категорию обобщенности.
3. Есть ли в тексте мотивы, тематически сближающие эту песню с предыдущими?
4. Как вы думаете, чем эта песня отличается от предыдущих? Какие новые образы в ней появляются?
5. Прочитайте небольшое эссе о песне. Как вы понимаете, почему эта песня важна для автора этого текста? Коротко сформулируйте, о чем эта песня. Напишите эссе-размышление «Колёса моей телеги».

Давным-давно я слушала, как ее играл папа, и подпевала, потом сама пыталась петь и делала вид, что играю (выступая в темной комнате, перед подругой – играть тогда еще не умела, только подвывала), потом всё-таки научилась и стала играть сама. Слушала ее перед любым значительным событием в своей жизни – перед экзаменами, перед спектаклями, до армии, в армии, и после армии, откуда-то возвращаясь и куда-то уезжая, перед встречами и расставаниями, в автобусах, маршрутках, поездах и такси, в квартирах и парках, на крышах и в библиотеках, всегда и везде...
<https://meangel.livejournal.com/491393.html>

6. Обратитесь еще раз к фрагменту из финала поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» (Задание 2). Какое символическое значение имеют слова *колесо* и *телега* в поэме и в тексте песни?

Задание 9. Запишите 3-4 ассоциации на слово-стимул «тройка». Сравните свои ответы с ответами других учащихся и с материалами «Русского ассоциативного словаря»³. Составьте микротекст, используя слова, входящие в ассоциативное поле «русская тройка».

Задание 10. Сопоставьте на основе текстов песен концепт «русская тройка» и близкий по смыслу концепт в родной лингвокультуре. Подготовьте устный или письменный ответ.

Заключение. В качестве материала для проведения лингвостилистического и концептуального анализа в настоящей работе выступили тексты песен различных жанров с комментарием, а именно: «В лунном сиянии», «Кони привередливые», «Конь», «Всё это рок-н-ролл», «Думай сам», «Колёса». Данные тексты были выбраны исходя из критериев: (а) уровень прецедентности в русской лингвокультуре, (б) репрезентативность, (в) соответствие нормам кодифицированного литературного и разговорного языка, – а также с учетом (г) уровня владения русским языком учащихся,

³ Выборочные реакции на стимул «тройка» в «Русском ассоциативном словаре»: лошадей, коней, мчится, водка, русская, шоколад, зима, с бубенцами, птица, удалая.

(д) их национальных и (е) возрастных особенностей, (ж) инициативы самих учащихся, их желаний и потребностей.

Анализ и сопоставление выбранных текстов, которые нашли отражение в разработанной системе заданий, а также апробация в иностранной аудитории свидетельствуют о наличии в них как константных, так и вариативных составляющих на уровне смыслов, мотивов и образов. Так, образ *птицы-тройки*, придуманный Н.В. Гоголем, перманентно присутствует в русской песенной традиции, однако реализуется вариативно. Например, в романсе «В лунном сиянии» образ *тройки* тесно связан с мотивом *воспоминаний* и ощущением *утраченных надежд*; в песне В. Высоцкого «Кони привередливые» *тройка* ассоциативно связана с темой *гения*, *таланта*, ощущением *гибельного восторга* (*края, пропасти*), а в песне «Всё это рок-н-ролл» приближается к мотиву *бунта* против общественных устоев («В этом есть что-то такое, / Чем взрывают мир» <...> «мы катимся вниз по наклонной»). При этом объединяющими для трех песен являются концепты *простор*, *тоска* («Вдоль по дороженьке троечка мчится»; «В санях меня галопом повлекут по снегу утром»; «Колокольчик весь зашёлся от рыданий, / Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани»; «Сегодня нас ждёт Камчатка, / Завтра – Алма-Ата» <...> «нажми на свою педаль» и др.).

Особой значимостью обладает в русской аудиальной словесности метафора *дороги-судьбы*, которая является отражением внутренних переживаний лирического героя, связанных с расширением его «аксиологического» опыта. В выбранных нами песнях, построенных на осмыслении данной метафоры, ключевыми словами (идиоглоссами) становятся *конь*, *лошадь*, *колокольчик*, *мчаться*, *дорога*, которые выстраиваются в ассоциативную цепочку и формируют фрейм *мчаться на тройке/коне*.

Особое символическое значение в русских песнях приобретает ассоциативная пара *колесо – телега*, однако, как показывают результаты апробации, она обладает более универсальным, наднациональным характером, нежели упомянутый фрейм, и находится, скорее, на периферии концепта *русская тройка*.

Еще более неожиданной, чем с рок-н-роллом, может показаться аналогия, проведенная нами между понятиями *русская тройка* и *постмодерн* и эксплицированная при анализе текста песни «Думай сам» («Ты такой хороший. / Забери меня, я никогда тебя не брошу. / Ты будешь всадником, я твоей покорной лошастью. / Мы помчимся, мы полетим, / И пусть горит огнем этот третий Рим, / Эта отсталая, вечно немывтая страна...»; «Ты пишешь пост, о том что Великий пост / Не так уж прост, и всё коту под хвост. / Такой духовный рост бывает крайне редко. / Это время постов — постмодерн, детка»). Отметим, что интертекстуальность и техника «коллажа», стремление к совмещению несовместимого отличает творчество коллектива «25/17». Среди отличительных особенностей рэп-песни «Думай сам» выделим также ее ориентированность на слушателя и воздействующую функцию (формы императива, употребление местоимений *я*, *ты*, *мы*, риторические вопросы). В отличие от других рассмотренных текстов, входящих в концептуальное поле *русская тройка*, в этом треке эксплицируется точка зрения автора относительно экзистенциального вопрошания лирического героя, адресованного *небесам* («Там, где рожь колосится выйди и голоси. / И тебя услышат, и ты без слов услышишь»). Показательным является антропоцентричный характер текста песни «Думай сам», и если рассматривать русский рэп как закономерное развитие русской песенной традиции в XXI веке, то можно сделать вывод о его принципиальной диалогичности как типологической особенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акишина А.А. Учимся учить. Для преподавателя РКИ. М.: Русский язык. Курсы. 2002 / А.А. Акишина, О.Е. Каган. – 256 с.
2. Аркатова О.Г. Использование песен на уроках РКИ / О.Г. Аркатова, Р.Р. Борзых // IV Международная научно-практическая конференция. «Русский язык в современном Китае»: Сб. науч.-метод. ст. под ред. Л.В. Вороновой. – Чита: Забайкальский государственный университет. 2015. – С. 66–69.
3. Богачева А.В. Работа с песней как способ создания искусственной языковой среды на занятиях РКИ / А.В. Богачева // КНЖ. – 2020. – № 4 (33). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-s-pesney-kak-sposob-sozdaniya-iskusstvennoy-yazykovoy-sredy-na-zanyatiyah-rki> (дата обращения: 11.02.2023).
4. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики / А. Вежбицкая. – М., 2001. – 272 с.
5. Вицаи П. Авторская песня на занятиях по русскому языку со студентами-филологами Венгрии (на материале творчества Владимира Высоцкого). Дис. ... канд. пед. наук. – М., 1996. – 198 с.
6. Главы из истории русской культуры: Учебное пособие для иностр. уч. / под ред. Е.А. Кузьминовой, А.Г. Лилеевой, И.В. Ружицкого. – МАКС Пресс Москва, 2017. – 208 с.
7. Дзюба Е.В. Художественный текст в учебнике РКИ: объект изучения или средство обучения? / Е.В. Дзюба, Ю.Г. Ткаченко // Филологический класс. – 2021. – Т. 26. – № 3. – С. 243–254.
8. Жукова А.А. Интертекстуальность в творчестве А.В. Завьялова и А.А. Позднухова / А.А. Жукова // Слово. Грамматика. Речь Сб. науч.-метод. ст. по вопросам преподавания русского языка как иностранного. – Вып. XXI. – М., 2021. – С. 79–89.
9. Караулов Ю.Н. Язык и личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1989.
10. Лотман М.Ю. Семiosфера. – Режим доступа: <file:///C:/Users/79035/Downloads/semiosphere.pdf> (дата обращения: 10.02.2023).
11. Лукьянова К.А. Песни на занятиях РКИ: системы упражнений, проблемы отбора и восприятия / К.А. Лукьянова // Евразийское научное объединение. – 2019. – № 2–4 (48). – С. 236–238.
12. Максимова О.В. Лингвокультурологический потенциал русской авторской песни в аспекте обучения иностранных студентов русскому языку / О.В. Максимова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 51. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-potentsial-russkoy-avtorskoy-pesni-v-aspekte-obucheniya-inostrannyh-studentov-russkomu-yazyku> (дата обращения: 11.02.2023).
13. Мирзоева С.А. (Не)переводимость русской души: использование переводов песен Высоцкого на занятиях РКИ / С.А. Мирзоева // Вестник магистратуры. – 2019. – №4-1 (91). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ne-perevodimost-russkoy-dushi-ispolzovanie-perevodov-pesen-vysotskogo-na-zanyatiyah-rki> (дата обращения: 11.02.2023).
14. Никитина Е.С. Смысловой анализ текста: Психосемиотический подход / Е.С. Никитина. – М.: Ленанд, 2016. – С. 102–103.
15. Потёмкина Е.В. Комментированное чтение художественного текста в иностранной аудитории как метод формирования билингвальной личности: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – М., 2015. – 296 с.
16. Ревуцкая С.М. Культурные концепты в пособии по развитию речи на материале русских песен / С.М. Ревуцкая, А.Л. Ружинский // Русский язык за рубежом. – 2002. – № 3. – С. 56–60.
17. Ружицкий И.В. Модальные частицы как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности / И.В. Ружицкий // Язык. Сознание. Коммуникация. – Вып. 16. – М., 2001.
18. Русский ассоциативный словарь. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 11.01.2023).
19. Современная русская проза – XXI век: Хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный. Вып. 2 / Под общ. ред. И.В. Ружицкого. – М.: Русский язык: Курсы, 2013.
20. Современная русская проза – XXI век: Хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный. Вып. 1 / Под общ. ред. Е.А. Кузьминовой, И.В. Ружицкого. – М.: Русский язык: Курсы, 2009.
21. Чернявская Я.Л. Народные песни как материал для аудирования на занятиях РКИ / Я.Л. Чернявская // В сборнике: «...Где дух Господень, там свобода». Материалы XI Междунар. форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения». – 2016. – С. 281–283.
22. Черняков А.Н. Три «дурачка»: об одном летовском образе в перспективе русского рэпа / А.Н. Черняков // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2018. – №18. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-durachka-ob-odnom-letovskom-obraze-v-perspektive-russkogo-repa> (дата обращения: 18.03.2023).
23. Черняков А.Н. «Имя имён» 25/17: де(кон)струкция смысла / А.Н. Черняков, Т.В. Цвигун // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2020. – № 20. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/imya-imyon-25-17-de-kon-struktsiya-smysla> (дата обращения: 22.02.2023).

24. Яценко И.И. Русская «нетрадиционная» проза конца XX века. Пособие для иностр. уч. / И.И. Яценко. – СПб.: Златоуст, 2004. – 168 с.

Поступила в редакцию 23.12.2022 г.

RAP-TEXT IN THE METHODOLOGY OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

A.A. Zhukova, E.V. Potemkina

The article considers the issue of the integration of auditory literature into the methodology of teaching Russian as a foreign language. Rap texts, which are currently an actual subject of literary research, are offered as educational material that contributes to improving various competencies of students. In addition to the genre originality and linguoculturological content of the texts of this genre of auditory literature, the semantics of the texts of some rap artists are analyzed in the work. A conclusion is made about the semantic integrity of the rap text. The developed methodological materials (a set of tasks) are presented, which can be used when working with foreign students at an advanced level of proficiency in methodology of teaching Russian as a foreign language.

Key words: methodology of teaching Russian as a foreign language, linguoculture, auditory literature, song, rap, poetry, linguistic personality, bilingual personality, pragmatics.

Жукова Александра Андреевна.

Кандидат филологических наук.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся.

E-mail: alix_zhukova@mail.ru

Потёмкина Екатерина Владимировна.

Кандидат педагогических наук.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся.

E-mail: kpisareva@yandex.ru

Zhukova Aleksandra Andreevna.

Candidate of Philology.

Lomonosov Moscow State University.

Teacher of the Russian Language for Foreign Students Department.

E-mail: alix_zhukova@mail.ru

Potemkina Ekaterina Vladimirovna.

Candidate of Pedagogical Science.

Lomonosov Moscow State University.

Senior teacher of the Russian Language for Foreign Students Department.

Email: kpisareva@yandex.ru

811.161.1'366

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВО ВЗГЛЯДАХ ПОЗДНЕСОВЕТСКИХ ЛИНГВИСТОВ: ОБЗОР ВЕДУЩИХ КОНЦЕПЦИЙ

© 2022 Ю.Л. Ситько, И.И. Захарова

ФГБОУ ВО «Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе»

Статья посвящена проблеме деления процесса номинации на этапы. Рассматривается история ономаσιологических учений и основные концепции лингвистов, отражающие два подхода – динамический и статический. Результаты исследования демонстрируют различное понимание представителями подходов основных положений процесса номинации и особенно вопросов деления и функционирования этапов этого процесса.

Ключевые слова: ономаσιология, процесс номинации, И.С. Торопцев, Е.С. Кубрякова, М.Н. Янценецкая.

Введение. Вопросы номинации как активной личной творческой деятельности ставились еще в античности и в разных формах сопровождают филологические дисциплины до сих пор. Истоки современной ономаσιологии связаны с именем австрийского лингвиста Адольфа Цаунера⁴ [1]. Сущность ономаσιологического подхода выражается в виде трёхчастного отношения: внеязыковое содержание → языковая форма / языковая система → речь.

В начале XX в. исследования в области ономаσιологии проводились О. Есперсеном, Ф. Брюно, Ш. Балли и Л.В. Щербой, представителями Пражского лингвистического кружка. В частности, В. Матезиус определял ономаσιологию (ономатологию) как одно из двух важнейших направлений лингвистических исследований, изучающим средства языковой номинации и их реализацией в конкретных ситуациях [11, с. 228]. Кроме того к ономаσιологии тяготели, как это ни странно, приверженцы Нового учения о языке Н.Я. Марра (см. [21]), наиболее ярко среди них ономаσιологические идеи провозглашал акад. И.И. Мещанинов с его представлением об ономаσιологических категориях [12], нашедших яркое воплощение в «Теории функциональной грамматики» А.В. Бондарко и ученых его круга [15].

Во второй половине XX в. эту линию продолжил в Чехии М. Докулил, в СССР же ее в связи с дискуссией 1950 г. развивали и как бы создавали советские учёные И.С. Торопцев (находившийся под непосредственным влиянием пражцев после стажировки в Чехии и считающийся основателем отечественной ономаσιологии [6, с. 12]) А.Ф. Журавлев, Е.С. Кубрякова, А.А. Уфимцева, А.В. Бондарко и его последователи и др. Теория номинации оказалась тесно связана с прагматикой и когнитивистикой (О.В. Раевская, Е.С. Кубрякова и др.) [5, с. 1-2].

Активная деятельность отечественных ономаσιологов второй половины XX в. послужила формированию внутри одного подхода двух направлений, различающихся

⁴ Адольф Цаунер (22 мая 1870, Вена – 4 августа 1940, Грац) – австрийский романист и лингвист, был учеником швейцарского лингвиста Вильгельма Мейер-Любке. В начале XX в. преподавал романскую филологию в Университете Граца, а также являлся ректором и проректором этого университета в 30-ые годы. В 1903 году Адольф Цаунер в труде «Римские названия частей тела. Ономаσιологическое исследование» («Die romanischen Namen der Körperteile. Eine onomasiologische Studie») ввел термин «ономаσιология» как направление анализа, противопоставленное семасиологии.

понимании номинации – номинации-имятворчества (И.С. Горопцев, А.Ф. Журавлев и др.) и номинации-выбора (Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева и др.). В дальнейшем приверженцы номинации-имятворчества создали процессуальную ономазиологию, а сторонники номинации как выбора стали предвестниками когнитивизма.

Вне зависимости от направления внутри ономазиологии поднимался вопрос деления процесса номинации на этапы (М.Н. Янценецкая, И.С. Горопцев, Е.С. Кубрякова и др.) и допускалась возможность анализа этих этапов при помощи словообразовательной модели, в которой выделялись различные компоненты, в противовес традиционному понятию словообразовательного типа [13, с. 198]. Но при этом выделяются и различия в подходах к понятию модели.

Для *динамического* подхода, нашедшего воплощение в направлении *номинации-имятворчества*, характерно обращение непосредственно к действительности, при этом имя выступает как идентификатор, а в процессе номинации формируется *сигнификат*. Это направление рассматривает номинацию как акт языка, по отношению к которому новая номинативная единица в момент своего появления внесистемна, а своим возникновением революционно трансформирует старую систему в новую.

При *статическом* подходе, предполагающем направление *номинацию-выбор*, освоение действительности осуществляется в границах языкового опыта. Готовая номинативная единица наполняется конкретным денотативным содержанием. Этот взгляд предполагает понимание номинации как факта речи, номинативная единица включена в систему, а на появление новой номинативной единицы указывает изменение *сигнификата* [14, с. 13–14].

Актуальность научного исследования заключается в обобщении нескольких концепций лингвистов-ономазиологов в области деления процесса номинации на этапы.

Новизна научного исследования предопределяется тем, что выводы по обобщению рассмотренных концепций позволяют на материале словопроизводственной модели проследить функционирование номинативного признака, или же мотивировочного признака как основополагающего в процессе номинации.

В исследовании была поставлена *цель* описать ономазиологические идеи во взглядах позднесоветских лингвистов как представителей двух подходов к номинации.

Цель определила следующие *задачи* работы:

- 1) описание современных представлений об ономазиологии как науке, о делении процесса номинации на этапы;
- 2) описание механизма работы словопроизводственной модели и выделения в ней номинативного мотивировочного признака в зависимости от подхода к номинации.

Динамический подход

Майна Николаевна Янценецкая (8 октября 1930, Ленинград – 30 июля 1992, Томск), советский лингвист, представитель Томской лингвистической школы, считала целью ономазиологического подхода выявление видов производящей семантики, которые будут характерны для каждого словообразовательного типа (модели), нахождение видов производящих единиц внутри более крупных словообразовательных категорий, а также установление словообразующих возможностей слов разных частей речи [20, с. 14].

В монографии «Семантические вопросы теории словообразования» изложено отражение последовательных моментов процесса номинации через этапы

ономасиологического исследования, параллельно выделяя деление процесса семантизации, т. е. воспроизведения слов (между процессами номинации и семантизации выстраивается сложная взаимосвязь). Условно весь процесс создания нового слова разделен на два момента, первый из которых связан, как нам кажется, с рефлексией над содержанием и поиску в нем обобщающих, родовых черт, а второй — с привязкой к форме и к выражению специфицирующего видового признака. Эти два момента включают в себя особые этапы как своего рода последовательно применяемые приемы оформления значения.

Вначале она указывает на выбор мотивировочного признака из ряда возможных, называя его замыслом высказывания. Далее по этому замыслу находится уже существующая подходящая языковая форма, фонетический облик которой используется для выражения нового смысла. Иногда случается, что используемая форма специфически указывает на взаимосвязь самой формы и значения мотивировочного признака. Первый момент включает в себя нулевой и первый этапы процесса номинации. Нулевой этап – подготовка идеального содержания, т. е. исходной базы, которая не является непосредственным объектом словообразовательного анализа. Далее следует первый этап – выбор мотивировочного признака и формы его выражения.

Вторым моментом М.Н. Янценецкая считала подведение нового значения под какую-то обобщенную семантическую категорию, которая могла бы подчеркнуть отличие, т. е. специфику этого нового смысла по отношению к производящей единице. Данная функция реализуется при помощи словообразовательного аффикса [20, с. 59-62]. Этот момент включает в себя второй и третий этапы номинации. Вторым этапом – выбор классифицирующего значения, которое подчёркивало бы специфику производного слова, и внешней (звуковой) оболочки. Третий этап – создание (восстановление) целостной лексической единицы [20, с. 64].

Оригинальное описание модели словотворчества и ее работы дал Иван Степанович И.С. Торопцев (9 сентября 1922, Коршево – 15 мая 1989, Воронеж), советский лингвист и представитель Воронежской и Орловской лингвистических школ. В монографии «Словопроизводственная модель» 1980 г. Он называл предметом ономасиологии словопроизводственный процесс лексической объективации идеального содержания и словопроизводственной модели, что иначе можно выразить как процесс возникновения лексических единиц в статике и динамике. «Ономасиология исследует процесс создания лексической единицы, а семасиология изучает семантическую структуру и её изменения в готовых лексических единицах» [16, с. 23–25]. Под словопроизводственным процессом И.С. Торопцев понимал переход «от лексически невыраженного содержания, т. е. от синтаксически или физиологически (представления о звуках, чувствах) объективированного содержания к выражению этого содержания в лексической единице» [17, с. 12-13].

Отношения между словопроизводственным процессом и моделью схожи с отношениями между языком и речью [17, с. 42-44]. Рассматривая процессы номинации И.С. Торопцев в монографии «Словопроизводственная модель» дал описание общей словопроизводственной модели, состоящей из ряда компонентов. Компоненты выполняют разную роль, несут не равную нагрузку и состоят из статической и динамической частей. Всего И.С. Торопцев выделил шесть компонентов словопроизводственной модели (далее СпМ), которые можно объединить в четыре этапа (соотношение с четырьмя этапами словопроизводственного процесса).

От функций компонентов словопроизводственной модели напрямую зависит протекание этапов словопроизводственного процесса. Деление процесса номинации на этапы предполагает, что последний включает в себя несколько компонентов. Если при традиционном подходе наблюдается сокращение числа этапов, то деление процесса номинации у И.С. Торопцева включает от четырех до шести этапов (возможно и большее число). В зависимости от подхода внутри ономазиологии количество, формулировка и содержание этих этапов отличаются.

Первый этап СпМ – подготовка идеального содержания – совпадает с первым компонентом, который даёт представление о зависимости между особенностями идеального содержания и характером их материализации.

Ученый вводит четыре разновидности идеального содержания и показывает их соотношение с характером материализации следующим образом. Суждение выражается долексической синтаксической объективацией в виде предложения. Понятие находит два воплощения: в лексической и долексической (синтаксическая в виде словосочетания) материализации. Представление о звуках, а также ощущение и представление о чувствах выражаются как лексически, так и долексически (звуки – физиологически, а чувства – интонационно или в первосигнальных выкриках). Проиллюстрировать эту зависимость можно, используя как материал словообразовательного гнезда *черный*, так и сторонний языковой.

Например, суждение, ставшее предложением: *Девушка с черными волосами стояла на краю обрыва*. Понятие, выраженное лексически: *черноволосый*; словосочетанием: *черные волосы*. Лексическое выражение звуков на примере классических звукоподражаний: *тук-тук, кап-кап*. Ощущения о чувствах человека выражаются лексически на примере междометий: *ох-хо-хо, черт возьми*. Образец физиологического проявления звуков в образах криков, шумов в памяти человека и интонационного чувств представить сложнее.

В вышеперечисленных деталях отражена статическая часть первого компонента, динамическая (знание о подготовке идеального содержания к лексическому объективированию) заключается сразу в нескольких последовательных этапах. Во-первых, ее содержанием выступают четыре положения, являющиеся семантической базой лексической объективации:

- необходимость выделения из синтаксически объективированного содержания части, равной понятию;
- актуализация⁵ лексической единицы, семантика которой подлежит повторной лексической объективации;
- актуализация физиологически объективированных звуковых представлений;
- актуализация материализованных в выкриках или интонационно ощущений и представлений чувств, переживаний и т. д.

Во-вторых, после нахождения материала, подлежащего лексической объективации, этот материал (объективируемое содержание) может быть переформулирован по шаблонам ономазиологического контекста. Например, мы имеем содержательное описание нового понятия «член религиозной общины, который посвятил себя Богу, принял постриг, дал обеты послушания, нестяжания и безбрачия (обычно живет в монастыре)». В этом описании нет производящего к производному слову *чернец*, из чего делаем вывод, что содержание было изменено под более удобный

⁵ Под актуализацией подразумевается включение в ономазиологический контекст, т. е. в контекст возникновения лексической единицы.

для словообразовательного процесса шаблон «член религиозной общины в черных одеждах». И в-третьих, динамическая часть первого компонента модели определяет характер объективируемого содержания как результат логического или чувственного познания.

Второй этап СпМ – выбор производящего – включает в себя второй и третий компоненты. Второй компонент раскрывает понятие о системе разновидностей мотивировки и о её использовании, а третий – о производящем и его выборе. И.С. Торопцев называет данный этап одним из двух самых важных в СпМ (другой важный этап – третий).

Второй компонент строится вокруг понятия *мотивировки*. Мотивировка характерна для любого слова (даже ныне немотивированные слова считаются утратившими мотивировку). Именно она объясняет связь между значением понятия и его звуковой оболочкой. Следует понимать, что мотивировка не равняется этой связи. Мотивировка является следствием объективируемого содержания, в то время как связь мотивируется другим словом, словосочетанием, выкриком или эмоцией. Связь – это результат словообразовательного процесса, область языка. Мотивировка и выбор производящего – это сам словообразовательный процесс, область речи.

Мотивировка выделяется из содержания нового понятия. Анализируя отношения между мотивировочной частью содержания и всем содержанием, И.С. Торопцев выводит два типа мотивировки. Если мотивировочная часть содержания *меньше* всего объективируемого содержания, то это *мотивировка признаком*. Если же мотивировочная часть *совпадает* со всем объективируемым содержанием, то это *мотивировка содержанием*.

Мотивировка признаком (МП) при поиске производящего заключается в выделении большого числа признаков объективируемого содержания и выборе⁶ среди них одного или нескольких, которые и обеспечат непосредственно выбор производящего. Из это вытекает следующий вывод о характере отношения мотивировочного признака к лексическому значению слова и его звуковой оболочке. Лексическое значение выражает одновременно все признаки нового содержания, включая мотивировочный, подобно этому звуковая оболочка изначально выражает все идеальное содержание слова, в том числе мотивировочный признак. Вновь обратимся к лексеме *чернец*, где выделим все признаки в ее идеальном содержании: человек, член религиозной общины, принял постриг, дал обеты послушания, нестяжания и безбрачия, носит черную одежду (обычно живет в монастыре). Признаки, которые отделяют этого человека от ближайшего сходного (*белец*) – наличие обетов и черная одежда. Именно наглядный признак цвета одежды послужил мотивировочным для выбора производящего.

Даже после закрепления идеального содержания в лексеме возможно дорабатывание этого содержания, т.е. повторная лексическая объективация. Первичный мотивировочный признак лексемы с центральной позиции переходит на периферию, а другой признак с периферии перемещается в центр идеального содержания и становится новым мотивировочным. В идеальном содержании понятия *настоятель* (монах, глава мужского христианского монастыря, облаченный в черную одежду и т. д.) сложно выделить мотивировочный признак, ведь данное слово калька с греческого *ἐφεστώς* ‘тот, кто наставляет’. Отсюда следует, что признак черной одежды

⁶ Выбор признака для мотивировки определяется его различительной способностью, либо может быть случаен с современной точки зрения, когда невозможно воссоздать процесс этого выбора.

здесь занимает периферийное место. В лексеме *чернец*, коим любой настоятель является по умолчанию, этот признак становится мотивировочным, как уже было сказано выше, а прежний центральный уходит на периферию.

Мотивировка содержанием (МС) не требует анализа объективируемого значения, все идеальное содержание слова используется при поиске производящего. Для повторной лексической объективации значения характерна опора на звуковую оболочку прежнего слова или словосочетания, части которых входят в звуковую оболочку нового слова.

Выбор конкретного типа мотивировки для каждого слова базируется на двух положениях: характере объективируемого содержания и условиями целесообразного использования мотивировки (довольно условными). Соотношение этих положений обеспечивает выбор, который представлен в таблице 1.

Таблица 1

Условия использования мотивировки	Характер объективируемого содержания	
	Лексическое	Представление о звуках, чувствах, волеизъявлениях и т. д.
Членение в трехсловное и более содержание	МП	–
Членение в двухсловное содержание	МС, МП	–
Целостность в содержании	МС	МС

Третий компонент раскрывает понятие о производящем, которое формируется в процессе выявления производящих единиц. И.С. Торопцев выделяет четыре типа производящих: слова, словосочетания, первосигнальные выкрики и звукопредставления. Зависимость между характером производящего и разновидностью мотивировки (МС или МП) непосредственно помогает в выборе производящего слова, которое в свою очередь служит материалом для звуковой оболочки. Для выбора производящего слова мотивировка содержанием требует использования полного содержания от всех типов производящих; мотивировка признаком – использования одного слова (редко более одного) из состава полного содержания в качестве производящего.

Третий этап СпМ – добывание звуковой оболочки – регулируется двумя понятиями: о системе способов словопроизводства и использовании этой системы (четвёртый компонент), о характере звуковых оболочек производных лексических единиц и о их добывании (пятый компонент).

Способы словопроизводства, на которых базируется четвертый компонент, являются способами добывания звуковой оболочки слова. Появляется все разнообразие способов благодаря сравнению производящего слова с производным. Происходит обобщение различия в их составах и в построениях звуковых оболочек. Такое обобщение вначале показывает степень совпадения звуковых оболочек: частичное и полное совпадения, а в последствии выявляет восемь способов словопроизводства: словообразование (аффиксация), преобразование лексических единиц, слияние, контаминация, трансформация, заимствование, звукоподражание и воспроизведение. Для добывания звуковой оболочки может использоваться как один (чистый), так и несколько (смешанные) способов. Представленные способы членятся на несколько вариативных составляющих и могут быть как продуктивными, так и редко используемыми.

Пятый компонент заключается в необходимой обработке подосновы, выделенной из производящего слова или словосочетания по требованиям словопроизводственной модели. Все способы словообразования связаны с материальной базой (звуковыми оболочками существующих слов и словосочетаний) и могут использовать ее как частично, так и полностью. Способ добывания подосновы И.С. Торопцев понимал как коррекцию звуковой оболочки и писал о таких вариантах, как: усечение производящей основы и пределы этого усечения; чередование конечных звуков подосновы на стыке с аффиксами; изменение места ударения в подоснове.

Выделение подосновы подчиняется определенным нормам модели, которая, помимо репрезентации в сознании человека, отражалась и в уже существующих словах, то есть использовалась по аналогии. Корректировка звуковой оболочки под требования модели имеет неограниченный характер до тех пор, пока подоснова не будет соответствовать всем условиям. Происходит урезание лишнего, т. е. устраняются обычно все формообразующие элементы. В итоге конструируется новая звуковая оболочка, в которой подоснова соединяется с словообразовательным элементом.

Четвёртый этап – сцепление идеального содержания и звуковой оболочки – совпадает с шестым компонентом СпМ, для которого характерно объединение идеального и материального в лексической единице и осуществление этого объединения. Последний шестой компонент является следствием обобщения характера существования идеального и материального во всякой лексической единице. Материальное и идеальное едины в новом слове, образованием которого и завершается весь словопроизводственный процесс. Устанавливается факт неразрывного единства идеального и материального в лексической единице. Это сцепление завершается построением новой лексической единицы [17, с. 45-139].

Реализация статического подхода

Советский лингвист Ксения Аристарховна Левковская (28 октября 1905, Харьков – 16 октября 1975, Москва) в книге «Теория слова. Принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала» при изучении словопроизводственного процесса на материале аффиксального словообразования и способа «сложения основ» выделяет всего два этапа: возникновение новой членимой производной основы, а затем оформление этой основы в соответствующую парадигму [10, с. 208-210].

Юрий Анатольевич Гвоздарев (1925-1997), советский лингвист и глава Ростовской фразеологической школы, в статье «Слова-символы в русской фразеологии» представляет словопроизводственный процесс в трех сменяющих друг друга стадиях. Вначале возникает реальный предметный символ. Далее происходит образование выражений, в состав которых входит слово, называющее предмет-символ, и слова, указывающие на определенную ситуацию. В завершении при помощи вычленения этого слова-символа из перечня выражений, оно приобретает самостоятельное значение [2, с. 38].

Елена Самуиловна Кубрякова (29 октября 1927, Москва – 27 июня 2011, Москва) в отличие от И.С. Торопцева, М.Н. Янценецкой и других представителей номинации-имятворчества, Е.С. Кубрякова рассматривает номинацию как комплексный речемыслительный процесс, в ходе которого происходит выделение и осмысление обозначаемого предмета или события, а также как результат этого процесса, продукт речевой деятельности [9, с. 6]. Такой взгляд на номинацию используется для исследования речевой деятельности и речевых актов в психолингвистике.

Е.С. Кубрякова в монографиях «Части речи в ономазиологическом освещении» и «Номинативный аспект речевой деятельности» описала свое виденье номинации,

которое отражается в исследовании «статики» называния. указывала, что «в конечном счёте, ономастиологию можно определить как учение об именах, классификации имён, средствах и способах их создания, а также как науку о номинативной функции языка во всех её аспектах и проявлениях и даже шире – как науку, создающую теоретические основы для изучения всей номинативной деятельности человека и её роли в речевой деятельности и системе языка в целом» [8, с. 127-128].

Основная роль в речевой деятельности лежит на говорящем, поэтому важен анализ пути от замысла к его вербализации через этапы этого процесса. Весь этот путь выражается понятием акт номинации, одновременно используемым и в ономастиологии, и для изучения речевой деятельности. Е.С. Кубрякова определяет акт номинации как «речемыслительный процесс, направленный либо на выбор существующего в языке готового обозначения для именуемого явления и мысли об этом явлении, либо на создание подходящего названия для него» [7, с. 42].

Акт номинации условно делится на два компонента. С одной стороны, это замысел говорящего, а с другой – различные языковые средства, обеспечивающие его реализацию. Начальным этапом этого процесса Е.С. Кубрякова называет переплетение интенций говорящего с его личностными смыслами. Под личностными смыслами она подразумевает индивидуальное смысловое задание говорящего. Следуя этому заданию, говорящий анализирует ситуацию, расчленяет ее и детализирует. Все эти этапы необходимы для выбора уже готовой единицы номинации или для ее создания, когда в акте номинации учитываются несколько следующих положений. Во-первых, важен первоначальный источник номинации, т. е. готовый или заново созданный вид имеет единица номинации. Во-вторых, обращается внимание на внешнюю форму единицы. Выделяются номинация словом, словосочетанием, предикативным или непредикативным знаком и каким именно. В-третьих, учитывается и внутренняя форма номинации, т. е. наличие мотивированного или немотивированного знака. В-четвертых, выделяются семантические типы номинации, к которым относятся номинация прямая и косвенная, первичная и вторичная, буквальная и переносная и т. д. Последнее положение посвящено адекватности акта номинации, т. е. контролю за ее уместностью и точностью.

Е.С. Кубрякова указывает, что путь от мысли к слову может иметь несколько форм благодаря различному сочетанию его этапов. Разнообразие зависит от соотношения формирования личностных смыслов и момента речи. Начало такого формирования может происходить как на довербальной (предметно-образный язык) и внутренне-вербальной (номинация словом и т. д.) стадиях речи, так и непосредственно на вербальной стадии (спонтанная речь, когда человек одновременно думает и говорит). Таким образом, существует три основные формы акта номинации.

Первая форма максимально полная и включает следующие этапы: замысел, личностные смыслы в образном коде, личностные смыслы в коде внутренней речи и речевое высказывание. Вторая форма имеет два вида. С одной стороны, пропуск личностных смыслов в образном коде, тогда остаются замысел, личностные смыслы в коде внутренней речи и речевое высказывание. С другой стороны, пропуск личностных смыслов в коде внутренней речи. Такая форма выглядит как замысел, личностные смыслы в образном коде и речевое высказывание. Третья форма с отсутствием промежуточных этапов включает только замысел и речевое высказывание [7, с. 124].

Заключение. Ономастиология развивалась в течение продолжительного времени, однако переломным моментом в ее исследовании стал XX в. В этот период ономастиология противопоставляется семасиологии по направлению исследования как

направленное *от содержания к форме*, в противовес направлению *от формы к содержанию*.

Помимо этого, отмечаем, что ономазиология этого периода представлена двумя направлениями: процессуальным и когнитивным. От направления зависит подход к важному вопросу деления процесса номинации на этапы. Например, И.С. Торопцев, как представитель процессуальной ономазиологии, уделял большое внимание характеристике словопроизводственной модели, т. к. от функций ее шести компонентов напрямую зависит протекание четырех этапов словопроизводственного процесса [17, с. 42-44]. В когнитивном направлении (Е.С. Кубрякова, К.А. Левковская, Ю.А. Гвоздарев) наблюдается сокращение числа этапов и иное представление о их назначении. При помощи словопроизводственной модели возможно воссоздание процесса возникновения слова и предопределение механизма создания новых слов, а также представляется возможным проследить функционирование номинативного, или же мотивировочного признака как основополагающего в процессе номинации.

Вклад авторов. И.И.Захарова осуществила написание первой версии статьи и ее критический пересмотр на предмет интеллектуального содержания, Ю.Л.Ситько переработал окончательную версию статьи перед ее подачей для публикации

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая российская энциклопедия – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dev.bigenc.ru/linguistics/text/2689729> (дата обращения 06. 06. 2022)
2. Гвоздарев, Ю. А. Слова-символы в русской филологии [Текст] / Ю. А. Гвоздарев // Проблемы лексики и фразеологии – Л.: 1975. – С. 37–50
3. Журавлев, А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 45–109
4. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е. А. Земская. – 3-е изд. – М.: URSS, 2007. – 221 с.
5. Копач, О. И. Теория номинации: история и современность / О. И. Копач // Sociokultúrna realita a príroda: Zborník recenzovaných vedeckých prác s medzinárodnou účasťou / Editor: O. Glosíková. – Prešov: Technická univerzita v Košiciach, Fakulta výrobných technológií so sídlom v Prešove, 2007. – S. 313–320.
6. Косых, Е. А. Русская ономазиология [Электронный ресурс] / Е. А. Косых : учебное пособие. – Барнаул : АлтГПУ, 2016. – 101 с.
7. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
8. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
9. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 114 с.
10. Левковская, К. А. Теория слова, принципы её построения и аспекты изучения лексического материала [Текст] / К. А. Левковская. – М.: Высшая школа, 1962. – 296 с.
11. Матезиус, В. О системном грамматическом анализе [Текст] / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок / Сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. – М.: Прогресс, 1967. – С. 226–238.
12. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Тр. Военного института иностранных языков. — 1945. — № 1. — С. 5-15.
13. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т.1. – 783 с.
14. Рут, М. Э. Образная номинация в русском языке [Текст] / М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1992. – 152 с.
15. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: "Наука", 1987. – 348 с.
16. Торопцев, И. С. Предмет, задачи, материал и методы ономазиологии [Текст] / И. С. Торопцев // Проблемы ономазиологии. – Орёл, 1974. – С. 23–25.
17. Торопцев, И. С. Словопроизводственная модель [Текст] / И. С. Торопцев. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1980. – 148 с.

18. Улуханов, И. С. О некоторых проблемах ономазиологии и словообразования // Проблемы ономазиологии. – Курск: Курский ГПИ, 1977. – Т. 175. – С. 10–12
19. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка [Текст] / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1968. – 287 с.
20. Янценецкая, М. Н. Семантические вопросы теории словообразования [Текст] / М. Н. Янценецкая. – Томск : Изд-во ТГУ, 1979. – 242 с.
21. Leščak O., Sitko J. Les considerations onto-gnoseologiques de marr du point de vue de la methodologie pragmatico-focionnelle // Un paradigme perdu: la linguistique marriste. – Vol. 20 of Cahiers de l'ILSL. – Université de Lausanne Lausanne, 2005. – P. 177–198.

Onomasiological Ideas in Late-Soviet Linguists' Views: Review of Leading Concepts

Yu.L. Sitko, I.I. Zakharova

The article focuses on the issue of nomination process division into stages. The history of onomasiological studies and the basic concepts reflecting dynamic and static approaches are considered. The results of the study reveal differences in linguists' views on the approaches to the main provisions of the nomination process. The differences are mainly concerned with the issues of the nomination process division, and with functioning of this process stages.

Key words: onomasiology, nomination process, I. Toroptsev, E. Kubryakova, M. Yantsenetskaya.

Поступила в редакцию 11.11.2022 г.

Ситько Юрий Леонидович.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Филиал Московского
государственного университета имени
М.В. Ломоносова в городе Севастополе».
Доцент кафедры русского языка и литературы.
E-mail: yurii_sitko@gmail.com

Захарова Ирина Игоревна.

ФГБОУ ВО «Филиал Московского
государственного университета имени
М.В. Ломоносова в городе Севастополе».
Студентка IV курса кафедры русского языка и
литературы.
E-mail: irinazaharova061@gmail.com

Sitko Yurii Leonidovich.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Lomonosov Moscow State University Branch in
Sevastopol.
Associate Professor of the Department of the Russian
Language and Literature.
E-mail: yurii_sitko@gmail.com

Zakharova Irina Igorevna.

Lomonosov Moscow State University Branch in
Sevastopol.
IV year student of the Department of the Russian
Language and Literature.
E-mail: irinazaharova061@gmail.com

УДК 82-31:811.161.1

**СПЕЦИФИКА ЕДИНСТВА «ФЕВРАЛЬСКИХ» ПОЭМ С.А. ЕСЕНИНА
1917-1918 ГОДОВ**© 2022 *А.А. Сорокин**ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»*

В статье рассматриваются особенности композиции «маленьких поэм» «Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь» и «Октоих» С.А. Есенина. В «февральской» части «необиблейских» произведений поэта наблюдаются общие структурные, повествовательные признаки, определяемые неоднозначным взглядом поэта на революцию в России. В поэмах космизм духовного начала зеркально отражается на переменах в земной жизни.

Ключевые слова: С.А. Есенин, «маленькая поэма», повесть, целостное единство.

В течение 1917–1918 годов С.А. Есенин создаёт «маленькие поэмы», которые, по мнению литературоведов, составляют «“февральскую” часть “необиблейского” цикла» [3, с. 284]. Сюда относятся следующие произведения: «Товарищ» (март 1917 года, первая публикация в мае этого же года), «Певущий зов» (апрель 1917 года, первая публикация в июле этого же года), «Отчарь» (июнь 1917 года, первая публикация в сентябре этого же года), «Октоих» (август 1917 года, первая полная публикация в апреле 1918 года) [5, с. 294–318].

Несмотря на то, что жанр «маленькой поэмы» изучается пристально, но небольшим кругом исследователей, тем не менее, характерологические признаки её фиксируются и обобщаются.

Так, например, О.В. Юдушкина отмечает, что «в большинстве “маленьких поэм” Есенина преобладают черты романтизма: столкновение лирического и эпического начал как судьбы и позиции личности с внеличными (историческими, социальными или космическими) силами» [7, с. 727]. В свою очередь, В.И. Харчевников, высказывая свои мысли по поводу другой «маленькой поэмы» С.А. Есенина, «Инонии», пишет: «...это лирический монолог с непрерывно меняющимся объектом»; «она отличается от привычной лирической поэмы повышенной императивностью, объективацией лирического переживания» [6, с. 41–42].

В.В. Базанов, говоря о «маленьких поэмах» С.А. Есенина, обращает внимание на то, что «даже столь небольшие произведения не монолитны, но “многочастичны”, каждое из них разделено поэтом на пять уже совсем коротких главок-частей, что очень четко закреплено и графически...» [1, с. 106]. Однако при этом крупным литературоведом было отмечено: «Из 14 поэм лишь в «Товарище», «Певущем зове» и «Исповеди хулигана» нет деления на части, причем по отношению к двум первым следует говорить лишь об отсутствии графически закрепленного деления, так как по своим ритмико-интонационным особенностям тексты их четко подразделяются на ряд главок-частей» [1, с. 106].

Утверждение В.В. Базанова не совсем верно. В ритмико-интонационной структуре текста в поэмах «Товарищ» и «Певущий зов» наблюдается семь различных построений. Однако внутренние особенности содержательной текстовой природы, действительно, составляют пять частей.

Первую «революционную» поэму «Товарищ» С.А. Есенин строит по законам повести в традициях символистской школы поэтов. В «Литературной энциклопедии» 1925 года в статье «Поэма» Л. Богоявленским отмечается: «С большой охотой мыслят в

термине “поэма” свои опыты стихотворной повести символисты (Брюсов, Коневский, Бальмонт)» [2].

В первой части поэмы «Товарищ» мы можем наблюдать своеобразный пролог, в котором, по законам повествования, автор закладывает противоречия для дальнейшей завязки и кульминации. Здесь, в первой части, показывается жизнь Мартина, *«сына простого рабочего»*. С одной стороны, отец фатально смотрит на будущее Мартина: *«Вырастешь – поймешь..., отчего мы так нищи»* [4, с. 30]. С другой стороны, он учит сына распевать марсельезу, через которую никак не просматривается покорность судьбе.

Вторая часть представляет собой завязку, предполагающую начало развития конфликта: *«Два ветра взмахнули Крылом»; «Взметнулся российский Народ»* [4, с. 31].

Третья часть – кульминация: встреча народных сил в поединке, в схватке с горящими *«из синей мглы»* глазами, где неизбежна гибель (*«В бездонный рот / Бежит родник»* [4, с. 31]), но и где *«Ломает страх / Свой крепкий зуб»* [4, с. 31].

В четвертой части просматривается развязка, из которой явствует, что погиб отец Мартина, но пошел с Мартином против темных сил и *«пал, сраженный пулей, / Младенец Иисус»* [4, с. 33].

Своеобразным эпилогом выступает собой пятая часть, где наблюдаются три ритмико-интонационных структуры. В первой из них констатируется, что не воскреснуть Иисусу. Во второй сообщается о Божьей матери, оставшейся без сына, и о кошке, ловящей луну. В третьей – Мартин мучается от душевной боли, в то время как за окном звенит железное слово о желаемой, встречаемой республике.

В поэме «Певущий зов» Есенин в какой-то степени разрушает повестное начало. Первая часть снова представляет собой своеобразный пролог, выступающий как продолжение предыдущей поэмы, где метель выступала центральной противоборствующей силой. Теперь же: *«Земля предстала Новой купели»; «Догорели Синие метели»; «змея потеряла жало»* [4, с. 26].

В начале поэмы субъект речи, за которым угадывается авторский голос, призывает сыновей Родины хвалить Бога, поскольку *«Родилось пламя, Новый Назарет»* [4, с. 26]. И если в предыдущей поэме субъект поэтической речи проявлял себя в эпилоге, то здесь он напрямую выявляется во второй части «Певущего зова».

Кульминация (третья часть) состоит в том, что *«английское юдо»* не в состоянии видеть *«северного чуда»*, не познает истинной правды: *«Ловит рот твой темноту»* [4, с. 27].

Развязка (четвертая часть) представляет собой два различных ритмико-интонационных построения. В первом из них вновь возникает новый голос, в ином ритме и иной интонации, возвещающий о том, что *«Звезду Востока»* Ирод не сможет погасить *«кровью младенцев»* [4, с. 27]. Во втором – о близости расплаты над Саломеей, поскольку *«встал Иоанн»* [4, с. 28] и грозит Содому. Именно в четвертой части наблюдается не просто фабульная развязка, а душевное переживание библейских событий на уровне духовной памяти.

Вместо эпилога следует развязка второго плана (пятая часть), напоминая по жанру проповедь. Поэт, поскольку слышится и осмысливается лирический голос, обращается к народу: *«Люди! Братья мои люди, / Где вы? Отзовитесь!»* [4, с. 28]. Он один слышит *«певущий зов»*, греющий пением живых, покоящий мертвых. Донося голос поющего, поэт с ним вместе сливается и просит *«не губить»*, а *«любить и верить»* [4, с. 29]. Здесь также превалирует душевное переживание событий – как космического начала, так и фактического дня сегодняшнего, из которого взывает поэт к *«братьям-людям»*.

Поэма «Отчарь», её первая часть, также начинается со своеобразного пролога, неразрывно связанного с «Певущим зовом», а через вторую поэму – и с первой. Здесь наблюдается взгляд поэта на действительность, где небесное отражается в земном («*Тучи – как озера, / Месяц – рыжий гусь*» [4, с. 35]). Люди, к которым как к «*братьям*» обращался поэт в «Певущем зове», не отозвались на просьбу «*не губить*», а «*любить и верить*»: «*Пляшет перед взором / Буйственная Русь*» [4, с. 35]. Это же буйство наблюдается и в природе: «*дрогнул*» лес, «*закипел родник*» [4, с. 35]. Таким образом, буйство как преобразование в новое состояние проецируется на образ «обновлённого» «*отчаря-мужика*». В «*голубых водах*» поэт видит – и ему вместе с отчарем открывается – «*покой и свет*» [4, с. 35], буйство смиряется поэтическим заявлением о том, что свобода не несет гибели. Но буйство необходимо как песня, зов изнутри природы, от отчаря, как требование «*скрытых берегов*» [4, с. 35], где, по прошлой поэме, «*родилось пламя*» [4, с. 26]. От этого настоящего буйства не возникнет мировой пожар («*Не обронит вечер красного ведра*» [4, с. 36]), поскольку всё выдержат и сохранят «*могутные плечи*» отчаря [4, с. 36].

Сама встреча героя, переживающего отражение природы в земном, с отчарем – как внешнее явление – гармонично сочетается с внутренним переживанием этой встречи и составляет оригинальную завязку поэмы.

В первой части определяющим стал эмоциональный отклик поэта на явившегося ему в буйстве всего живого обновленного отчаря. Вторая же часть связана с душевным переживанием космического начала духовной памяти, того прошлого, которое претендует стать вечным. Это событие – происхождение отчаря. Оно сродни революционной февральской метели. Отчаря учит вере «*седой огневик*» [4, с. 36], вручает оружие и награждает силой Аники, но не делает Аникой.

В своем душевном переживании герой вбирает в себя и столкновение отчаря с зарей, но не как схватку с «*волчихой с ослабленным ртом*» [4, с. 36], а как свыше наполняемую духовную благодать, где есть место и двуперстному знамени, и краюхе хлеба, и «*радуге слов*», после которых прозреваются «*Алмазные двери / И звездный покров*» [4, с. 37]. Именно душевное переживание героем отчаря составляет первую кульминацию произведения, где личное сопрягается с общим.

В третьей части, однако, поэт раскрывает потенциальному читателю, что личное, конечно, сопрягается, но не растворяется в общем, не нивелируется, а раскрывается через диалог с «*чудотворцем*», который в космическом наполнении определим как Отечество, способное «*укачать*» душу, признать сына своего, – «*Выросшего, как ветла, / При дороге*» [4, с. 37]. Сын же, наделенный поэтическим даром любви, любви ко всему родному, всегда в природе видит отражение Небесного Отца, познает его несказанность и мудрость, угадывает в нем зиму и лето.

С одной стороны, третья часть представляет собой лирическое отступление, но с другой – внутреннее переживание в себе высшего начала, своеобразный союз, сопричастность с отчарем.

В четвертой части душевное переживание героя направлено на духовное начало, отражающееся в настоящем, в тех фактических событиях, которые происходят сейчас, в сегодняшней для Есенина стране России. Всё в природе соразмерно, гармонично: зачинается весна, отчарь «*взыграл, как поток*», «*гладит волны челнок, / И поет тишина*» [4, с. 38]. Сталкиваются в «*разгуле*» север (Волхов, Новгород) и юг (Волга, Каспий, Дон), восток (Урал) и запад (Соловки). Но отчарь смиряет этот «*разгул*» тем, что созывает всех на пир, соединяется с «*нецелованным миром*» [4, с. 38], несёт людям мир и святость.

В целом, четвертая часть состоит из второй составляющей ее кульминации и предполагает фактическую развязку.

Пятая часть, своеобразный эпилог, соотносится с третьей как продолжение духовного диалога с отчарем, где земное крестьянское счастье сопряжено и соединено с небесным, солнечным, космическим началом: «Там лунного хлеба / Златятся снопы» [4, с. 39]; нет голода и жажды; зреет единственный «свет ангельских юрт» [4, с. 39]. Обозначение юрт в качестве небесных жилищ, предполагаем, связано с тем, что вершины этих сооружений заканчиваются куполами.

Не случайно перед указанием времени Иуда новой жизни целует Христа. «Дряхлое время» не несет в себе негативного смысла. Это, конечно, и «поэтический эвфемизм Есенина, в котором зашифровано одно из имен Отчаря-Хроноса-Ветхого деньми» [3, с. 283], но время это также связано с вечным духовным прошлым, где есть место не только памяти, но и прославлению отваги отчаря.

В целом, в первой части небесное отражается в земном и концентрируется на отчаре как мериле гармонии. Во второй части небесное предстает как земное с куделящими «кремник» «дщерями» и дающим веру и силу «седым огневином» [4, с. 36]. В третьей части сопричастность субъекта поэтической речи Отечеству, его душевного переживания при встрече с духовным миром предполагает сопряжение с отчарем. В четвертой части земному, русскому, «нецелованному миру», находящемуся в «разгуле», предлагается соединиться с отчарем за пиршественным столом. В пятой части явлен сам пир, несущий людям счастье единства, единой духовности.

Если в поэме «Товарищ» субъект поэтической речи выступал как трибун, возвещающий для народа и от его имени («Слушайте: / Больше нет воскресенья!» [4, с. 34]; то в поэме «Певущий зов» он осознает себя частью его. Помимо «Радуйтесь!»; «Хвалите Бога!», «Сгинь ты, английское юдо...»; «Не познать тебе Фавора...»; «Но знайте, спящие глубоко...» [4, с. 26–27], субъект поэтической речи проявляется в своей близкой связи с русскими людьми, русским народом: «О Родина, / Мое русское поле, / И вы, сыновья ее...»; «Люди, братья мои люди, / Где вы? Отзовитесь!» «Все мы – яблони и вишни / Голубого сада»; «Все мы – гроздья винограда / Золотого лета», «Не губить пришли мы в мире, / А любить и верить» [4, с. 26–29].

Следует отметить, что во втором томе Собрания стихотворений (1926–1927 гг.) «маленькие поэмы», по желанию автора, были расположены в определенном порядке. Первой поэмой устанавливается «Певущий зов», поэму «Товарищ» С.А. Есенин помещает второй, несмотря на иную последовательность, хронологию их создания и публикации [9, с. 57].

Это можно объяснить тем, что первенствует «тайный зов», слышимый поэтом. Кроме того, яснее становятся приоритеты: первичным становится следствие (люди не слышат и не видят «Зари Востока» [4, с. 27]), вторичным – причина, её побудившая («Железное / Слово: / «Пре-эс-пуу-ублика!» [4, с. 34]).

В «Отчаре» Есенин разрушает повестное начало, свободно распоряжается фабульными ходами, наполняет поэму смыслами духовного плана. Тем не менее, автор не разрушает единства поэм, но объединяет их общим замыслом, в котором личность осознает себя через общество и духовные связи между ними и космосом духовности как высшей силой, обновляющей русского человека.

Именно как достижимая сфера жизни воспринимается воспевание родины в первой части поэмы «Октоих». В свою очередь, эта часть выступает как своеобразная экспозиция, имеющая определенную связь с предыдущей поэмой. Прежде всего, здесь земное отражается в небесном, и, смыкаясь с отражением небесного в земном из «Отчаря», образует собой единое духовное начало:

*О родина, счастливый
И неисходный час!
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.
Тебе, твоим туманам
И овцам на полях,
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках.*

[4, с. 41]

Образ солнца, воспринимаемый субъектом поэтической речи в «Отчаре» как горящий на плечах «необъемлемый шар», который поэт призывает «закинуть» в небо, в экспозиции «Октоиха» трансформируется в солнце, несомое самим поэтом в руках, «как сноп овсяный». Кроме пространства, и время становится единым в своей вечности. Сама одическая молитва: «*О родина...*» – сопрягается со «счастливым и неисходным часом», сливается с этим часом, становится им. Отсюда и молитвенное «*святись*» – с тем, «*Чтоб жаждающие бдения / Извечьем напились*» [4, с. 41].

Личностное Я, сопрягающееся с родиной, не может проявиться без русского народа, «плечьми» «*трясущего*» небо, уподобляясь отчарю, и «*зыбящего*» мрак (отсылка к поэме «Товарищ»), поэтому «я» поэта переходит в «мы». «Мы» – это родина с её «*тощим колосом хлеба*», в который духовный русский народ вдыхает «*звёздный знак*», кормит бурю овсом и – в целом:

*Молитвой поим дол.
И пашню голубую
Нам пашет разум-вол.*

[4, с. 42]

Родство с народом отображается в отчем доме, где «*На золотой повети / Гнездится веший гром*» [4, с. 42].

В целом, первая часть представляет собой счастье духовного состояния русского народа, наблюдаемое поэтом. Автор при этом отсылает читателя и к поэме «Товарищ», где люди идут на борьбу с тьмой, мраком. У них едины крылья, но нет самого единства между людьми. В «Певущем зове» автор призывает к единству, которое дано человеку, растворенному в природе. В «Отчаре» поэт ориентирует читателя на отраженность земной природы в духовном космосе. Эта отраженность в «Октоихе» сливается в вечное духовное начало за счет преобразования самого человека, чувствующего свое родство со всем единым русским народом. Именно такой народ «*ни единый камень*» из «*божьих рук*» не затронет [4, с. 42].

Если первая часть представляет собой молитву состояния, то вторая часть – молитва-обращение. Она вся дана как неразрывная прямая речь к Богородице. Здесь эту молитву «*поют небеса*» [4, с. 42], молитву, «при которой происходит обряд омовения – символического очищения с помощью воды» [8, с. 162]. Именно небеса просят «*омыть*» их лица «*рукою земли*» [4, с. 42], то есть стать общим духовным единством с землей. И если в «Певущем зове» и «Отчаре» водная стихия сопрягается с событиями всемирного Потопа [3, с. 281], то здесь «омовение» означает духовную связь, прежде всего, с прошлым:

*Омой наши лица
Рукою земли.
С за-гор вереницей
Плывут корабли.*

*В них души усопших
И память веков.
О, горе, кто ропщет,
Не снявши оков!*

[4, с. 42–43]

Не живущие молитвой и зримостью божественной сути, слепые, не живущие вечностью духовности, но *«лишь мигом»*, будут придавлены *«облачной крышей»* [4, с. 43]. Здесь тоже наблюдается переключки с теми, кто не чувствует *«тайного зова»*: *«Отуманенного взора / На устах твоих покров»* в «Певущем зове», а также теми, кто проходит мимо дома гибнущего Мартина с мыслями о не ясной никому республике в «Товарище».

Как в «Отчаре» поэтическое Я сливается с духовным миром, где герой просит *«чудотворца»* в третьей части *«на пальцах ног своих»* *«укачать»* его, поэта, человеческую душу, так в третьей части «Октоиха» молитва к Богу начинается со счастливого озарения-удивления:

*О боже, боже,
Ты ль
Качаешь землю в снах?
Созвездий светит пыль
На наших волосах.*

[4, с. 43]

Уже не одна душа, а целый человеческий духовный мир покоен благодаря *«чудотворцу»*. От этого и возникает образ небесного кедра.

«Небесный кедр» выступает у Есенина в роли посредника между небом и землей, преодолевая *“через туман и ров”* мистическую грань между ними и донося до землян глас Творца и его промыслительную волю» [3, с. 287].

Как в предыдущих поэмах возникают знаки Бога, так и в «Октоихе» возникают знаки божественной благодати: *«шишки слов»* об *«иных землях и водах»*, о небесной родине [4, с. 43]. Пляшущий *«златоколенный дождь»* [4, с. 44] от земли наполнивший небеса, а от небес роши горнего мира завершает картину благодати в третьей части «Октоиха». В целом, третья часть, наполняясь новым повестным содержанием, не содержит кульминационного, апокалипсического конфликта предыдущих поэм. Более того: конфликт снимается неразрывным единством духовного вселенского очищения пространства трех миров: земного – небесного, ангельского, – Божественного, приводя всё это единство к благодати.

Четвёртая часть начинается с приветствия, обращенного к Спасителю. Глазами лирического героя видятся поющие о рае холмы. Раем же предстаёт *«отчий край»* [4, с. 44]. Маврикийский дуб, символизирующий в христианстве встречу святой Троицы с праотцом Авраамом, в современном мире соотносить в себе память о деде, который, в свою очередь, *«кошачьей шапкой»* *«глядит... на снег родных могил»* [4, с. 44]. Постоянная, непреходящая связь с родиной, родным краем и родством с ушедшими духовно близкими людьми порождает рождение того, *«кто все живет и зиждет»*, пророческого дара того, *«кто мыслит девой»* и *«взойдет в корабль звезды»* [4, с. 45]. От осмысления духовного родства с близкими, отмеченными *«горохом частых звезд»* [4, с. 44], – через обозначение пророческого дара (*«Восстань, прозри и вижди!..»*) [4, с. 45]) – до восхождения *«в корабль звезды»* [4, с. 45] со всем миром верующих. Верующих и хранящих не только память о духовной связи с ушедшими родными, которым был дарован Новый Завет, но и несущих в себе образ Богородицы как спасения от Апокалипсиса.

Иначе говоря, герою с поэтической душой даётся рай с осмыслением единства земного, небесного и Божественного. Но рай этот возможен только с осознанием связи с духовными корнями. Герой наделяется пророческим даром; это ему дается дар «оживить» и «зидать», чтобы нести весть о грядущем, в котором прозревается Апокалипсис.

В целом, поэмы структурируются по законам повести. Несмотря на то, что повесть в поэтическом воплощении разрушается, предполагается и ее, повести, новое качественное воплощение через приобретение субъектом поэтической речи своего Я. В четырёх поэмах, в их циклическом целостном единстве, поэт глубоко сопрягает личностное и личное «Я» субъекта поэтической речи с душевным переживанием творимой в стране истории, общественное и общечеловеческое. Автор выводит духовное начало не просто на идеальный уровень, а на вполне достижимый, в достижимости своей всем русским людям необходимый на основе спасительной молитвы и веры в духовность окружающего тебя мира – земного, небесного, Божественного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанов В.В. «Маленькая» поэма первых лет революции и 20-х годов (к характеристике ее как особой разновидности жанра) / В.В. Базанов // Русская литература. – 1973. – № 4. – С. 103–113.
2. Богоявленский Л. Поэма / Л. Богоявленский // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. М.; Л., 1925. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/> (дата обращения: 01.12.2022).
3. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: Научное издание / О.Е. Воронова. – Рязань: Узорочье, 2002. – 520 с.
4. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 томах. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) / С.А. Есенин. – М.: Наука: Голос, 1997. – С. 26–34.
5. Субботин С.И. Комментарии // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. – М.: Наука: Голос, 1995 – 2002. – С. 294–318.
6. Харчевников В.И. Жанр как основа для циклизации «богоборческих» поэм С.А. Есенина / В.И. Харчевников // История и художественный мир писателя: Сборник научных трудов. – Элиста, 1983. – С. 41–50.
7. Юдушкина О.В. Заметки о жанре: «Маленькая поэма» С.А. Есенина / О.В. Юдушкина // Humanity space. International almanac. VOL. 2. – 2013. – № 4. – С. 727–736.
8. Юдушкина О.В. Иконографический образ Богородицы в «маленьких» поэмах С.А. Есенина 1917–1919 гг. / О.В. Юдушкина // Религиоведение. – 2009. – № 4. – С. 160–164.
9. Юдушкина О.В. Образ-мотив как основа поэм С.А. Есенина 1917–1920 годов / О.В. Юдушкина // Современное есениноведение. – 2014. – № 3 (31). – С. 52–60.

Поступила в редакцию 30.11.2022 г.

UNITY SPECIFICS OF "FEBRUARY" POEMS OF 1917-1918 BY S.A. YESENIN

A.A. Sorokin

The article discusses the features of the composition of the "little poems" "Comrade", "Singing Call", "Otchar" and "Oktoikh" by S.A. Yesenin. In the "February" part of the "non-biblical" works of the poet, there are common structural, narrative features. They are determined by the poet's ambiguous view of the revolution in Russia. In the poems, the cosmism of the spiritual origin is reflected in the changes in earthly life.

Key words: S.A. Yesenin, "little poem", novella, integral unity.

Сорокин Александр Анатольевич.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Доцент кафедры истории русского языка и теории словесности.

E-mail: aa40in@inbox.ru

Sorokin Aleksandr Anatolyevich.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk State University.

Associate Professor at Department of History of the Russian Language and Theory of Literature.

E-mail: aa40in@inbox.ru

УДК 811.161.1

ПОСТРОЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОГНИЦИИ: КРИТЕРИИ ОТБОРА МАТЕРИАЛА

© 2022 *Д.И. Борозенец*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье предпринимается попытка дать толкование понятию «семантическое поле» на основании дефиниций разных исследователей, а также определить критерии отбора материала для построения семантического поля когниции в русском языке. В ходе работы построена базовая матрица фрагмента семантического поля когниции, все элементы которой взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Ключевые слова: семантическое поле, когниция, семантика, словообразование.

Ещё в XIX в. учёные обратили внимание на возможность существования разных типов лексических объединений, на основании чего была выдвинута теория семантического поля, начаты исследования тематических групп, лексических серий и тому подобных явлений. Полевой подход, впервые нашедший отражение в работах Й. Трира и Г. Ипсена, сейчас особенно распространён. За десятилетия своего существования, несмотря на неоднозначность трактовок, а возможно, как раз благодаря им, теория поля обрела популярность в отечественной и мировой лингвистике. «Само понятие "поле", – отмечает Г.С. Щур, – имеет слишком много определений» [11, с. 8], поэтому, прежде чем приступить к описанию результатов нашего исследования, следует очертить рамки данного явления.

Проблема неопределённости понятия, связанная с большим количеством трактовок, о которой писал Г.С. Щур ещё в 1974 г., не решена до сих пор. На неё указывают и современные исследователи [10]. На первый взгляд, обилие терминов, которые обозначают объединения языковых единиц по определённому принципу, не способствует созданию чёткой классификации, однако следует подробнее ознакомиться с толкованием каждого «полевого» термина, чтобы выявить в них общее.

Е. А. Шарашова и Т. С. Алексеева в работе «Сравнительный анализ определений "семантическое поле", "тематическая группа", "лексико-семантическая группа" в различных словарях лингвистических терминов» [10] предприняли попытку толкования разнообразных лексических объединений по лингвистическим словарям разных авторов и пришли к выводу, что «названия таких объединений разнятся от автора к автору» [10, с. 82], однако общий набор причин для объединения остаётся примерно одинаковым: в качестве лингвистических критериев рассматриваются частеречный (в объединение входят слова одной или всех частей речи), семантический (включённые лексемы обладают общей или близкой по значению семантикой), словообразовательный (включённые лексемы могут быть связаны друг с другом отношениями производности); также лексемы могут быть объединены на основании экстралингвистических факторов [10, с. 84–85]. Все вышеперечисленные факторы комбинируются в разных пропорциях, однако, на наш взгляд, они в равной мере могут использоваться при моделировании объединения языковых единиц.

Наиболее неоднозначным термином, судя по исследованию [10], является термин «семантическое поле».

Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова под семантическим полем понимают «1) совокупность явлений или область действительности, имеющие в языке соответствие в виде тематически объединённой совокупности лексических единиц, 2) совокупность слов и выражений, образующих *тематический ряд* [здесь и далее выделение наше – Д.Б.] и покрывающих определённую область значений» [7, с. 245].

В свою очередь, А. Н. Тихонов считает, что «семантические поля – это не просто совокупность ЛСГ какой-л. части речи. Они объединяют в своём составе *ЛСГ разных частей речи*. <...> в системной организации СП большую роль играют словообразовательные гнёзда – корневые общности слов <...> *Словообразовательные гнёзда* – структурные элементы семантических полей» [8, с. 448].

Л. А. Новиков определяет семантическое поле следующим образом: «Иерархическая структура множества языковых единиц, объединённых общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определённую понятийную сферу, лексическая категория высшего порядка, синтезирующая в себе частные категории (синонимию, антонимию и др.)» [5, с. 8].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» термин «семантическое поле» отсутствует, однако наиболее близким к нему является термин «функционально-семантическое поле», под которым подразумевается «система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных — лексико-синтаксических и т. п.), взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определённой семантической категории» [3].

Как видно из приведённых определений, термин «семантическое поле» широко распространён, но в то же время каждый исследователь подразумевает под ним разное: либо тематически объединённую лексику; либо лексику разных частей речи, связанную деривационными отношениями; либо лексику, объединённую семантическими отношениями; либо разные языковые единицы, объединённые общими функциями и семантической категорией. Кроме того, в перечисленных источниках мы находим указание на связь семантического поля с другими объединениями лексики: лексико-семантическими группами, тематическими рядами, словообразовательными гнёздами, а в отдельных случаях данные явления отождествляются. Это свидетельствует о достаточно широких возможностях семантического поля, которые сужаются в представлениях отдельных исследователей.

Нам, напротив, представляется наиболее удачным объединение данных дефиниций, на основании чего можно получить следующее рабочее определение семантического поля: семантическое поле – это упорядоченное множество разноуровневых языковых единиц, объединённых как единством значения, так и словообразовательными связями. Согласно данной дефиниции, к семантическому полю говорения относятся и слово *сказать*, и его синоним *промолвить*, и дериват *сказание*, и слово *речь*.

Таким образом, уже в самом толковании термина обнаруживаются критерии, на основании которых происходит включение языковых единиц в данное семантическое поле: семантический и словообразовательный критерий.

1. Семантический критерий включения языковых единиц в семантическое поле.

В рамках одного семантического поля могут быть объединены синонимы, антонимы, паронимы, омонимы, конверсивы, гипонимы, гиперонимы и т.д.

Согласно «Словарю лингвистических терминов» Т. В. Жеребило, *когниция* – это «познавательный процесс или совокупность психических процессов» [2, с. 154], следовательно, ключевым при определении семантических связей слов, входящих в поле когниции, является обозначение ими разных аспектов процесса познания. Поскольку когниция, или познание, является процессом, в первую очередь её значение отражено в глаголах и отглагольных существительных: *познать/познавать* ‘постигнуть, приобрести знание о чём-н., узнать вполне; испытать, пережить’, *познание* ‘приобретение знания, постижение закономерностей объективного мира; совокупность знания в какой-н. области’.

С учётом данных определений этот ряд пополняется синонимами и антонимами, отобранными из специальных словарей: *учить* ‘занимаясь, усваивать, запоминать’, *обучаться, научиться, учиться* ‘усваивать какие-л. знания, навыки’, *зубрить, вызубривать, затверживать* ‘заучивать бессмысленно, без отчётливого понимания’, *уразуметь* ‘понять, постигнуть’ и др.; *забыть/забывать, запомнить* ‘перестать помнить, утратить воспоминания о ком-л.; упустить из памяти, не вспомнить’, *отучиваться/отучиться/отучаться* ‘отвыкнуть от чего-л.’ и др.

Семантика слова *учить*¹ ‘передавать кому-н. какие-н. знания, навыки; наставлять чему-н., побуждать к чему-н.’ и *учить*² ‘занимаясь, усваивать, запоминать’, показывает, что знание получается человеком через опыт или через обучение, то есть путём вербальной передачи опыта, следовательно, в исследуемое поле стоит включить конверсивы: *учить, обучать/обучить* ‘передавать кому-н. какие-н. знания, навыки’, *преподавать* ‘обучая, сообщать, передавать сведения о чём-н.’, *научить* ‘передавать кому-н. какие-н. знания, навыки’, интегральная сема которых – ‘способствовать чему-либо процессу познания’, за счёт чего они и входят в анализируемую нами группу.

Кроме того, являясь процессом, познание предполагает наличие также субъекта и объекта данного процесса, особенностей его протекания и т.д., что также следует учесть при моделировании поля. Так, сюда мы включаем такие слова, как *учитель* ‘лицо, к-рое обучает чему-н., преподаватель’, *педагог* ‘лицо, занимающееся преподавательской и воспитательной работой’, *преподаватель* ‘работник средней или высшей школы, преподающий какой-н. предмет’, *ученик* ‘тот, кто учится чему-н. у кого-н.’, *учащийся, обучающийся* ‘тот, кто учится в каком-н. учебном заведении’ (субъекты), *неведомый* ‘неизвестный’ (то есть подлежащий познанию) и т.д.

2. Словообразовательный критерий включения языковых единиц в семантическое поле.

Под словообразовательным мы понимаем критерий производности / производимости, согласно которому, как можно понять из названия, в семантическое поле включаются производящие и производные всех уже присутствующих в нём лексем. Так, к примеру, по принципу производности в моделируемое нами семантическое поле входит слово *познать* (поскольку от него происходит слово *познание*), а по принципу производимости – слово *когнитивный* ‘связанный, соотносящийся по значению с существительным когниция или познание’, происходящее, в свою очередь, от слова *когниция*.

...	познать	познавать	...
		познание	миропознание
			самопознание
		познанный	...
		...	

Как видно из приведённого выше отрывка словообразовательного гнезда с вершиной *знать*, в моделируемое поле включается не так много лексем, которые связаны с познанием исключительно деривационными связями. Однако определённые нами критерии редко предстают в чистом виде: чаще наблюдается их контаминация, т. е. слова включаются в семантическое поле одновременно по принципу словообразования и семантической связи: так, слово *обучение* ‘процесс усваивания, запоминания, познания материала’ является частным случаем познания, т. е. соединено с ядерным словом синонимическими отношениями (семантический критерий), и в то же время производно от глагола *обучать* (словообразовательный критерий).

Подобная контаминация критериев отражена на рисунке 1. Цифрами здесь обозначены слова, включённые в поле по обозначенным выше критериям: 1 – ядерные слова, отражающие в чистом виде семантику моделируемого поля; 2 – слова-синонимы, 3 – слова-антонимы, 4 – слова-конверсивы; 5 – производящие слова; 6 – производные слова. Слова, не помеченные цифрами, включены в поле на основании взаимодействия нескольких критериев сразу. Так, слова *выучить*, *заучивать*, *изучить* прямо или косвенно связаны словообразовательными связями со словом *учить*, и все слова – *выучить*, *заучивать*, *зубрить*, *изучать* – связаны синонимическими отношениями со словами *познать* и *учить*.

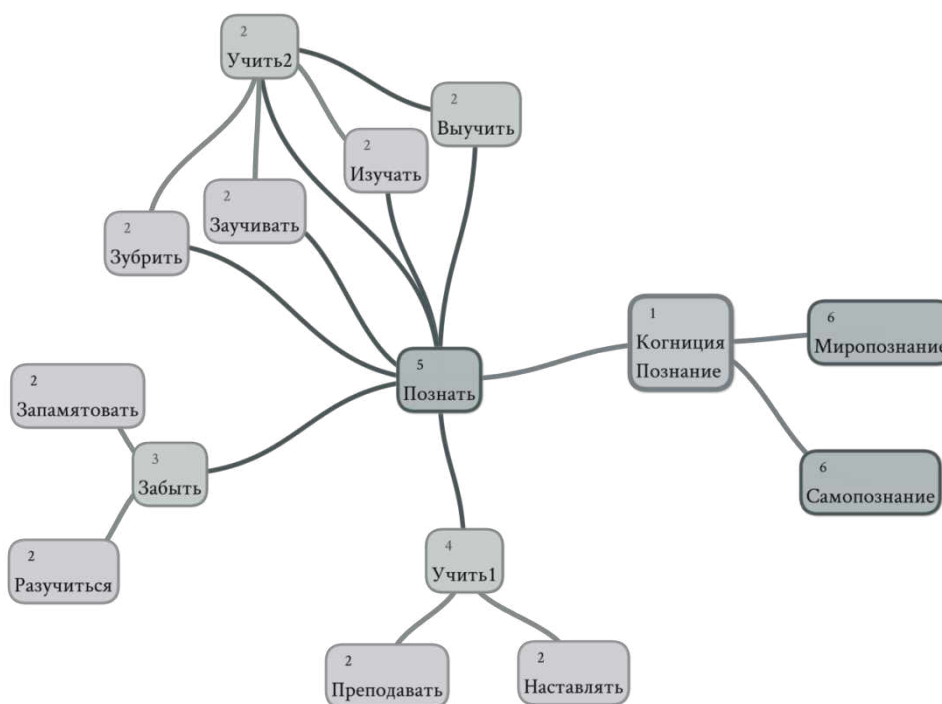

Рисунок 1. Базовая схема семантического поля когниции

Отдельно отметим, что на данной схеме представлены не все лексические единицы, а их отношения определены в зависимости от связи с ближайшим элементом.

Мы определили, что основные критерии объединения лексем в семантическое поле обозначены непосредственно в толковании семантического поля как явления лингвистики. Таким образом, в семантическое поле когниции языковой материал включён на основании семантических (синонимия, антонимия, конверсия), а также словообразовательных (производность, производимость) отношений. Обозначенные критерии позволяют моделировать семантическое поле когниции с учётом всех

наличествующих в нём взаимосвязей между элементами, что способствует более глубокому анализу как каждой отдельной лексемы, так и их совокупности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой словарь синонимов и антонимов русского языка. – М. : ООО «Дом Славянской книги», 2012. – 896 с.
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. / Т. В. Жеребило. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/566b.html> (Дата обращения: 06.04.2023).
4. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка: Около 2 000 антонимических пар / Под ред. Л. А. Новикова. – М. : Русский язык, 1978. – 400 с.
5. Новиков Л. А. Эскиз семантического поля / Л. А. Новиков // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 2. – С. 8–17.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
7. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М: Просвещение, 1985. – 399 с.
8. Русский язык : Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий : [в 2 т.] / А. Н. Тихонов [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – Москва: Флинта : Наука, 2008.
9. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Ок. 145 000 слов. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А – П. – 856 с.
10. Шарашова Е. А. Сравнительный анализ определений «семантическое поле», «тематическая группа», «лексико-семантическая группа» в различных словарях лингвистических терминов / Е. А. Шарашова, Т. С. Алексеева // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Сер. «Лингвистика» / Под ред. А.И. Фефилова. – Ульяновск, 2021. – С. 82–85.
11. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М : Изд-во «Наука», 1974. – 254 с.

Поступила в редакцию 29.11.2022 г.

CONSTRUCTION OF SEMANTIC FIELD OF COGNITION: CRITERIA FOR MATERIAL SELECTION

D.I. Borozenets

The article deals with an attempt to give a comprehensive interpretation of the concept of "semantic field" based on the data from various dictionaries of linguistic terms. The criteria of selecting material for constructing the semantic field of cognition in the Russian language are determined. A basic matrix of the semantic field of cognition has been constructed, with all its elements being interconnected and mutually conditioned.

Keywords: semantic field, cognition, semantics, word formation.

Борозенец Дарья Игоревна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Аспирант кафедры русского языка.

E-mail: borozenets.dasha@mail.ru

Borozenets Daria Igorevna.

Donetsk National University.
Postgraduate student of the Russian Language
Department.

E-mail: borozenets.dasha@mail.ru

УДК 81'271+070

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕРАКТИВНОГО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ПОСОБИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ ДЛЯ КОРРЕКТИРОВКИ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДОНЕЦКОГО ТЕЛЕЖУРНАЛИСТА

© 2022 *А.С. Бурляй, А.О. Якель*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В представленной статье авторы предлагают концепцию интерактивного учебно-методического пособия по русскому языку и культуре речи для коррективы коммуникативной деятельности языковой личности донецкого тележурналиста. Объяснено указание на языковую личность как объект обучения. Рассмотрены вопросы цели пособия и характера групп обучающихся. Внимание также уделено использованию цикла познания Д. Колба в разработке содержательных блоков (разделов) издания. Обосновано использование мобильного приложения как оптимальной формы учебно-методического пособия.

Ключевые слова: языковая личность, учебно-методическое пособие, телевидение, речь телеведущих, донецкий региолект

В отечественной лингвистике осмысление понятия «языковая личность» (далее — ЯЛ) дополняется его рассмотрением с различных позиций в зависимости от характера кросс-научного подхода. Так, можно выделить литературоведческое и психолингвистическое понимание данного языкового явления, а также направление, связанное с изучением ЯЛ как объекта процесса обучения. При этом структурное представление о ЯЛ по Ю. Н. Караулову [4] позволяет выделить три её уровня: *вербально-семантический*, отражающий лексикон личности, *когнитивный*, формируемый концептосферой представителей рассматриваемого типа ЯЛ, а также *прагматический* — «система мотивов, установок, целей индивида» [2, с. 160]. При этом языковые явления, включая речевые ошибки, отражённые в ЯЛ, позволяют предположить, что разработка учебно-методического пособия по русскому языку и культуре речи для коррективы коммуникативной деятельности её профессионального типа или подтипа возможна при опоре на накопленный материал о данной ЯЛ.

Цель нашей статьи — определить основные особенности концепции интерактивного учебно-методического пособия (далее — ИУМП) по русскому языку и культуре речи, связанные с разработкой данного издания, направленного на коррективу коммуникативной деятельности языковой личности донецкого тележурналиста, с использованием современных технологий, сопутствующих организации эффективного обучения.

Актуальность нашей работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, вхождение Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации предполагает интеграцию всех сфер общественной жизни Донбасса на всех уровнях в российское пространство, в том числе средства массовой информации ДНР и специалисты их образующие постепенно формируют с российским медиадискурсом единое информационное поле. Во-вторых, телевизионные СМИ как наиболее популярный источник массовой информации оказывает непосредственное воздействие на речевую практику телезрителей, выступая образцом использования языковых норм.

По данным исследования TV Index компании Mediascope, за период с января по июнь 2022 года охват населения телевидением в Российской Федерации составил 97 % (те, кто хотя бы раз в месяц получают информацию посредством потребления телевизионного контента). При этом каждый день смотрят телевидение 64 % россиян старше 4 лет. В-третьих, в отечественной образовательной среде нет комплексных интерактивных пособий по русскому языку и культуре речи, которые разработаны с использованием современных образовательных технологий (мобильные интерактивные приложения, виртуальная реальность, искусственный интеллект и другие) и особенностей обучения в XXI веке (организация учебного процесса с помощью дистанционных, облачных технологий и т. д.) для работников сферы медиа, имеющих высшее образование. В-четвертых, динамика развития медиасреды не позволяет оперативно вносить изменения в традиционную печатную учебную литературу по русскому языку и культуре речи, используемую для обучения будущих и действующих сотрудников различных медиа. Всё вышеперечисленное предполагает разработку концепции ИУМП нового типа, способного закрыть все актуальные потребности и повысить эффективность обучения, направленного на формирование и корректировку коммуникативной деятельности ЯЛ.

По мнению Г. И. Богина, изучение ЯЛ может производиться только при соотнесении её функционирования с общественным дискурсом, в который она погружена. Именно он определяет особенности её развития, а также закладывает основу для саморазвития и познания ЯЛ. Учитывая, что социальная среда неоднородна, а представляет собой совокупность всех функциональных направлений человеческой деятельности (политических, экономических, духовных, культурных и прочих условий), необходимо при анализе языковой личности брать во внимание те аспекты, которые составляют предметный интерес её функционирования. Иначе говоря, «...нам нужна модель-идеал, своего рода ориентир для улучшения деятельности языковой личности» [1, с. 189]. То есть с учётом социальной среды, в которой действует ЯЛ, при понимании её особенностей можно создать систему, позволяющую трансформировать ЯЛ с помощью инструментов обучения языку.

Социальной средой языковой личности донецкого тележурналиста выступает региональный телевизионный медиадискурс. Совокупность его элементов составляют тексты, озвученные в телевизионном эфире, новостные публикации в сети Интернет (в том числе размещённые в социальных медиа), высказывания различных речевых жанров, опубликованные в формах обратной связи аудиторией, потребляющей телевизионный контент через традиционные и новые медиа, а также посты и сообщения в других жанрах, размещённые в аккаунтах донецких тележурналистов, ведущих персональные тематические блоги и публичные страницы других типов. Таким образом, при формировании дидактических материалов (в том числе учебно-методических пособий) для формирования языковой личности донецкого тележурналиста следует учитывать мультиплатформенный характер её речевой деятельности, а также специфику донецкого региолекта, оказывающего воздействие на все сферы общественной жизни Донбасса.

Традиционный подход к обучению предполагает реализацию модели «педагог — учащийся», где преподаватель, используя в основном монолог, выступает активным участником процесса обучения, а учащийся, опираясь в основном на слушание и воспроизведение услышанного, является условно пассивным объектом обучения. Формирование и корректировку речевого поведения ЯЛ такая система не удовлетворяет, так как ЯЛ — активный участник в соответствующем ей дискурсе,

образуемая в процессе речепорождения с заданными прагматическими установками. Поэтому при создании учебно-методического пособия для сотрудников телевизионных СМИ Донбасса, учитывая, что участники образовательного процесса уже имеют или находятся в процессе получения профильного высшего образования, необходимо обратиться к модели интерактивного обучения, которая предполагает работу преподавателя над созданием условий для самостоятельного определения целей обучения группой обучающихся, а также активного участия в образовательном процессе. Объект обучения, которым является ЯЛ, должен стать субъектом, гибко настраиваемым под свои задачи образовательный контент.

Основой материала ИУМП по русскому языку и культуре речи для языковой личности донецкого тележурналиста должны выступить текстовые фрагменты соответствующего дискурса. Данные элементы являются коллективным опытом донецких тележурналистов, что даёт возможность ориентироваться на потребности в обучении взрослых людей, дополнительно мотивирует на образовательную деятельность посредством узнавания знакомых речевых процессов, однако показанных с новой для обучающихся лингвистической стороны. Это понимание позволит устранить проблемы, свойственные речевому поведению языковой личности донецких тележурналистов.

К потребностям в обучении языковой личности донецкого тележурналиста можно отнести универсальные особенности работы с опытными профессионалами:

- Потребность в обосновании необходимости обучения.
- Потребность в самостоятельной работе с образовательным материалом.
- Потребность в синхронизации с профессиональным опытом.
- Потребность в практической направленности.

Данные направления, выделяемые в андрогогике, могут быть закрыты при условии опоры на два принципа:

1. Последовательное использование материалов донецкого телевизионного дискурса как при иллюстрировании речевых ошибок, так и при разработке упражнений, направленных на их устранение.

2. Применение доступных современных инновационных интерактивных инструментов обучения, способствующих оптимизации учебного процесса, а также повышению степени самостоятельности в работе с обучающимися материалами.

Для реализации этого принципа следует также опереться на цикл познания взрослых, разработанный Дэвидом Колбом [5] (рис. 1). Цикл предполагает, что обучающийся, обладающий *конкретным опытом*, через *рефлексию и наблюдение* за данным опытом (что моделируется разработчиком образовательных материалов) переходит к фазе *абстрактных размышлений*, которые позволяют ему определить системы мышления, лежащие в основе его действий, и на основе полученного знания перейти к *активным экспериментам* (также моделируемым разработчиком образовательных материалов), устраняющим ошибки в системе мышления и/или поведения. В результате формируется *новый конкретный опыт*, который можно спрогнозировать, правильно определив цели обучения.

В разработке ИУМП по русскому языку и культуре речи для формирования и корректировки языковой личности донецкого тележурналиста данный цикл должен быть использован как в целом, так и при формировании отдельных содержательных блоков (модулей), а также при разработке практических заданий, направленных на формирование конкретных компетенций.

Рис. 1. Цикл познания по Д. Колбу

При создании ИУМП по русскому языку и культуре речи следует также учитывать характер его целевой аудитории. Мы считаем, что для достижения максимального охвата потенциальных категорий обучающихся, идентифицируемых в рамках языковой личности донецких тележурналистов, следует выделить две основные группы: действующие сотрудники регионального донецкого телевидения, студенты направления подготовки 42.03.04 Телевидение, обучающиеся в Донбассе.

Обучение первой группы более гибкое, чем у второй группы, и носит точечный, корректирующий ЯЛ характер. Предполагает, что телевизионщики-практики уже погружены в процесс производства контента, являются авторами материалов, которые требуют осмысления с позиции особенностей грамматики русского языка и речевой культуры. Обучающиеся должны самостоятельно определить темы, с которыми им необходимо работать. Результатом обучения данной группы должно стать понимание и устранение ошибок, допускаемых ранее ими в процессе подготовки телевизионных материалов и контента телевизионных медиабрендов, размещаемых на сторонних площадках, в том числе в сети Интернет.

Обучение второй группы менее гибкое и более объёмное. Предполагает ознакомление с типичными допускаемыми в телевизионной практике речевыми ошибками различных типов. Характер освоения соответствующих компетенций системный, направлен на формирование ЯЛ путём дополнения знаний по русскому языку и культуре речи, имеющихся у студентов после освоения базового школьного и университетского курсов «Русский язык» и «Русский язык и культура речи». Результат обучения — сформированные речевые компетенции, необходимые для эффективной работы в телевизионном дискурсе.

Отдельного внимания заслуживает формулировка цели предполагаемого ИУМП. Кроме формирования и дополнения имеющихся знаний у целевых групп, необходимо учитывать поведенческую модель — определить и устранить причины появления речевых ошибок и снижения эффективности коммуникации, которые могут иметь лингвистический характер. К тому же цель должна быть дополнена определением прогнозируемого отношения к изученному материалу. У целевых групп должен быть сформирован стимул к самостоятельному стремлению к анализу собственной речи, а также использованию сервисов и других технологий, направленных на устранение речевых ошибок до распространения подготовленных материалов с помощью телевидения и других средств массовой коммуникации.

В соответствии с особенностями целевых групп обучающихся, а также целей предлагаемого ИУМП следует определить содержание и структуру блоков (разделов) издания. Заметим, что практика работы специалиста в сфере телевидения предполагает

как устную речевую деятельность, так и письменную коммуникацию (публичную, состоящую в подготовке текстовых материалов для дополнения телевизионного контента и размещения в социальных медиа, а также непубличную, связанную с подготовкой материалов, сопутствующих практике телевизионной деятельности, включая деловую переписку). Следовательно ИУМП должно уделять внимание двум данным направлениям. Структурирование издание по данному принципу позволит быстрее соотнести участникам образовательного процесса свою деятельность с предлагаемыми к освоению материалами.

Отдельное внимание при разработке учебно-методического пособия для корректировки модели поведения ЯЛ следует уделить тезаурусу и прагматическим установкам — компонентам ЯЛ журналиста. Мотивация выбора тех или иных речевых средств телевизионным журналистом обусловлена прагматикой его деятельности, а также региолектными особенностями типа ЯЛ, что также необходимо учитывать. Ещё стоит заметить, что ЯЛ телевизионного журналиста может быть реализована с опорой на речевое поведение участников телевизионного дискурса, которые являются авторитетными в отрасли. Соответственно при формировании содержательных блоков (разделов) нужно учесть механику осмысления собственной речевой деятельности, которая станет отправной точкой в реализации обучения по циклу Д. Колба.

Как уже было указано выше, реализация концепции ИУМП невозможна без использования современных инновационных образовательных технологий, среди которых оптимальной для достижения поставленных целей является мобильное приложение. Данная технология позволяет организовать с помощью специальных форм вводную оценку знаний и компетенций обучающегося, на основе которых можно собрать образовательную программу под конкретного пользователя. Кроме того, приложение должно включать формы для самостоятельного ознакомления с материалом, мониторинг прохождения образовательного курса, а также соотнесение результатов обучения с индикаторами формирования заданных компетенций. Отдельно следует учесть контрольный замер сформированных навыков по прошествии некоторого времени после освоения учебного материала, что позволит отследить объём остаточных знаний, понять, произошли ли изменения в речевом поведении ЯЛ.

Таким образом, ИУМП по русскому языку и культуре речи должно учитывать контекст реализации телевизионного дискурса, интегрировать современные образовательные технологии, использование которых позволит осуществить коррекцию коммуникативной деятельности рассматриваемой ЯЛ. Концепция предлагаемого ИУМП должна учитывать особенные потребности целевых групп обучающихся, связанных с их профессиональной деятельностью, ставить цели, делая акцент не только на формируемых знаниях, умениях и навыках, но и на особенностях эмоционального восприятия информации, а также прогнозируемых изменениях в коммуникативном поведении ЯЛ, для чего используется мониторинг формируемых компетенций посредством соотнесения контрольных замеров с заложенными в программу обучения индикаторами. В основу разработки содержательных блоков может быть положен цикл познания Д. Колба, при этом посредством вводного тестирования у каждого обучающегося появляется возможность выбрать те тематические элементы, которые необходимы для устранения конкретных проблем в речевой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста [Текст]: дис. доктора филол. наук: 10.02.19 / Богин Георгий Исаевич. — Ленинград, 1984. — 354 с.: ил.

2. Бурляй, А. С. Языковая личность журналиста / А. С. Бурляй // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей IV Международного симпозиума: в 2 томах, Симферополь, 09—11 июня 2020 года. Том 1. — Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2020. — С. 159-162.
3. Донецкий региолект / В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой [и др.]. — Донецк : ООО «НПП „Фолиант“», 2018. — 265 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Юрий Николаевич Караулов. — 4-е изд., стер. — Москва: УРСС, 2004. — 261, [2] с.
5. Петерсон К. Век живи — век учись. Найдите стиль обучения, подходящий вам / Кей Петерсон, Дэвид Колб ; пер. с англ. Н. Брагиной. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. — 224 с.

Поступила в редакцию 14.12.2022 г.

CONCEPT OF INTERACTIVE TEACHING AID ON THE RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTURE FOR CORRECTING COMMUNICATIVE ACTIVITY OF DONETSK TV JOURNALIST LANGUAGE PERSONALITY

A. S. Burlyai, A. O. Iakel

The article deals with the concept of an interactive teaching aid on the Russian language and culture of speech aimed at correcting the communicative activity of Donetsk TV journalist linguistic personality. The reference to the linguistic personality as an object of learning is justified. The manual objectives and the student target groups are considered. The attention is also paid to the application of D. Kolb's cognition cycle in the development of publication content sections. The use of a mobile application as the optimal form of the teaching aid in question is substantiated.

Keywords: language personality, teaching aid, television, speech of TV journalists, Donetsk regionolect

Бурляй Анна Сергеевна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Ассистент кафедры русского языка.
E-mail: anna.burlyai@mail.ru

Якель Алексей Олегович.

Кандидат филологических наук.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры журналистики.
E-mail: ayakel@narod.ru

Burlyai Anna Sergeevna.

Donetsk National University.
Assistant of the Russian Language Department.
E-mail: anna.burlyai@mail.ru

Iakel Aleksey Olegovich.

Candidate of Philology.
Donetsk National University.
Associate Professor at Department of Journalism.
E-mail: ayakel@narod.ru

УДК 811.161.1

СУЩНОСТЬ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

© 2022 Н.С. Демченко

ГБОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС ДНР»

В статье рассматриваются различные толкования понятия речевой агрессии. Целью работы является изучение и анализ теоретического и практического материала по проблеме определения речевой агрессии. В результате анализа были обобщены научные подходы и выделены характерные черты речевой агрессии, что послужило возможностью синтеза основной части определения речевой агрессии для проведения дальнейших исследований.

Ключевые слова: речевая агрессия, языковая агрессия, речевой акт, коммуникативная интенция.

Введение. Повышенный интерес исследователей к проблеме речевой агрессии способствует развитию категориальной основы для изучения вопросов, связанных с её проявлением. Тем не менее, на сегодняшний день учёные продолжают акцентировать внимание на отсутствии единого понимания речевой агрессии. Согласно большей части работ в данной области, одной из причин невозможности закрепления целостного, чёткого и исчерпывающего определения для рассматриваемого явления служит тот факт, что существенный научный интерес к проблеме появился сравнительно недавно: изучение непосредственно речевой агрессии берёт своё начало в конце XX века вследствие возникновения особого внимания к различным видам коммуникативной деятельности человека [11, с. 4].

Актуальность изучения определений речевой агрессии заключается, во-первых, в отсутствии единого мнения относительно её толкования и, во-вторых, в значительном влиянии этого явления на языковую культуру и общество. Стоит отметить, что речевая агрессия может присутствовать в различных коммуникативных ситуациях в бытовом, педагогическом, политическом и других вариантах социального пространства. Так, например, изучая проявление агрессии в педагогической практике, изыскания Ю.В. Щербининой представляют особый интерес для исследователей речевой агрессии, т.к. предпринимается попытка систематизации лингвистических знаний об исследуемом феномене. Е.И. Шейгал, А.В. Карякин и др. изучают агрессивность высказываний в рамках политического дискурса как одну из основных и частых форм речевого воздействия. Некоторые исследователи уделяют внимание речевой агрессии в социокультурном аспекте, определяя её как угрозу экологичности языка. В настоящее время многие научные труды направлены на изучение Интернет-дискурса. Ввиду этого вопрос речевой агрессии теперь часто рассматривается в пределах данного коммуникативного пространства.

В связи с тем, что феномен речевой агрессии рассматривается через призму различных научных направлений, возникают трудности с толкованием самого понятия. Подчёркнём, что исследуемое явление участвует едва ли не во всех сферах жизни и деятельности человека, т.е. ограничить данное понятие исключительно лингвистическим аспектом не представляется возможным – требуется учитывать психологические, социальные, юридические и другие особенности. Многоаспектный подход к изучению речевой агрессии был применён в диссертационном исследовании Т.В. Воронцовой «Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход». На наш

взгляд, несмотря на то, что в данном труде представлен анализ феномена с точки зрения различных аспектов (лингвистическом, психологическом, этическом), мы видим необходимость изучить более современные трактовки данного языкового явления, поскольку теоретическая база совершенствуется и предлагает новые направления для понимания речевой агрессии.

Так, целью нашего исследования является изучение и анализ существующих определений как отечественных, так и зарубежных авторов для оценки схожих особенностей и возможности синтеза представленных мнений.

Основная часть. Большая часть трудов, посвященных речевой агрессии, рассматривает это явление в контексте психолингвистики, предлагая трактовать речевую агрессию как «речевое поведение», «установку на антидиалог», «речевое воздействие» и т. п. В лингвистическом аспекте данный феномен изучен недостаточно.

В отечественной лингвистике основополагающие идеи, направленные на дефиницию «речевая агрессия», принадлежат Ю.В. Щербининой, Н.Е. Петровой, Л.В. Рацибурской, Р.Х. Хайруллиной и др. В зарубежной литературе данному явлению уделяли внимание Р. Барт, Л. Стич, С. Удупа, М.А. Гамильтон и др.

В результате исследования речевой агрессии рассматриваемый феномен обрёл множество синонимов, таких как «вербальная агрессия», «языковая агрессия», «словесная агрессия», «язык ненависти / вражды», «словесный экстремизм» и т. д. Однако ряд исследователей всё же отмечает некоторые различия в сфере их применения. Наряду со словосочетанием «речевая агрессия» наиболее часто можно встретить термины «вербальная агрессия» и «языковая агрессия». Иногда они встречаются в пределах одной работы. Тем не менее Л.М. Закоян придерживается мнения, что термин «вербальная агрессия» может быть применён исключительно в изучении феномена с точки зрения психологии, т. е., по сути, является психологическим понятием [3, с. 46].

Термин «языковая агрессия» понимается учёными-лингвистами отлично от речевой. Так, к примеру, в словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило под языковой агрессией понимается «явление интенсивного влияния одного более функционально активного языка на менее активный в условиях языковых контактов, вплоть до вытеснения его из традиционных сфер функционирования» [2, с. 475]. Предлагаемый термин отождествляется с «лингвистической агрессией» и «языковым вторжением». В качестве дополнительного пояснения в словаре предлагается уточнение, что «языковая агрессия выражается в многочисленных явлениях интерференции и заимствованиях: лексических, грамматических, словообразовательных, в росте объёма функционирования активного языка за счёт сокращения функционирования менее активного языка» [там же] (например, аббревиатура *ОК* в качестве согласия, которая заменила русскоязычные варианты «ладно», «хорошо», «да» и т.д.; *fake* вместо «ложный», «недостовверный» и др.). В данном толковании термина отслеживается угроза «загрязнения» языка, его литературной нормы, т. е. относится к проблеме состояния языка, а не речевому взаимодействию.

Однако М.А. Фирсова в диссертационном исследовании «Когнитивно-дискурсивные параметры языковой агрессии в речи публичной языковой личности» выражает мнение, что использование термина «языковая агрессия» задаёт вектор именно лингвистическим исследованиям, т. к. основной инструмент такой агрессии – слово [7, с. 5]. Практическое изучение речевой агрессии в работе исследователя заключается в рассмотрении языковых средств, преимущественно лексических (инвективной, жаргонной, разговорно-

просторечной лексики) и дискурсивных (иронии и агрессивной метафоры). В свою очередь, М.В. Шишко, рассматривая фразеосемантическое поле агрессии, преимущественно анализирует лексемы с негативной, уничижительной, пейоративной окраской, а также корпус устойчивых выражений из английской литературы. Так, например, фразеологизм *to put out somebody's light* в понимании М.В. Шишко звучит «обиднее», чем лексическая единица *to kill somebody* [9, с. 3].

Определяя речевую агрессию, Р.Х. Хайруллина поддерживает необходимость раздельного рассмотрения языковой и речевой агрессии в силу разных способов выражения в языке и речи, замечая, что «если в речи это прежде всего фонационные и невербальные средства, речевая ситуация в целом, то в языке это лексико-грамматические средства, получившие закрепление в лексическом фонде и грамматическом строе языка» [8, с. 334]. Другими словами, это те единицы уровней языка, которые фактически отражают негативную коннотацию, к примеру те же инвективы.

Однако мы полагаем, что речевая агрессия не ограничивается речевой ситуацией, т. к. речевое взаимодействие предполагает и вербализацию. Следовательно, языковые средства также могут быть отнесены к «речевой» агрессии, и, вслед за И.Б. Лазебной, считаем, что в речевом акте агрессии происходит комплексное взаимодействие языковых средств различных уровней языка, а именно фонетического, морфологического, лексического и др. [5, с. 159] Ярким примером могут послужить высказывания из различных интервью: «*А его в этом статусе больше ничего и не интересует. Ты видел выступления в Верховной Раде? Одно их двух... Это же безумие... Это же Северная Корея! Мне казалось, что того, кто недостаточно громко будет аплодировать – его должны расстрелять*» (<https://clck.ru/32cQJQ>); «*Скажи, а тебя учили такие паузы долгие делать? – Я возвращаюсь в свое ресурсное состояние. – А я тебя из него выбиваю что ли?*» (<https://www.youtube.com/watch?v=9JD31-qgba4&t=2088s>).

Изучая толкование речевой агрессии в словарях, можно выделить следующее как наиболее приближенное к лингвистике: «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [4, с. 340]. В качестве примеров предлагаем рассмотреть данные нашей картотеки (здесь – Интернет-комментарий): «*Отеки это проблемы с сердечно сосудистой системой и почками. Вы шарлатанка и говорите бред!*» (<https://www.youtube.com/watch?v=Ztr7Y1E7-s>), «*эх люблю я этих толстых диетологов. сразу видно человек знает о чем говорит*», «*Спасибо за репортаж о похудении с грузным диетологом.*» (<https://www.youtube.com/watch?v=2rBTQXAOU-A>), «*Правильно поняли <...> и пусть доказательная наука победит филодоксов и их мнения!*» (<https://t.me/doctorutin/437?comment=1039>).

На основании вышеизложенного, предлагаем придерживаться мнения Л.М. Закоян: для изучения вопросов агрессивности коммуникативных актов наиболее приемлемым считать термин «речевая агрессия».

Предполагается, что изначально явление агрессивности в речи появилось в англоязычной культуре под названием «*hate speech*», которое позже перешло в русский язык в нескольких вариантах: «язык ненависти», «язык вражды», «языковое насилие».

Существенный интерес для изучения толкования речевой агрессии и языка вражды представляет одна из недавних книг Ю.В. Щербининой «Речевая агрессия: территория вражды». В восьмой главе исследователь описывает язык вражды, понимая его как «слова и выражения, которые подсознательно или явно программируют

человека на агрессию... ко всему иному, непривычному, отличному от сложившихся стереотипов той или иной социальной либо культурной общности людей» [10, с. 172]. Ср.: *«мормоны подрывают нашу православную идентичность»* – данный пример наглядно демонстрирует «язык вражды»: прежде всего использование слова *«мормоны»*, которое в понимании русскоговорящих реципиентов уже несёт негативный оттенок значения, глагол *«подрывают»* подразумевает нанесение вреда чему-либо / кому-либо (переносное значение), словосочетание *«православная идентичность»* играет здесь особую роль, т. к., согласно данным Фонда «Общественное мнение», большая часть граждан, проживающих на территории России, считают себя православными. Так, вывод получается следующим: **мормоны (чаще всего представляются нами как сектанты, чьё религиозное видение зародилось в США), подрывают (наносит вред) нашу православную идентичность (неотъемлемую часть русской этнической идентичности, наш образ жизни)**. Подобный пример можно расценивать как призыв к вражде / ненависти.

Многие работы зарубежных исследователей посвящены изучению термина «hate speech». П. Фортуна и др. предлагают трактовать это понятие как «language that attacks or diminishes, that incites violence or hate against groups, based on specific characteristics such as physical appearance, religion, descent, national or ethnic origin, sexual orientation, gender identity or other, and it can occur with different linguistic styles, even in subtle forms or when humour is used» [13, с. 5] (*«языковые средства, которые оскорбляют или унижают достоинство, подстрекают к насилию или ненависти в отношении групп на почве определенных признаков, таких как внешность, религия, принадлежность по рождению, национальное или этническое происхождение, сексуальная ориентация, гендерная идентичность или другие; может выражаться с помощью различных языковых стилей, даже в едва уловимых формах или за счёт юмора»* – авторск. перевод). Другими словами, речевая агрессия понимается как использование языковых средств с целью негативного воздействия путём разного рода дискриминации, например: *«Jesus, that lady is creepier than one of those Boston Dynamics robots»* («Late Night with Seth Meyers», <https://www.youtube.com/watch?v=ba6Mtfy0IwM>), *«Let's be honest, when people imagine smooth, sensual, soulful voices are they going to picture a guy like you or do they think of a guy like me (Usher)?»* («The late show with James Corden (special guests: Usher & Luke Evans)», (<https://clck.ru/32dVJM>)).

Наряду с дефинициями «hate speech» встречаются такие синонимы, как *verbal aggression, linguistic aggression, language of aggression, communicative aggression, speech aggression, destructive communication, verbal attack, verbal abuse, destructive verbal communication* и т. п. В связи с чем мы можем полагать, что и в зарубежной литературе не сложилось определённого понимания речевой агрессии.

Так, например, в работе Э. Кэинса и др. предпринята попытка разграничить понятия «hate speech» и «aggressive language». Исследователи разрабатывают алгоритм, который должен распознать речевую агрессию в Интернет-пространстве. По их мнению, «aggressive language, which more often than not is built on the composition of many words, involves a hostile stance from one speaker or writer to another. It is this which might seem to be abusive...» [12, с. 66–67] (*«речевая агрессия, которая чаще всего основывается на сочетании ряда слов, предполагает враждебное отношение одного говорящего или пишущего по отношению к другому. Именно это может показаться оскорбительным...»* – авторск. перевод). Итак, согласно определению, речевая агрессия часто выражается фразой / словами, что может быть интерпретировано как оскорбление или даже враждебность. Рассмотрим несколько примеров, которые, на наш взгляд, иллюстрируют речевую агрессию в данном ключе

(здесь – выдержки из печатных изданий): «*Вот и банкиры вспомнили, что они сначала банкиры, а уж потом патриоты. И “переобулись”*» («Итоги и Факты. События недели» от 03.05.2022 г.), «*Евразийским интеграционным процессам мешают коррупционные интересы местных элит*» («Неделя» от 03.05.2022 г.), «*А на деле собрали богатейший урожай с покупателей, которые воспользовались маткапиталами и льготными ипотеками... Продавцы-вторичники, не будь дураками, увидев, что цены на новостройки переписывают каждую неделю, тоже захотели обогатиться*» («Комсомольская правда – Москва» от 13.04.2022).

В работе М.А. Гамильтона можно встретить словосочетания «*verbal aggression*» (вербальная агрессия), «*verbal aggressiveness*» (вербальная агрессивность) и «*aggressive language*» (агрессивный язык). Безусловно, данные термины имеют различия. Сам М.А. Гамильтон считает, что вербальная агрессия представляется отдельным речевым актом с использованием агрессивного языка, а вербальная агрессивность – предрасположенность к его использованию [14, с. 6].

Р. Барту видится, что агрессия представлена изначально на грамматическом уровне языка: «*Не является ли... сама фраза, как практически замкнутая синтаксическая структура, боевым оружием, средством устрашения; во всякой законченной фразе, в ее утвердительной структуре есть нечто угрожающе-императивное... В своей повседневной, по видимости свободной жизни мы ведь не говорим целыми фразами...*» [1, с. 539]. Р. Барт приводит в пример три словосочетания («*Злая собака*», «*Осторожно, собака*», «*Сторожевая собака*»), которые, независимо от своей формы, передают одно и то же угрожающее содержание: «*Не входите, если не хотите быть укушенными*» [там же, с. 538].

Изучая работы современных зарубежных исследователей, мы отмечаем существенный научный интерес к разработкам специальных компьютерных программ, нацеленных на выявление речевой агрессии в сети Интернет, что подтверждает проблему агрессивности и попытку её устранения. Однако, на наш взгляд, говорить об исчезновении речевой агрессии не приходится.

Заключение. Изучаемый материал отражает множество мнений, ввиду которых появились синонимичные названия исследуемого явления; опыт отечественных и зарубежных лингвистов в изучении речевой агрессии; особенности определения феномена с учётом анализа фактического материала рассмотренных трудов. В рамках нашего исследования мы остановились на использовании термина «речевая агрессия».

Несмотря на широкий и неоднозначный перечень определений речевой агрессии, мы предлагаем обратить внимание на те особенности толкований данного явления, которые прослеживаются во всех упомянутых вариантах:

- выражается средствами различных уровней языка;
- имеет движущую силу – коммуникативную интенцию, преимущественно негативного характера;
- требует объекта, на которого будет направлена «атака».

Так, с точки зрения лингвистики речевая агрессия представляет собой использование языковых средств для достижения коммуникативной интенции негативного характера в отношении объекта агрессии.

Отметим, что предлагаемая трактовка является лишь частью основного определения. В качестве перспективы дальнейшего теоретического исследования данного явления мы видим изучение и анализ основных, на наш взгляд, составляющих этого многогранного феномена, а именно: психолингвистической, социолингвистической, лингвоюридической и лингвоэкологической. Подробное

изучение обозначенных аспектов поможет сформулировать наиболее объёмное и точное понимание речевой агрессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика: переводы с фр. : [сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова]. – М. : Прогресс, 1989. – 615 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
3. Закоян Л.М. Речевая агрессия как предмет лингвистических научных исследований / Л.М. Закоян // Вестник Российского университета дружбы народов. – М., 2008. – С. 46–52.
4. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М.Н. Кожина. – М. : Флинта, 2004. – 696 с.
5. Лазебная И.Б. Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / И.Б. Лазебная. – Белгород, 2007. – 186 с.
6. Петрова Н.Е. Язык современных СМИ : средства речевой агрессии : [учеб. пособие. 5-е изд., стер] / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 160 с.
7. Фирсова М.А. Когнитивно-дискурсивные параметры языковой агрессии в речи публичной языковой личности: дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / М.А. Фирсова. – Астрахань, 2018. – 236 с.
8. Хайруллина Р.Х. Речевая агрессия: универсальное и национально-своеобразное / Р.Х. Хайруллина, Г.З. Минигулова // Сборник научных статей к 75-летию профессора Р.З. Мурясова : [сб. науч. тр. / отв. ред. З.З. Чанышева]. – Ч. I. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. – С. 333–337.
9. Шишко М.В. Вербальная характеристика агрессии личности.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / М.В. Шишко. – М., 2009. – 26 с.
10. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия: территория вражды / Ю.В. Щербинина. – М. : Форум, 2013. – 400 с.
11. Яковлева Ю.В. Речевая агрессия в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 1917-1932 гг. : дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.10 «Журналистика» / Ю.В. Яковлева – М., 2016. – 166 с.
12. Caines A. Aggressive language in an online hacking forum / A. Caines, S. Pastrana, A. Hutchings, P. BATTERY // Proceedings of the Second Workshop on Abusive Language Online. (ALW2). – 2018. – P. 66–74.
13. Fortuna P. A Survey on Automatic Detection of Hate Speech in Text / P. Fortuna, S. Nunes // ACM Comput Surv. – 2018. – № 51 (4). – P. 1–30.
14. Hamilton M.F. Verbal aggression: Understanding the Psychological Antecedents and Social Consequences / M.F. Hamilton // Journal of Language and Social Psychology. – 2012. – № 31 (1). – P. 5–12.

Поступила в редакцию 10.11.2022 г.

VERBAL AGGRESSION AS LINGUISTIC PHENOMENON

N.S. Demchenko

The article deals with various interpretations of speech aggression. The objective is to study and analyze theoretical and practical material on the problem of verbal aggression definition. As a result of the analysis, the scientific approaches to the study of verbal aggression have been generalized as well as the characteristic features of the given phenomenon. It enabled to synthesize the suggested approaches, and come out with a working definition of verbal aggression, which might be relevant in further research.

Key words: verbal aggression, language aggression, speech act, communicative intention.

Демченко Наталья Сергеевна.

ГБОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС ДНР».

Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин.

E-mail: mirranitly@gmail.com

Demchenko Natalia Sergeevna.

The Civil Defence Academy of the EMERCOM of the DPR.

Senior Lecturer of Humanitarian Sciences Department.

E-mail: mirranitly@gmail.com

УДК 81`42

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЕДА / НАПИТКИ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ

© 2022 Д.А. Калмыкова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализированы особенности выделения лексико-семантического поля как специфического объекта лингвистического исследования в произведениях Н.В. Гоголя. При проведении исследования был рассмотрен пласт бытовой лексики со значением «еда / напитки» в произведениях Н.В. Гоголя. В процессе исследования удалось прийти к выводу, что лексико-семантическое поле «еда / напитки» представляет собой достаточно разнообразный и обширный пласт бытовой лексики и способствует составлению представлений о культуре и нравах жителей определённой местности в эпоху жизни и творчества Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: лингвистика, лексико-семантическое поле, бытовая лексика, гастрономическая лексика, лексическая группа.

В лингвистических исследованиях последнего двадцатилетия ведутся попытки разделить лексику на различные классы, разряды и категории на основе разных принципов. Наибольшие трудности и одновременно интерес вызывают классификации слов на основе семантического принципа. Данное исследование выполнено на базе современной теории лексико-семантического поля, получившей широкое распространение в современных лингвистических исследованиях. Возросший интерес к лингвистическому исследованию номинаций «еда» и «напитки» вполне закономерен, так как под влиянием ценностных установок общества ученые в настоящее время активно изучают лексические номинации, представляющие бытовую сферу жизни, с позиций истории их становления и эволюции, а также лингвокультурологической характеристики, приобретающей особую значимость в связи с необходимостью исследования языка как орудия создания, хранения и трансляции культуры в произведениях Н.В. Гоголя.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы обосновать принципы выделения лексико-семантического поля «еда / напитки» как специфического объекта лингвистического исследования в произведениях Н.В. Гоголя.

Лексика художественных произведений Н.В. Гоголя представляет богатый фактический материал не только для лингвистики, но и для истории, этнографии, что и привлекает к себе внимание исследователей. В современных условиях развития общества, пришло время «глубокого разноаспектного изучения лексики быта и жизни носителей диалектов разных регионов, которое, помимо других задач, имеет цель сохранения колоритной диалектной лексики как свидетельства истории культуры народа» [2, с. 36].

При проведении исследования был рассмотрен пласт бытовой лексики со значением «еда / напитки» в произведениях Н.В. Гоголя.

Важным источником для изучения данного пласта лексики являются лингвистические работы различных авторов, которые помогают выяснить вопросы, связанные с историей языка, определить этапы его функционирования, ведь «при всей очевидности изменений в словарном составе языка, лексическая система сохраняет

такие архаичные черты, которые часто несут большую информацию, чем реликты других структурных уровней» [3, с. 93].

Полевой подход к «бытовой лексике» позволяет в большой степени систематизировать структурные взаимодействия слов, происходящих на уровне семантики наименований предметов быта в категории «еда / напитки».

Отдельного внимания заслуживает такой пласт бытовой лексики, как «еда / напитки», поскольку именно лексическая категория «еда / напитки» является основанием, на котором выстраивается обширная парадигма человеческого мировосприятия и человеческой деятельности. Поэтому внимание к этой сфере проявляют такие направления, как когнитивная лингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология и другие области языкознания. Подобного рода исследования, опирающиеся на антропоцентрический подход, помогают осмыслить «человека в языке» и «язык в человеке» [6, с. 18].

Лексическое значение бытовой гастрономической лексики с номинацией «еда / напитки» часто является производным и образно мотивированным. Сохраняя «живую внутреннюю форму», данная лексика часто служит источником «образных наименований и характеристик различных фактов и явлений действительности» [5, с. 10].

Вычленение и обоснование принадлежности лексики в рамках определённого семантического поля на основе характеризующего лексику критерия приводит к анализу определённого пласта лексики с целью установления системного характера парадигматических и синтагматических связей слов. Исследование специфики функционирования лексико-семантического поля «еда / напитки» представляется полезным вкладом в изучение писательского наследия и динамики развития во времени средств языковой выразительности.

Существуют следующие методы исследования: метод контекстуального анализа, дистрибутивный, трансформационный, психолингвистический, статистический, метод построения модели-эталона, математические методы и метод компонентного анализа и др. В данном исследовании применяется, по большей части, метод компонентного анализа, который предполагает разложение значения структура единиц на дифференциальные семантические признаки.

Иерархическая смысловая структура единиц, номинирующих лексико-семантическое поле «еда / напитки» в художественном тексте, проявляется в различных типах отношений, связанных с денотативным и коннотативным значениями. В первом случае объединение единиц осуществляется на основе понимания питания как жизненного явления; во втором – как жизненного явления, преобразованного в авторском сознании (как особого культурного феномена, получающего смысловые репрезентации в текстах). Все лексические единицы, образующие концепт «еда / напитки», в пространстве художественного текста объединяются как «слоты единого фрейма» [2, с.74].

Следует заметить, что к лексике бытовой сферы относятся слова, являющиеся именами существительными, которые называют предметы и явления быта, обычаи, материально-культурные ценности (в данном случае связанные номинацией «еда / напитки»). Функции бытовой лексики в художественных произведениях Н.В. Гоголя разнообразны. По наблюдениям исследователей, в произведениях Н.В. Гоголя бытовая лексика чаще всего используется для создания повседневных картин быта. Такая лексика встречается в художественных зарисовках автора при описании устройства быта героев произведения: «Теща *отсыпала* немного *галушек* из большого казана в

миску, чтобы не так были горячи», а также в сравнительных оборотах: «Тот имеет отличного французского повара, ... но, увы, должен довольствоваться каким-нибудь немецким обедом из картофеля». Названия пищи и напитков достаточно широко употребляются в речи, что позволяет нам делать выводы о мировосприятии и ментальности определённого народа. Именно в названиях еды и напитков в большой степени отражена национальная картина мира, что мастерски воплощается автором в структуре большинства его произведений. Данным обстоятельством и характеризуется интерес к номинации национальной еды и напитков в структуре художественного произведения, что и обуславливает актуальность темы исследования [3, с.102].

В данном случае обилие бытовой лексики, мастерски использованное автором приемов натуралистического описания быта и образа жизни помещиков Н.В. Гоголем, содействует тому, что читатель погружается в атмосферу того времени, благодаря достоверности и многообразию бытовых описаний с гастрономическим уклоном [6, с.21]. Лексика в структуре поля может выполнять функции «скрепляющих элементов», которые функционируют вокруг компонента-доминанты, образуя семантическое (смысловое) ядро самых различных сфер и номинативных направлений в лексике.

Если проанализировать распределение лексем семантического поля «еда / напитки» в произведениях Н.В. Гоголя, по наличию их в том или ином тексте произведения, то обнаруживаем следующее – лексем с семантикой еды и напитков в произведении автора довольно много, и помимо характеристики персонажей и описания русского быта того времени, от имени своих персонажей Н.В. Гоголь выражает свое отношение к быту и самому дворянскому сословию, к стремлению к изобилиям и чрезмерности в изысках, а также к бытовым реалиям, характерным той эпохе и увязанных с процессом принятия пищи. Так как никакой праздник на Руси не обходится без застолья «ломившегося от яств», ни один помещик не мог «похвастаться умеренностью нравов» [4, с. 16]. Подобная картина мира стала своеобразным проявлением культурной идентичности героев гоголевских произведений. Примером может послужить цитата: «Чего же бы теперь, Афанасий Иванович, *закусить?* Разве *коржиков с салом, или пирожков с маком*, или, может быть, *рыжиков соленых?* – «Пожалуй, хоть и *рыжиков, или пирожков*, – *отвечал Афанасий Иванович*, и на столе вдруг являлась скатерть с *пирожками и рыжиками*» [1].

Проанализировав лексико-семантическое поле по способу номинации лексических единиц со значением «еда / напитки», можно сказать, что они используются как для описания самого блюда и его вкуса в целом, процесса его приготовления, подачи и потребления, так и для описания различных вкусов и ароматов и их оттенков. Что касается гастрономической лексики, которая в рамках данной работы представлена 57 примерами, то можно сказать, что наиболее часто автором употребляются словосочетания «качественное прилагательное + существительное», также в некоторых примерах отмечено усиление авторского воздействия при помощи глаголов и наречий.

Следовательно, можно утверждать, что лексический фонд рассматриваемых произведений представлен относительно большим разнообразием. Удалось провести анализ бытовой лексики со значением «еда / напитки» по тематическим группам и способам номинации. При анализе терминов по способу номинации, стоит отметить, что наибольшей насыщенности и достоверности при передаче вкусовых ощущений, автор добивается средствами метафорического переноса значения, так как чаще всего бытовая лексика со значением «еда / напитки» представляют собой результат именно метафоризации и аналогий.

Подобной правдоподобности и насыщенности при описании гастрономической лексики, автор добивается благодаря глубоким познаниям в гастрономических вопросах, благодаря познаниям народных традиций и предпочтений, а также почтительному отношению автора к народу и его истории развития [5, с. 14]. Лексика с семантикой «еда / напитки» не является фоновой в произведениях Н.В. Гоголя, она призвана натолкнуть читателя на размышления социального, нравственного и политического порядка. Такого рода лексика взята автором осознанно с целью достижения эффекта «аккуратного ненавязчивого выбора пути» для того, чтобы думающий читатель увидел точку зрения автора за, казалось бы, нейтральными, бытовыми лексическими единицами, служащими «эстетическим фоном изложения» [5, с.16].

Следует отметить, что предметная детализация семантического поля «еда / напитки» в произведениях автора, занимает значительное место, преображая и скрашивая сюжет. Она сводится не только к подробному описанию местности, быта народа, но и к развернутому описанию национальной культуры застолий и кулинарных реалий. Так, например, в произведениях Н.В. Гоголя питание народа различалось в зависимости от принадлежности к его сословию. Питание высшего сословия было близко по своему составу к европейской кухне: «в изобилии и роскошном избытке текли вина... лучшие и дорогие блюда были ... снедью», «... пирожные плоды были на столах ясновельможных панов» [1]. Совсем другим было питание простого народа «...раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулеши...» [1], не могли приготовить, то «...отвязывали баклажки или тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи...» [1]. Обязательным было употребление горелки, меда и т.д. Гоголь объяснял это так: «...ни сильно само по себе старое вино и как не способно оно укрепить дух человека, но если к нему присоединится к нему еще приличное слово, то вдовое крепче будет сила и вина и духа» [1]. Самым недостаточным было питание бурсаков (учеников академии). Им постоянно не хватало выданной пищи, поэтому они носили шаровары с огромными карманами, в которых помещалось все, что они могли умыкнуть с возов или на базаре (повесть «Вий»). Будничное питание простого народа (крестьян) не отличалось разнообразием. Они ели «борщи или галушки», в праздники позволяли себе «колбасы домашнего приготовления и различное печенье» или использовали определенные блюда: «...краях хлеба, пирогов, кнishes и прочего дрязгу...» [1].

На данном этапе стоит отметить, что почти всегда появление той или иной пищи в структуре художественного произведения не случайно. Ее использование помогает Н.В. Гоголю добиться определённого эффекта, передать тайные смыслы. Она не просто олицетворяет авторский прием, но и является яркой иллюстрацией, неотъемлемым элементом произведения, ключом к раскрытию смыслов произведения, художественной деталью или символом, так и полностью самостоятельным персонажем, рассказывающим свою историю. С одной стороны, такой неординарный приём изображения подчеркивает сказочность сюжета, а с другой, его красочное, живое описание заставляет читателя поверить в реальность происходящего и вызывает интерес к самому блюду. Не зря Н.В. Гоголя называют «великим писателем и виртуозом слова» [4, с.20].

Проведённое в данной статье исследование даёт представление о вычленении лексико-семантического поля «еда / напитки» в произведениях Н.В. Гоголя. Перспективным представляется дальнейшее исследование предметно-бытовой лексики

со значением «еда / напитки», основанное на анализе закономерностей связей в структуре лексико-семантического поля.

На этом основании можно сделать следующий вывод: писатель хорошо был знаком с питанием каждого сословия того времени, со знанием дела писал о приготовляемых блюдах, что привело к огромному многообразию употребляемой автором лексики. Подробное изображение блюд национальной кухни свидетельствует о том, что автор соблюдает народные традиции. Лексическими средствами, которыми автор репрезентует описание блюда и процесса его поглощения, свидетельствует об уникальной авторской манере освещения национальной культуры приготовления и потребления пищи. Таким образом, лексико-семантическое поле «еда / напитки» представляют собой достаточно разнообразный и обширный пласт бытовой лексики и способствует составлению представлений о культуре и нравах жителей определённой местности в эпоху жизни и творчества Н.В. Гоголя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Ревизор. И другие повести. Избранное / Н.В. Гоголь. – Харьков, 2010. – 397 с.
2. Демчук И.Ф. Концепт еды в рассказе Владимира Сорокина «Настя» / И.Ф. Демчук. – Тернополь: ТНПУ им. В. Гнатюка, 2018. – 85 с.
3. Кириленко С.А. Наслаждение вкусом / С.А. Кириленко // *Studia culturae*. Вып. 1. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 93–106.
4. Марушкина Н.С. Концепт «еда» в контексте диалога культур: автореф. дис. ... канд. филол. н. / Марушкина Надежда Сергеевна. – Иваново, 2014. – 25 с.
5. Яковлева Е.Л. Многоаспектность гастрономических повседневных практик: лингвокультурологический код / Е.Л. Яковлева // *Лингвокультурология*. – 2018. – № 1 (19). – С. 7–16.
6. Якушева В.М. Концепт «еда / напитки» как фрагмент языковой картины мира в произведениях русских писателей 19 в. / В.М. Якушева // Санкт-Петербург: СПбГУ, Филологический факультет, 2019. – 86 с.

Поступила в редакцию 22.12.2022 г.

LEXICO-SEMANTIC FIELD "FOOD / DRINKS" IN WORKS BY N.V. GOGOL

D.A. Kalmykova

The article deals with the peculiarities of the lexico-semantic field as a specific object of linguistic research in the works by N.V. Gogol. In the course of the analysis, a layer of household vocabulary with the meaning of "food / drinks" in the works by N.V. Gogol has been considered. A conclusion is made that the lexico-semantic field "food / drinks" represents a fairly diverse and extensive layer of household vocabulary and extends knowledge about the culture and customs of the inhabitants in a certain area in N.V. Gogol's epoch.

Key words: linguistics, lexico-semantic field, household lexis, gastronomic vocabulary, lexical group.

Калмыкова Дарья Андреевна.
ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет».
Аспирант кафедры русского языка.
E-mail: darya-kalmikova@mail.ru

Kalmykova Daria Andreevna.
Donetsk National University.
Postgraduate student of Russian Language Department.
E-mail: darya-kalmikova@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.96

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ЛИЧНОСТИ ПРИ ТРАВМЕ ВОЙНЫ

© 2022 *Е.В. Новикова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрены основные психологические аспекты «травмы войны». Проанализирована теоретико-методологическая основа современного эффективного метода помощи личности при травме войны – психокатализа. Предложен алгоритм освобождения от травмы войны, разработанный А.Ф. Ермошиным.

Ключевые слова: стресс, стресс войны, стрессор, психическая травма, травма войны, психотравмирующая ситуация, посттравматическое стрессовое расстройство, психокатализ.

Введение. Война является массовой психотравмирующей ситуацией. Она несет в себе травматизацию как отдельной личности, так малых (семья, группы друзей и знакомых и пр.) и больших (города, страны и пр.) групп людей. Травма войны оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности человека, может быть травмой целых поколений, передавая модели поведенческих и эмоционально-волевых реакций. Целью данной статьи является анализ современного эффективного метода помощи личности при травме войны – психокатализа.

Основная часть. Военные действия являются однозначно сверхстрессовыми событиями в жизни людей, как отдельного человека, оказавшегося в их эпицентре, так и людей прямо или косвенно оказавшихся сопричастным с ними. В качестве стрессора в случаях войны выступают травматические события – экстремальные кризисные ситуации, обладающие мощным негативным последствием, ситуации угрозы жизни для самого себя или значимых близких [1, 2, 7, 9, 10, 12].

Р.В. Кадыров подчеркивает, что психическая травма – это нарушение целостности функционирования психики человека, вызванное экстремальной ситуацией (ситуацией, выходящей за пределы «обычного», «нормального человеческого опыта»). Военная ситуация однозначно является таковой [6]. К тому же, в случае войны мы, как правило, имеем дело с пролонгированными травматическими событиями.

Главное содержание психологической травмы войны составляет утрата веры в то, что жизнь организована в соответствии с определенным порядком и поддается контролю.

В динамике процесса переработки травмы И.Г. Малкина-Пых выделяет следующие основные этапы: 1) отрицание; 2) переосмысление; 3) принятие [8]. А.Л. Венгер отмечает, что имеются типичные для большинства пострадавших этапы переживания психологической травмы: шоковый этап, этап стабилизации, этап восстановления, этап личностной и социальной интеграции [1].

Травма войны проявляется на четырех основных уровнях:

- биологическом (Я телесное),
- социальном (Я социальное),
- психическом (Я реальное),
- духовном (Я духовное) [6].

Современные ученые (Л. Китаев-Смык, И.Г. Малкина-Пых, Н.Г. Осухова, М.М. Решетников, Т.Л. Свиридкина и др.) подчеркивают, что в травматической

ситуации нарушается структура «самости», все сферы личности (познавательная, эмоционально-волевая, мотивационная, поведенческая) [1, 2, 7, 8, 10, 11, 12, 13].

И.Г. Малкина-Пых, А.Л. Венгер отмечают, что пережитые личностью психологические травмы могут приводить к изменениям в структуре личности. Они могут проявляться как: враждебное или недоверчивое отношение к миру, социальная отгороженность, ощущение опустошенности и безнадежности, хроническое волнение, ощущение постоянной угрозы, существование «на грани», личностная тревога, отчужденность [1, 8].

Результатом воздействия травмы войны может стать изменение «Я»-концепции и образа мира индивида, что может сопровождаться чувствами вины, стыда и снижением самооценки. Высокая вероятность возникновения долгосрочных проблем личностного и интерперсонального характера, что проявляется в отстраненности от других, в сужении и нарушении лабильности и модуляции аффекта.

А.В. Батаршев подчеркивает, что психотравмирующие факторы могут выступать источником невротических состояний личности.

Согласно МКБ-10 вслед за травмирующими событиями, которые выходят за рамки обычного человеческого опыта, может развиваться посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР).

А.Л. Венгер отмечает, что ПТСР включает следующие симптомы:

- повторное переживание травматического события в навязчивых мыслях, воспоминаниях, сновидениях (часто носящих характер кошмара).
- боязнь засыпать (вследствие ожидания кошмаров).
- ощущение иллюзорного повторения события, непроизвольные яркие визуализации («флэшбэк»).
- потребность в тишине, сверхчувствительность к звукам (гиперакузия), боязнь громких звуков (акузофобия).
- тревожность: постоянное ощущение угрозы, опасение физического или психического нападения на пострадавшего и членов семьи.
- симптомы возрастающего возбуждения, проявляющиеся в нарушениях сна, раздражительности, трудностях концентрации внимания.
- чувство вины перед погибшими. оно сопровождается депрессией, самоуничижением, сомнениями в своей способности любить, верить, наслаждаться жизнью.
- постоянное избегание стимулов, связанных с травмой, и блокировка эмоциональных реакций, оцепенение.
- снижение позитивных чувств, интереса к деятельности.
- изменения характера: появление повышенной агрессивности, раздражительности, гневливости, склонности к насилию. это приводит к трудностям в общении с близкими людьми и в трудовой адаптации.
- нарушения в социальной, профессиональной или других важных сферах жизнедеятельности; нередко возникает алкоголизация или наркотизация [1].

Психокатализ, авторский психотерапевтический метод А.Ф. Ермошина, официально признанный Профессиональной психотерапевтической лигой с 2001 года, является эффективным современным методом помощи личности при травме войны. **Психокатализ** – это метод регуляции психических процессов и восстановления эффективной саморегуляции организма через погружение внимания человека в телесные и пространственные ощущения, связанные с переживаниями. Опирается на

присущую человеку способность глубоко осознавать своё состояние и разумно участвовать в его улучшении решениями своей личности, что помогает процессам самоисцеления организма [3]. Психокатализ, как психотерапевтический метод, позволяет расформировывать эмоциональные напряжения, которые человек получил в процессе жизни, освободиться от последствий травматического опыта.

В своей основе психокатализ является методом запуска саморегуляции организма человека. В целом, с точки зрения психокатализа мы смотрим на человека как на саморегулирующуюся систему, обладающую достаточными ресурсами. Все, в чем он нуждается, – это помощь в использовании ресурсов [3].

Осознанная саморегуляция или активная регуляция по методу психокатализа обеспечивает быстрый доступ к стихийно сложившимся состояниям через присоединение внимания к ощущениям, связанным с переживаниями.

Психокатализ основан на 3-х базовых наблюдениях:

1. Переживания «сидят» в нашем теле. Например, беспокойство проявляется во лбу, раздраженность – в висках, чувство ответственности – на плечах, злость – в груди, страх – в районе живота.

2. Каждая проблема имеет свою форму и свойства. Во время сеанса пациент описывает свои боли и проблемы как «объемные образования». Например, разочарование–осколки в груди, раздражение в висках– шары из металла, страх–тёмный комок в районе живота. Груз проблем–это мешок на плечах. Эмоциональные травмы–копья и стрелы, которые пронзают сердце.

3. Психокатализ помогает освободиться от последствий травмирования и застойных напряжений быстро и эффективно. При этом пациент говорит о восстановлении целостности, сбалансированности и наполненности: освобождается голова, становится легко на душе, спадает напряжение в животе.

Сущность и уникальность психокатализа в том, что этот метод обращается к внутренним ощущениям человека, что позволяет регулировать психические процессы не только на уровне интеллекта, но и на уровне вегетативной нервной системы, иммунной системы. Именно уровень вегетативной нервной системы включается в экстремальных ситуациях, в ситуациях войны. Всё напряжение уходит именно на этот уровень. И само оно выйти не может. Здесь необходима помощь специалиста.

В психотерапии по методу психокатализа вовлекаются в работу основные слои психики человека:

- неопсихика (головной мозг, ум, логически-образное сознание);
- палеопсихика (вегетативная нервная система (ганглионарная НС), телесные ощущения, ощущения внутренних органов, до-образное полевое сознание, которое проявляется в потоках и «предметах», ощущаемых в организме человека);
- протопсихика: уровень иммунной системы, память тканей и клеток.

Осознание процессов на уровне вегетативной нервной системы дополняет, а не исключает привычное осознание пациентом себя. Сила разума и глубинная мудрость организма действуют вместе в психотерапевтическом процессе.

Задачи, решаемые в психокатализе:

1. Восстановление поврежденной природы (детравматизация) и восстановление нарушенного баланса в природном состоянии (деневротизация) = «медицинская» часть работы, работа с натурой.

2. Помощь в усвоении культуры, знаний, опыта («сопровождение знаний в телесность», «метод тестовых фраз и представлений») = «педагогическая» часть работы, работа с культурой.

3. Помощь в самореализации человека как существа, наделенного уникальной идентичностью и реализующего собственный проект жизни в согласии с велениями «внутреннего Я» и проектами жизни других людей, с учетом знаний, опыта, культуры = «духовная» часть работы, работа с духовным полем.

Психокатализ работает с пространством сознания. Сознание – пространственно организовано с направлениями, по которым формируется опыт по значимым темам: на что надеяться, во что верить, безопасен ли мир, любим ли ты? Векторы сознания в психокатализе: вера сзади, надежда спереди, любовь, поддержка снизу, защита сверху, мудрость внутри. Психотерапевт наблюдает, в каком состоянии находится сознание клиента. Важно, чтобы сознание было в тоне, чтобы дух был мудрым.

С точки зрения психокатализа, «тело – это контурная карта души»: каждая зона тела является одновременно зоной сознания. В методе подчеркивается связь мышечного напряжения и функционирования психики: эмоциональное напряжение приводит к мышечным напряжениям и зажимам. Переживания человека обнаруживаются в строго определенных частях тела человека. Например: лоб – беспокойство, виски – раздражение, затылок – ответственность, грудь – обида, тревога, злость, тоска, живот, область солнечного сплетения – страх, гнев.

Можно сказать, что в психокатализе терапевт работает с «сознанием тела». «Сознание тела» реализует в себе совокупность «психических предметов» – «хороших», таких как любовь, радость и др., или «плохих», таких как ненависть, страх и др. [3, 4, 5].

С точки зрения психокатализа, психологическая травма представляет собой пораженность человека негативной информацией, которая, будучи для него болезненной, пробивает психологическое поле сознания и запечатлевается в теле участками сверхнапряжения. Эти ощущения сверхнапряжения психики может кодировать в виде негативных внутренних психических образов (нож, ком, камень, плита, топор, клубок и пр.). Например, когда человек говорит: «у меня камень на душе». Психологическое убиение (выведение) из организма этих негативно окрашенных (заряженных) образов приводит к освобождению психической энергии, успокоению нервной системы, психики человека.

А.Ф. Ермошин выделяет следующие виды травм:

- Травма разочарования / «обрушение» надежд, привычного уклада жизни (был мир, наступила война).

- Травма потери, утраты / травма «отрыва» (что-то уходит из жизни человека: потеря конечностей, переезд, смерть и пр.).

- Травма обрушения чувства безопасности, обрушения планов – испуг (потеря равновесия, растерянность в момент «встреч» с какими-то событиями, не вписывающимися в ожидания).

- Травма подрыва веры в справедливость мира, доверия людям / травма предательства – чувство обрушившейся веры.

- Травма испуга в момент встречи с травматическим событием жизни.

- Травма потери опоры, поддержки.

А.Ф. Ермошин подчеркивает, что травма может быть получена по разным векторам поля сознания человека:

Сверху – вниз (вертикальная ось): вектор «Опасно – Безопасно» (потеря безопасности). Возникает при испуге. Сигнал попадает в живот.

Передне-задняя ось («прошло»): вектор «Надежда, Мечта, Вера» (разочарование, отвержение, оскорбление).

Задне-передняя ось («пробило»): вектор «Доверие» (предательство). Предательство чувствуется как удар.

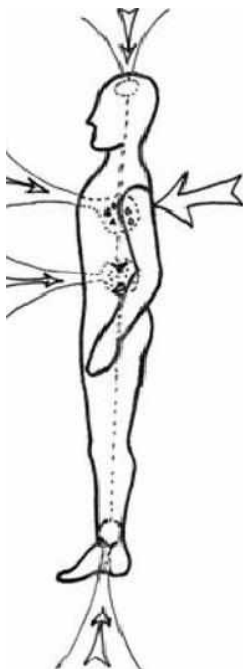
Низ – «Прошлое» (Родовые истории, социально-родовые истории, чувствительность к прошлому). Это ощущения, связанные с судьбой твоего Рода [3, 4, 5].

Зоны поражения при психологических травмах показаны на рисунке 1.

Испуг

Обман, несправедливость, разочарование

Испуг, полученный в утробе матери

Предательство, измена, подрыв веры

Страхи, унаследованные от предков

Рис.1. Зоны поражения при психологических травмах

Уровни поражения при психологических травмах показаны на рисунке 2.

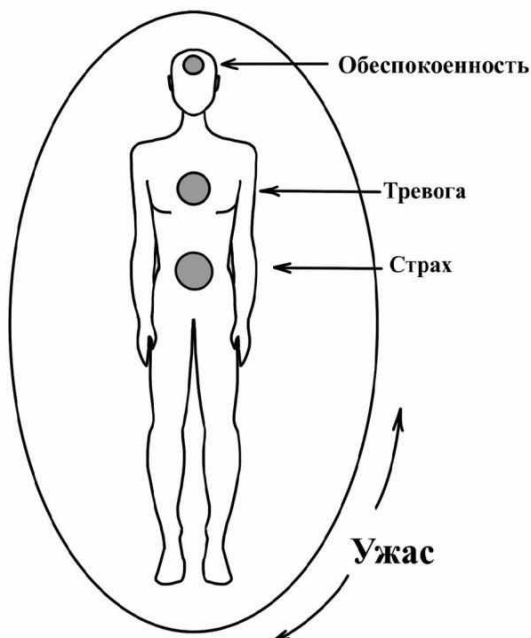

Рис. 2. Уровни поражения при психологических травмах

Травма войны часто вызывает у человека состояние жертвы, безысходности. Важно помочь человеку занять другую позицию в отношении обстоятельств, обрести иное состояние (состояние спокойствия, мудрости, взрослости); дальнейшее – дело его

жизни. А.Ф. Ермошин подчеркивает, что «...не так важны обстоятельства человека, важно, как он в них «стоит» [3, с. 44].

Психотерапия по методу психокатализа проходит через осознание телесных ощущений, задаются вопросы о телесных ощущениях, происходит «опредмечивание ощущений».

Важнейший вопрос в психокатализе: что человек «испытывает на уровне тела» в результате того, что случилось? Два простых вопроса «Где?» и «Что?», заданные по отношению к переживаниям, приводят к тому, что ... душа выявляет свое тело». Эти вопросы помогают «опредмечиваться» напряжению, существующему на уровне психики [3, с. 12].

В диагностической фазе отыскивается заряд, расстраивающий сознание пациента, фокусирующий на себе энергию организма. Вопрос, который помогает выйти на этот «заряд»: где ощущение, связанное с тем или иным эпизодом жизни человека. Этот «заряд» (сверхнапряжение) может находиться на уровне головы, груди, живота, ног и т.д. Он может ощущаться как большой или маленький, светлый или темный и т.д.

Относительно психологической травмы важным является вопрос: докуда дошел (добыл) сигнал-впечатление, связанный с травматическим событием?

Как правило, травма запечатлевается в теле человека как ощущение темноты, энергия уходит и остается холод. Достижение пациентом состояния, когда «приятное тепло доходит до кончиков пальцев рук и ног...», считается целительным само по себе, оно же является тем фоном, на котором пациент принимает себя, ситуацию и настраивается на успешный выход из трудностей [3, с. 40].

Фаза оценки и принятия решения: служит ли это ощущение (камень и пр.) жизни / помогает ли жить? Продолжать ли это носить в себе или хватит, и пора дать состоянию обновиться? Нормальный ответ: нет, не стоит! Принятое решение очень существенно. Вслед за ним наступает собственно успокоение.

Решающим моментом считается промежуточная фаза: решения личности пациента по поводу стихийно сложившихся компонентов его состояния с последующим наблюдением за обновлением его [3, 4, 5].

Фактически психокатализ предлагает пациенту «задуматься», как распределены в теле его ощущения относительно проблемы, есть ли что-то, что сбивает оптимальное распределение ощущений в организме, чего не хватает, чтобы чувствовать себя хорошо.

В психокатализе для пациента важно наблюдать, что происходит с его внутренними ощущениями, осознанно относиться к своим телесным ощущениям. Пациенты присоединяются к своим телесным ощущениям, впадают в своеобразный транс и проходят серию трансформаций. «Камни переживаний» могут обнаруживаться и распадаться, ощущения могут двигаться активно из одной зоны тела (переполненной) в другую (обездоленную), могут формироваться совершенно новые, оптимальные контуры ощущений [3, с. 40].

Инструментом проработки психологических травм личности в психокатализе выступают специально разработанные А.Ф. Ермошиным алгоритмы. Именно поэтому эффект исцеления становится прогнозируемым результатом, а не дело чуда или случая.

Общий алгоритм психотерапевтической работы по методу психокатализа включает в себя 5 основных фаз:

1. Диагностика. Где негативные ощущения? Что это собой напоминает?
2. Принятие решения: служит ли жизни?

3. Психотерапия. Очищение тела от сверхнапряжения, негатива, стрессов, страхов и пр., обновление, уравнивание психоэнергетического баланса в организме.

4. Освоение знаний. Приглашение знаний, мудрости, ресурсов в организм.

5. Моделирование нового опыта [3, 4, 5].

В военное время постоянно поступают обескураживающие новости. А.Ф. Ермошин разработал ряд рекомендаций по работе с ними. Рассмотрим основные из них.

1. Если неприятные известия застигли человека врасплох, первое, что необходимо сделать, – выпроводить их из тех мест в сознании, куда они попали.

А.Ф. Ермошин предлагает пользоваться представлением о сознании в некоторой его части как о шарике, имеющем мембрану, как капелька воды имеет поверхностное натяжение.

Важно определить, насколько глубоко проникла обескураживающая, пугающая или даже ужасающая информация внутрь шарика как бы промяв мембрану и формируя «чернильницу непроливайку» (рисунок 3).

Рис. 3. Образ чернильницы-непроливайки

Важно определить, насколько глубоко организм затаил ту информацию или опасения, включая необоснованные, в тот момент, когда человек испытывал чувство внутреннего вакуума от незнания как быть, что делать.

Нередко областью поражения является область солнечного сплетения. Но в отдельных случаях «засасывание» может оказаться более глобальным: вплоть до центра Земли или Галактики. Это отражает степень чувства растерянности, беспомощности, которое человек испытывает или испытал.

Когда же человек в какой-то степени опомнился, он может продолжать испытывать состояние напряжения на разных уровнях своего существа: от всеобъемлющего чувства ужаса до более локальных чувства страха на уровне живота, тревоги на уровне груди, беспокойства на уровне головы. Именно эти реакции заставляют людей совершать необдуманные поступки: бежать, прятаться, совершить деструктивные действия.

Задача внутренней работы такая: восстановить тонус мембраны сознания, так, чтобы возникший карман с чернотой, грязью вывернулся наизнанку, и чтобы организм исторг это из себя.

2. Когда человек понимает, что сейчас он в хотя бы в относительной безопасности, а может быть, даже большая часть того, что его напугало, излишне преувеличена, излишне драматизирована и пр., важно, закрыв глаза, наблюдать, как от самой дальней от места входа точки начинается процесс обратного движения серости, черноты, темноты, что бы она собой ни напоминала: пыль, дым, мусор... Неважно, выходит ли это столбом, клубами или затевается вихрь, смерч, торнадо, это выносятся информационный мусор из глубин человеческого существа. В любом случае важно наблюдать за процессом до полного его завершения.

3. Мембрана личностного сознания как бы подтягивается, натягивается, организм, пространство сознания полностью очищается. Человек делает выдох облегчения и расслабляется. Тепло и приятное наполнение устремляются к рукам, ногам, голове. Легче дышится.

4. В этом состоянии важно побыть некоторое время и пригласить «на вход» тот свет, который уже рядом. Это свет знаний, как жить и как побеждать, которые в голове и над головой, это чувство локтя, это сила корней, опыт наших предков, которые справились с очень большими вызовами, благодаря чему мы с вами можем жить на своей земле.

5. Надо наполниться этим светом и поделиться им со своими близкими. Это будет личным вкладом в хранение правильного состояния нашего народа в ответственный момент истории.

А.Ф. Ермошин с участием Е.В. Новиковой разработали конкретный алгоритм освобождения от травмы войны. Основные этапы психотерапевтической работы по данному алгоритму представлены в таблице 1.

Таблица 1

Алгоритм освобождения от травмы войны

Этап 1. Исследование исходного состояния		
1	Вводная фаза	1. Контакт. 2. Определение проблемы.
2	Диагностика «поражения», «заражения»	3. Сосредоточение на ощущениях. 4. Тестирование исходного состояния: Насколько сейчас у Вас проявляется напряжение, стресс, травматизация, если оценить его уровень по шкале от 1 до 10? 5. Выяснение зон, «пораженных» информацией, попавшей в организм в момент переживания растерянности, стресса, травмы. Где на уровне тела ощущения, связанные с переживанием напряжения, стрессом, травмой? Где на уровне тела это больше всего ощущается? Это уровень головы, груди, живота? Определение места, пораженного стрессовой, напрягающей информацией. Находится ли сигнал внутри или вне тела? Если вне тела, то на каком расстоянии? Где? Если он поразил Ваш организм, то где самая нижняя, дальняя от места поражения точка, докуда добил стресс? Иногда сигнал проходит сквозь тело насквозь и может

		<p>оказаться за его пределами позади за спиной или внизу под ногами. Где самая дальняя точка (от места входа болезненных ощущений), куда добил сигнал?</p> <p>6. Что это, по ощущению? Что из себя представляет? Что собою напоминает то, что попало в эти зоны? Каков объем того, что там ощущаете? Это большое или маленькое? Насколько оно насыщенное, плотное, горячее? Это теплое, холодное или горячее? Это светлое или темное? Это напоминает собой скопление энергии, облако, ком, камень, дым, пыль? – по ощущению? Что это? Что там? Что именно попало в эти зоны и заставило защитные центры активизироваться? Определяем характеристики того, что вызвало стрессовое состояние, травмировало.</p> <p>7. Какой процент энергии организма уходит на возникшее напряжение? Какова концентрация ощущения? Сколько процентов (%) энергии это переживание (напряжение...) держит на себе?</p>
3	Оценка и решение	<p>8. Оправдана ли такая трата сил? Служит ли это интересам жизни? Помогает ли попавшая информация жизни, необходима ли она там? Помогает ли это напряжение лучше решать жизненные задачи / проблемы? Придают ли эти ощущения сил, уверенности? Помогают ли они? Имеет ли смысл это сохранять? Целесообразно ли оставлять поражающую информацию там, куда она попала? Не настало ли время дать организму очиститься от нее?</p>
Этап 2. Психотерапия		
4	«Очищение», освобождение	<p>9. Если ответ «да», если пришло время очищаться от информационного мусора, то наблюдайте, что происходит: в виде чего, через что выходит то, что попало в организм без приглашения? Отпускайте без сожаления! Выходит ли оно через все «поры», через всю поверхность тела или больше через глаза, уши, макушку, рот, через руки или через ноги? Пусть уходит туда, откуда пришло, через то, через что вошло... Всё, что попало без приглашения, пусть уходит без сожаления...</p>

		<p>Работает глубинная мудрость организма... Осознанное внимание помогает ей ...</p> <p>Если информация, которая вызвала реакцию напряжения в организме, находится снаружи, но слишком близко и волнует сверх меры, дайте ей отодвинуться на более правильное, отдаленное расстояние.</p> <p>В случае если она запала в голову, живот или прошла дальше, доверяйтесь глубинной мудрости организма и наблюдаете, что делается!</p>
		<p>10. Наблюдение за обновлением состояния</p> <p>Нередко процесс напоминает выворачивание чулка. То, что попало во внутреннее пространство сознания, выходит вон по обратной траектории: через что вошло, через то и выходит – туда, откуда пришло.</p> <p>По пути на выход оно отдает организму то, что набрало от него. Или, вернее: организм забирает обратно то, чем напитал этот фактор.</p> <p>Пусть всё, что не служит жизни, уходит своей дорогой, выводится из организма по обратной траектории.</p> <p>Собственная жизненная сила высвобождается.</p> <p>Нередко стрессовая, беспокоившая, встревожившая, напугавшая информация выветривается как дым или улетает как черные птицы через верх головы, через рот или другим путём.</p>
		11. Сколько процентов уже вышло?
		12. Что-то осталось на месте первоначального скопления ощущений?
		13. Продолжать наблюдать за процессом до конца, до реализации его в полной мере.
5	«Закрытие отверстий», «заживление»	14. Отверстия выхода ощущений закрываются, пораженные зоны «заживляются», успокаиваются.
6	Фиксация нового состояния	15. Прочувствовать новое состояние чистоты и целостности.
Этап 3. Уравновешивание, успокоение		
7	Диагностика распределения ощущений в организме	<p>16. Когда пространство сознания очистилось от того, что вызывало его напряжение, наблюдаете, как сами остаточные напряжения, где бы они ни были, рассасываются.</p> <p>Успокаиваются лоб и голова в целом, растворяется остаток тревоги на уровне груди, спадает напряжение в животе.</p> <p>Приятное наполнение с ощущением тепла, тяжести распределяется по телу: идет в ноги, в руки, голову.</p> <p>Жизненные силы возвращаются туда, где они должны быть, где их не хватает.</p> <p>Наблюдаем, что делается до завершения этого процесса. Каковы ощущаемые пропорции тела?</p>

		Прочувствуйте характер наполнения организма. Все ли равномерно наполнено или есть зоны повышенной концентрации ощущений?
8	Оценка, принятие решения по распределению ощущений	17. Не дать ли ощущениям выравняться теперь, когда организм свободен от того, что заставляло его напрягаться?
9	«Выравнивание»	18. Выравнивание контура. Куда пошли ощущения из зоны переполнения: больше в направлении груди, живота, рук или ног, – или стали «концентрическими кругами» равномерно распределяться по всему телу? В виде чего распределяются ощущения: – в виде света, тепла, приятной тяжести? Это газ, жидкость, масса, еще что-либо? Докуда уже дошли ощущения? Что осталось на месте бывшего скопления ощущений? На сколько процентов растворилось напряжение, ушел стресс? Наблюдать до конца.
10	Отработка «вторичных образований»	19. Отработать «вторичное образование». Вокруг освободившейся зоны чисто, свободно? Или есть что-то, что «обжимает» ее: повязка, обруч, каска, еще что-либо? Проверьте, не осталось ли вокруг головы или другой части тела, ранее переполненной, чего-то, что причиняет дискомфорт / напряжение. Если есть, поблагодарить это образование за службу (оно «спасало эту зону от избыточного распирания ее, от разрыва») и дать ему «рассасываться», растворяться, рассыпаться... Наблюдать при этом за ощущениями: куда они отходят, в виде чего. Это бывает актуально: – для уровня головы, если ее прежде распирало от беспокойства; – для груди, если там была тревога; – для живота, если там был большой страх, который организм пытался «спрятать в шкатулку».
11	Фиксация нового состояния	20. Прочувствовать состояние равновесия и наполненности.
12	Тестирование нового состояния	21. Насколько сейчас у Вас проявляется напряжение (стресс), если оценить его уровень по шкале от 1 до 10? Если уровень напряженности уменьшился, можно сделать следующий шаг.
Этап 4. Освоение знания		
13	Поиск эффективных	22. Представление о подходящем поведении в проблемных ситуациях.

	стратегий поведения	<p>За время существования проблемы Вы собрали информацию о ее масштабе и о том, что делать.</p> <p>Есть ли у Вас представления о том, что может помочь человеку справиться с теми вызовами жизни, которые возникают в военное время?</p> <p>Есть ли знания, опыт, мудрость, как вести себя в подобных ситуациях?</p> <p>В чем состоит опыт той ситуации, которую Вы пережили?</p> <p>Есть ли знания, как можно эффективно действовать в ситуациях подобного рода?</p> <p>Есть ли у Вас понимание того, что стоит делать, что уместно, что необходимо делать для выполнения своей миссии и сохранения того, что Вам дорого?</p> <hr/> <p>23. Где знание об этом:</p> <ul style="list-style-type: none"> – в пространстве на отдалении от Вас? – уже где-то рядом? – а может быть, оно уже в Вас? <p>Если оно уже в Вас, то где: на уровне головы, груди, живота или уже в каждой клеточке тела?</p> <p>Наиболее удачное расположение важной информации – в области середины тела и каждой клеточки тела.</p>
14	Обогащения представлений	<p>24. Что собою напоминает: скопление света, воды, золотого песка, теплой лавы, приятного тумана или может быть, что-то еще?</p>
15	Препровождение знания в тело	<p>25. Не дать ли этому знанию впитываться организмом и распределяться более свободно в организме, чтобы каждая клеточка тела получила, хранила его?</p> <p>Пусть знания, опыт, мудрость идут туда, где им положено быть... А положено ему быть внутри...</p> <p>Дайте знаниям наполнять ваше тело... Тело наполняется...</p> <p>Пусть мудрость и знания идут туда, где больше всего места... Пустота наполняется ...</p> <p>Понаблюдайте, как идет впитывание и распределение того, что приносит Вам успокоение, создает основу для более взрослого, мудрого поведения.</p> <p>Движению благого знания соответствует ощущение, что проливается светом, водой, а иногда чем-то сыпучим чем-то, напоминающим золотой песок.</p> <p>Понаблюдайте, как часть наполнения приходит из пространства сверху, как дерево получает свет и нужные для своего построения молекулы из воздуха.</p> <p>Часть наполнения подтягивается через ноги, от опыта предков, как и дерево получает часть питания через свои корни.</p> <p>Все, что полезно для напитывания вашей глубинной мудрости, подтягивается оттуда, где оно есть.</p>

		<p>Внешнее пространство, голова разгружаются, а тело наполняется. Спокойствие укрепляется.</p> <p>26. Наблюдать за процессом естественного наполнения организма и распределения ощущений в нём. На сколько процентов наполнилось тело знаниями и мудростью? Докуда дошли знания, опыт, мудрость? Если знания находятся уже внутри тела (например, в животе), то можно предложить человеку пригласить их в другие части своего тела, в том числе и в голову.</p> <p>27. Так лучше? Тело получило то, что делает его сильнее. Голова (если знания, понимание были в голове) выполнила свою миссию концентрации знания и снабжения им организма, теперь она снова более свободна. Так же разгрузились и другие области, богатые нужным опытом, и теперь легко смогут аккумулировать новый полезный для жизни опыт.</p>
16	Фиксация нового состояния	28. Прочувствуйте свое новое состояние.
Этап 5. Формирование состояния светимости		
17	Проявление света	29. Обратите внимание на то место, где первоначально ощущалась наибольшая концентрация напряжения. Там начнет проявляться свет.
	Тестирование исходного состояния	30. Насколько проявляется сейчас свет от 1 до 10? Достаточно ли этого для того, чтобы сохранять состояние внутреннего достоинства перед лицом решаемой проблемы? Сколько нужно? Наблюдайте, как это хорошее состояние укрепляется. Сила, ресурс пребывают и расходятся по телу, идут туда, где их не хватает. Наблюдайте за ощущениями. Возможно, свет выходит за пределы Вашего тела... Это свет, который восстанавливает Ваше внутреннее пространство и пространство вокруг Вас.
18	Распределение света / Дарение света	31. Поделитесь светом! Если есть люди, за которых Вы тревожитесь, переживаете, то пусть вместо тревоги свет отправляется ко всем, за кого Вы тревожитесь, кого Вы любите. Пусть они получают не стресс, тревогу и волны напряжения, а свет, который и Вам, и им дает силы. Пусть этот свет, который идет из Вас и через Вас, расходится по пространству, где его не хватает... Наблюдайте за ощущениями...
19	Тестирование	32. Изменился ли уровень Вашей светимости, если оценить

	нового состояния	его по десятибалльной шкале? Насколько проявляется сейчас свет от 1 до 10?
Этап 6. Моделирование		
20	Моделирование нового поведения на основе нового состояния	33. Сохраняя достигнутое состояние целостности, наполненности, светимости, спокойствия, представьте, как Вы делаете то, что служит жизни, оставаясь в этом состоянии. В каждой ситуации Вы будете делать наилучшее из того, на что способны!
21		34. Мысленная «репетиция» самочувствия и поведения в проблемных ситуациях на фоне душевного равновесия. Теперь, на фоне чистоты и покоя, наполненности силой и наличия знаний о правильном поведении в каждой клеточке тела представьте, как Вы будете чувствовать себя. Представьте, как Вы будете мудро вести себя в ответственных жизненных ситуациях – сохраняя покой и равновесие, «по-рабочему»! На фоне спокойствия, наполненности, целостности представьте, как Вы можете теперь жить по-новому и на что Вы направите освободившуюся энергию. Теперь Вы можете вести себя по-новому в тех ситуациях, которые были когда-то трудными, стрессовыми для Вас. Какие ощущения у Вас сейчас, когда Вы представляете те ситуации, ранее вызывающие у Вас стресс (напряжение, дискомфорт и т.п.)? Ваша задача – пронести это состояние (спокойствия, уверенности, наполненности жизненной энергией...) по жизни и делиться им с близкими...

Заключение. Психическая травма войны представляет собой нарушение целостности функционирования психики человека, вызванное военной ситуацией. Она проявляется на четырех основных уровнях: биологическом (Я телесное), социальном (Я социальное), психическом (Я реальное) и духовном (Я духовное).

Эффективным методом психологической помощи личности при травме войны выступает психокатализ. Психокатализ позволяет расформировывать эмоциональные напряжения, которые человек получил в стрессовой военной ситуации, освободиться от последствий травматического опыта и запустить естественную саморегуляцию психики человека, его организма.

Перспективу дальнейшего исследования мы видим в разработке психотерапевтической программы исцеления психической травмы войны методом психокатализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Венгер А.Л. Психологическая помощь детям и подросткам после Бесланской трагедии / А.Л. Венгер. – Владимир: Транзит-ИКС, 2009. –150 с.
2. Ениколопов С.Н. Психотерапия при посттравматических стрессовых расстройствах. – [Электронный ресурс].– Режим доступа:<https://qps.ru/IVs0b> (дата обращения: 12.12.2022).

3. Ермошин А.Ф. Вещи в теле. Психотерапевтический метод работы с ощущениями / А.Ф. Ермошин. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2017. – 272 с.
4. Ермошин А.Ф. Загадочный синдром: панические атаки и как их лечить / А.Ф. Ермошин. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2017. – 352 с.
5. Ермошин А.Ф. Фобии, утраты, разочарования: как исцелиться от психологических травм / А.Ф. Ермошин. – М.: Неолит, 2017. – 224 с.
6. Кадыров Р.В. Биопсихосоциальноэтическая модель психологической помощи в работе с психической травмой и критерии ее эффективности / Р.В. Кадыров // Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды «Психология»: научное издание. – Харьков: ХНПУ, 2012. – Вып. 42, Часть I. – С. 75–86.
7. Китаев-Смык Л. Стресс войны. Фронтовые записки врача-психолога / Л. Китаев-Смык. – М.: Российский институт культурологии, 2001. – 80 с.
8. Малкина-Пых И.Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2005. – 960 с.
9. Психология стресса: учеб. пособие под ред. Б.Р. Мандель. – М.: Флинта, 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://qps.ru/BsH8m> (дата обращения: 12.12.2022).
10. Решетников М.М. Психическая травма / М.М. Решетников. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006. – 322 с.
11. Самоукина Н.В. Экстремальная психология / Н.В. Самоукина. – М.: Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ», Издательство ЭКМОС, 2000. – 288 с.
12. Селье Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. – М.: Прогресс, 1982. – 53 с.
13. Свиридкина Т.Л. Шаги из прошлого. Руководство по психотерапии травмы / Т.Л. Свиридкина. – М.: ИД «Городец», 2017. – 368 с.

Поступила в редакцию 15.12.2022 г.

PSYCHOLOGICAL HELP FOR PERSON IN TRAUMA OF WAR

E.V. Novikova

The main psychological aspects of the "trauma of war" are considered in the article. The theoretical and methodological basis of psychocatalysis as a modern effective method of helping a person with a trauma of war is analyzed. The algorithm for release from the trauma of war developed by A.F. Yermoshin is proposed.

Keywords: stress, stress of war, stressor, psychic trauma, trauma of war, traumatic situation, post-traumatic stress disorder, psychocatalysis.

Новикова Елена Владимировна.

Кандидат психологических наук.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
e-mail: novikova80@mail.ru

Novikova Elena Vladimirovna.

Candidate of Psychology.
Donetsk National University.
Associate Professor at Department of Psychology.
e-mail: novikova80@mail.ru

УДК 159.9.075

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

© 2022 *О.П. Цариценцева*

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

В статье приводятся данные эмпирического исследования ценностных ориентаций студентов педагогического вуза. Описывается иерархия ценностных ориентаций студентов и анализируются результаты в контексте специфических особенностей профессий социономического типа. Уделяется внимание качественным характеристикам и показателям ценностных ориентаций студентов, а именно: значимости внутренних и внешних ценностей, реализации внешних и внутренних ценностей, уровень конфликтности ценностных ориентаций.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, студенты, образование.

Введение. Проблема ценностных ориентаций студентов, обучающихся в педагогических вузах, приобретает особую актуальность в связи с реформированием системы образования и формированием новых запросов к личности в целом и непосредственно к личности и деятельности учителя.

Современное образование ориентировано на создание таких условий, в пространстве которых учащийся получает возможность становиться субъектом культуры, субъектом собственного развития, автором своего жизненного пути (М.Р. Битянова, А.Г. Асмолов). Рассуждая об этих условиях, современные педагоги и психологи делают акцент не только на методике и технологиях, но и на личности современного учителя. Именно учитель создает развивающую среду для учеников, являясь своеобразным медиатором между миром детской культуры и миром взрослой культуры. Выступая проводником ребенка в мир взрослого, он, в тоже время, не транслирует то, что уже есть, он готовит к тому, что еще будет, проявляя себя как субъекта. Развитие субъектности происходит под влиянием сформированных ценностей и переживаний личности, задействует систему отношений человека с другими людьми, с миром, с самим собой. Именно ценности выступают одним из основных факторов, детерминирующих качественные характеристики разных форм активности личности, они же лежат в основе целеполагания, являются регулятором социальной активности личности (Т.Н. Гущина, 2010). Обращаясь к профессиональной деятельности, важно отметить, что сформированные ценностные ориентации присущи социально зрелой личности, которая обладает устойчивой позицией по отношению к жизни и являются важной характеристикой субъекта профессиональной деятельности (А.Н. Мушкирова, 2015).

Методологическое и концептуальное осмысление ценностных ориентаций как детерминант субъектности личности обнаруживается в исследованиях Н.М. Борытко, Т.А. Ольховой, А.В. Кирьяковой, А.Г. Асмолова и др. В работах Э.Ф. Зеера, И.А. Зимней, Ю.П. Поваренкова, Н.С. Пряжникова и других рассматриваются ценности с точки зрения их роли в профессиональном развитии личности. В.А. Сластенин, Г.И. Чижакова, Л.П. Разбегаева, Н.Д. Никандров в своих исследованиях делают акцент на роли ценностей в образовательном процессе, раскрывая механизмы и особенности организации педагогического взаимодействия, влияющего на развитие личностных смыслов.

Ценностные ориентации демонстрируют отношение личности к ценностям. Ценности же, в свою очередь, являются культурными образованиями, создавая основу для развития личности. Таким образом, система ценностных ориентаций личности

характеризует особенности отношений личности с обществом. Ценностные ориентации выступают регулятором поведения личности, способствуют процессу принятия решения, служат основой совершаемых выборов. В период студенчества наблюдается интенсивное формирование ценностных ориентаций, которые влияют на формирование личности в целом и на особенности профессионального обучения, формируя определенную учебную, а затем и профессиональную позицию.

Практическая значимость исследования заключается в том, что обнаруженные особенности ценностных ориентаций современных студентов педагогического вуза позволят оптимизировать психолого-педагогические условия, создаваемые в вузе для развития субъектности студентов, их включенности в процесс профессионального образования, что будет влиять на качество профессионального становления и профессиональной идентичности будущих специалистов.

Обозначенные идеи и легли в основу эмпирического исследования, которое было посвящено описанию ценностных ориентаций современных студентов, обучающихся в педагогическом вузе.

Основная часть. Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «ОГПУ». В нем приняли участие 265 студентов очной формы обучения разных направлений и профилей подготовки. Из них 183 девушки и 82 юноши в возрасте от 18 до 23 лет. По курсам распределение представлено следующим образом: 58 студентов 1 курса; 90 студентов 2 курса; 64 студента 3 курса и 53 студента 4 курса.

Для изучения ценностных ориентаций студентов мы применили методику О.И. Моткова и Т.А. Огневой «Ценностные ориентации личности». Выбор этой методики обусловлен логикой наших рассуждений и выбранной концептуальной позицией. «Методика позволяет изучать значимость и реализацию внешних и внутренних ценностей, конфликтность и атрибуцию причин их осуществления. По нашему мнению, именно эта методика, разработанная на основе теории самодетерминации личности Э.Л. Диси и Р.М. Руаяна, позволяет нам проанализировать особенности ценностных ориентаций в контексте идеи субъектности личности. Согласно теории самодетерминации большая выраженность внешних или внутренних ценностей связана со степенью удовлетворения базовых, изначальных психологических потребностей личности: в автономии (самостоятельности и независимости), в компетентности (эффективности), в значимых межличностных отношениях (Линч М., 2004; В.И. Чирков, 1996). Их удовлетворение ведет к личностному развитию и психологическому здоровью, к развитию внутренних ценностей личностного роста, привязанности и любви, служения обществу, здоровья. Слабое удовлетворение базовых психологических потребностей ведет к развитию беспокойства, проблем с психологическим здоровьем, к большей ориентации на внешние ценности видимого благополучия (материальное благополучие, популярность, внешность). Они ориентируют человека преимущественно на отношения к себе со стороны других и оценку в социальной среде своей значимости, т.е. на эгоистическое социальное самоутверждение. Внутренние ценности больше ориентируют на значимость близкого другого и на развитие внутреннего личностного мира, его самовыражение в творчестве, на бескорыстное и эстетическое ценностное отношение к природе. Внешние ценности выражают скорее активность нижележащих уровней его пирамиды потребностей» (О.И. Мотков, 2020).

Обратимся к анализу полученных результатов, отметив, что далее понятия «ценностные ориентации» и «ценность» мы, вслед за О.И. Мотковым, рассматриваем как синонимы (таблица 1).

Таблица 1

Иерархия значимости и осуществления ценностей в выборах студентов педагогического вуза

№ п/п	Ценности	Значимость			Осуществление		
		Ранг	М	σ	Ранг	М	σ
1	Хорошее материальное благополучие	4	4.10	0.71	5	3.20	0.76
2	Саморазвитие личности	2	4.35	0.63	4	3.58	0.77
3	Известность, популярность	10	2.40	0.79	10	2.20	0.9
4	Уважение и помощь людям, отзывчивость	3	4.25	0.74	2	3.98	0.77
5	Физическая привлекательность, внешность	7	3.46	0.84	6	3.20	0.83
6	Теплые, заботливые отношения с людьми	1	4.36	0.65	1	4.03	0.81
7	Высокое социальное положение	8	3.25	0.79	8	2.65	0.87
8	Творчество	6	3.53	0.96	7	3.18	1.01
9	Роскошная жизнь	9	2.98	0.89	9	2.36	0.93
10	Любовь к природе и бережное отношение к ней	5	3.98	0.81	3	3.80	0.87

Результаты распределения выборов ценностей по критерию значимости показали, что наиболее важными ценностными ориентациями для студентов педагогического вуза являются теплые, заботливые отношения с другими людьми ($M = 4,36$); на втором месте саморазвитие личности ($M = 4,35$) и на третьем месте уважение и помощь людям, отзывчивость ($M = 4,25$). Выявленная иерархия отражает, на наш взгляд, особенность профессий социономического типа или, согласно типологии Е.А. Климова, профессий типа «Человек-человек», к которым и относится профессия учителя. Данные типы профессий предполагают взаимодействие с людьми, причем взаимодействие это, чаще всего, помогающего, поддерживающего плана. Люди в данных профессиях рассматриваются не как социальное пространство, в котором осуществляется профессиональная деятельность, а как объект деятельности, взаимодействия, основной ориентир профессионального внимания. Очевидно, что для успешного овладения и дальнейшей реализации в профессиях данного типа, конкретно в профессии учителя, выявленные нами ценности являются опорой, повышающей эффективность труда будущих специалистов. Завершают иерархию ценностных ориентаций студентов педагогических вузов такие ценности, как высокое социальное положение (8 место в выборе студентов; $M = 3,25$); роскошная жизнь (9 место в выборе студентов; $M = 2,98$) и известность, популярность (10 место; $M = 2,40$). Таким образом, можно отметить, что направленность на альтруизм выражена у студентов, выбирающих педагогическое образование, сильнее, чем эгоизм, что может свидетельствовать об искреннем стремлении и внутренней ориентации на помощь другим людям, их сопровождение. Кроме того, по ценностным ориентациям, располагающимся на 1 и 2 позициях, мы наблюдаем самое низкое значение стандартного отклонения, что является подтверждением согласованности результатов по данным позициям, в то время как по ценностным ориентациям творчество, роскошная жизнь и любовь к природе мы наблюдаем, наоборот, менее согласованные выборы.

Анализируя оценку ценностных ориентаций по критерию осуществления, мы можем отметить, что здесь оценки студентов менее согласованные, на что указывает

более высокое значение стандартного отклонения практически по всем ценностным ориентациям. Иерархия по данному критерию сопоставима с иерархией по критерию значимости, то есть, на первом месте располагается ценностная ориентация теплые, заботливые отношения с другими людьми ($M = 4,03$); на втором месте – уважение и помощь людям, отзывчивость ($M = 3,98$); на третьем месте – любовь к природе и бережное отношение к ней ($M = 3,80$). На последних позициях в иерархии ценностных ориентаций студентов педагогического вуза располагаются аналогичные ценности, однако среднее значение по ним еще ниже, чем по критерию значимости. На наш взгляд, полученный результат позволяет сделать вывод о том, что студенты и не ориентированы на эти ценности, и в то же время считают их малоосуществимыми, то есть в данном результате усиливают друг друга субъективные предпочтения и объективные препятствия к реализации некоторых ценностей.

Важно отметить, что ценностные ориентации, располагающиеся на значимых позициях, относятся к внутренним ценностям, а отвергаемые – к внешним.

На следующем этапе мы обратились к анализу атрибуции причин осуществления ценностных ориентаций по мнению студентов (таблица 2).

Таблица 2.

Причины осуществления ценностных ориентаций в понимании опрошенных студентов

№ п/п	Ценности	Внешние обстоятельства		Мои природные данные		Собственные усилия	
		М	σ	М	σ	М	σ
1	Хорошее материальное благополучие	3.34	0.88	3.09	0.94	3.52	0.97
2	Саморазвитие личности	3.05	1.07	3.53	0.99	3.79	0.99
3	Известность, популярность	2.83	1.01	2.80	1.00	2.67	1.08
4	Уважение и помощь людям, отзывчивость	2.95	1.17	3.56	1.09	4.03	0.86
5	Физическая привлекательность, внешность	2.77	1.06	3.39	0.93	3.38	0.95
6	Теплые, заботливые отношения с людьми	3.15	1.13	3.54	1.03	4.01	0.84
7	Высокое социальное положение	3.06	0.91	2.82	0.92	3.09	1.02
8	Творчество	2.8	1.11	3.32	1.05	3.43	1.11
9	Роскошная жизнь	2.92	1.07	2.66	1.04	2.82	1.03
10	Любовь к природе и бережное отношение к ней	2.8	1.2	3.38	1.10	3.84	0.94

Интересным является тот факт, что студенты, размышляя о степени влияния различных причин на реализацию ценностей, отмечают роль и значение, прежде всего, собственных усилий (в 6 из 10 ценностей преобладают именно они), это такие ценности, как хорошее материальное благополучие ($M = 3.52$); саморазвитие личности ($M = 3.79$); уважение и помощь людям, отзывчивость ($M = 4.03$); теплые и заботливые отношения с людьми ($M = 4.01$); творчество ($M = 3.43$); любовь к природе и бережное отношение к ней ($M = 3.84$). Влиянию внешних обстоятельств в большей степени приписывается реализация такой ценности, как роскошная жизнь ($M = 2,92$). Роскошная жизнь

понимается здесь как чрезмерное стремление к обладанию материальными ценностями и внешними атрибутами успешной жизни. Вероятно, полученный результат является особенностью профессиональной деятельности, к которой готовятся студенты педагогического вуза. Учитывая тот факт, что у учителя заработная плата фиксирована, не предполагает подработок, хотя и не исключает репетиторства, и, воспринимая адекватно уровень заработной платы для представителей данной профессии, студенты и отмечают, что данная ценность в большей степени зависит от поддержки государства в данном направлении. Высокое социальное положение, примерно в равной степени, по мнению студентов, может быть достигнуто при влиянии совокупности и внешних обстоятельств, и собственных усилий ($M = 3.06$; $M = 3.09$). Важным результатом является и то, что реализацию значимых ценностей, которые были выделены в таблице 1, студенты связывают с собственными усилиями.

Обратимся к главным показателям ценностных ориентаций студентов педагогического вуза (таблица 3).

Таблица 3

Показатели ценностных ориентаций студентов

Показатели ценностных ориентаций	М	σ
Значимость внешних ценностей	3.24	0.56
Значимость внутренних ценностей	4.09	0.47
Реализация внешних ценностей	2.72	0.61
Реализация внутренних ценностей	3.71	0.56

Полученные результаты подтверждают, что студенты педагогического вуза ориентированы на внутренние ценности, и реализация внутренних ценностей у них более выражена. Данный факт свидетельствует о том, что уровень конфликтности осуществления находится в пределах нижней границы ($K_{\text{внешних.ценностей}}=0.51$; $K_{\text{внутренних.ценностей}}=0.38$; $Общ_{\text{конфликтность}} = 0.44$; при диапазоне нижнего уровня конфликтности от 0 до 0.89).

Заключение. Опираясь в своем исследовании на теорию самодетерминации личности Э.Л. Диси, Р.М. Руаяна, мы можем отметить, что базовые потребности студентов педагогического вуза в автономии, в компетентности и эффективности, в значимых межличностных отношениях находятся в зоне удовлетворения. То есть современные студенты интерпретируют свое поведение как соответствующее интересам и ценностям, ориентированное на конструктивное взаимодействие с окружающими. Следует отметить, что подобные результаты позволяют сделать вывод о стремлении студентов педагогического вуза к личностному развитию, поддержанию психологического здоровья, к развитию внутренних ценностей личностного роста, служения обществу. Таким образом, содержательные и качественные характеристики ценностных ориентаций современных студентов позволяют нам сделать вывод о том, что они в полной мере соответствуют особенностям выбранной профессии, а, следовательно, станут опорой для дальнейшей профессионализации и самореализации в профессиональном труде. Кроме того, ориентация на внутренние ценности, автономность, социоцентричность – это именно те характеристик, которые, как мы отметили в начале, помогут учителям создавать условия для развития субъектности учеников, повышая качество образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриющенко С.И. Условия формирования ценностных ориентаций будущего учителя на этапе профессионального становления / С.И. Андриющенко // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – №74-2. – С. 32–37.

2. Асмолов А.Г. Вариативное образование в изменяющемся мире: социокультурная перспектива (тезисы о том, какой быть начальной школе) / А.Г. Асмолов // Образование и наука, 2013. – № 8 (107). – С. 3–13.
3. Бакушкин И.А. Содержательные компоненты ценностных ориентаций студентов / И.А. Бакушкин, И.М. Ильичева // Вестник ГУУ. – 2021. – № 3. – С. 168–176.
4. Битянова М.Р. Развитие субъектной позиции учащихся: модель и технология / М.Р. Битянова, Т.В. Беглова // Сибирский педагогический журнал. – 2016. – № 5. – С. 112–117.
5. Гордеева Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории [Электронный ресурс] / Т.О. Гордеева // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2010. – № 4 (12). – Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.02.23).
6. Кожевникова О.А. Ценностные ориентации современного студента / О.А. Кожевникова // Russian Journal of Education and Psychology. – 2020. – № 1. – С. 25–31.
7. Косикова Л.В. Особенности мотивации и ценностных ориентаций студентов / Л.В. Косикова // Проблемы современного педагогического образования, 2020. – № 68-2. – С. 431–434.
8. Костина Е.А. Русские: общечеловеческие ценности. Самоанализ / Е.А. Костина, А.М. Егорычева, Е.Н. Кашина // Вестник новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 1 (23). – С. 95–105.
9. Кошарная Г.Б. Ценностные ориентации населения в транзитивном обществе (региональный аспект) / Г.Б. Кошарная, Л.В. Рожкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – Т. 3. – С. 111–121.
10. Лифинцева Н.И. О психологических стратегиях воспитания личности будущего учителя / Н.И. Лифинцева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 1 (13). – С. 102–110.
11. Мерзлякова С.В. Динамика ценностных ориентации студентов вуза в процессе обучения / С.В. Мерзлякова // Образование в России: медико-психологический аспект : материалы X Всероссийской научно-практической конференции : в 2 т. – Калуга : КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. – Т. 2. – С. 63–65.
12. Мотков О.И. Исследование гармоничности личности: монография / О.И. Мотков. – Москва : РУСАЙНС, 2020. – 168 с.
13. Остроушко М.Г. К вопросу исследования структуры субъектности / М.Г. Остроушко // Научный журнал КубГАУ. – 2011. – № 74. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-issledovaniya-struktury-subektnosti> (дата обращения: 01.02.2023).
14. Рябкова Л.А. Ценностные ориентации в карьере / Л.А. Рябкова // Социодинамика. – 2017. – № 4. – С. 76–92.
15. Степанова Г.С. Особенности личности современного педагога: вызовы XXI века / Г.С. Степанова // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 66-4. – С. 353–357.

Поступила в редакцию 03.12.2022 г.

VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS AT PEDAGOGICAL UNIVERSITY

O.P. Tsaritsentseva

The article provides data from the empirical study of the value orientations of students at a pedagogical university. The hierarchy of student value orientations is described and the results are analyzed in the context of the specific features of socio-economic professions. Attention is paid to the qualitative characteristics and indicators of student value orientations, namely: the importance of internal and external values, the implementation of external and internal values, the level of conflict of value orientations.

Key words: values, value orientations, students, education.

Цариценцева Оксана Петровна.

Кандидат психологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет».
Доцент кафедры возрастной и педагогической психологии.

E-mail: oks-ternovskay@yandex.ru

Tsaritsentseva Oksana Petrovna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Orenburg State Pedagogical University.
Associate Professor at Department of Developmental and Pedagogical Psychology.

E-mail: oks-ternovskay@yandex.ru

УДК 159.9

ФИЛЬМЫ УЖАСОВ И ЧУВСТВО СОБСТВЕННОСТИ© 2022 *М.И. Яновский, Е.В. Чуканов**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Ставится проблема возможности стимулирования чувства собственности социально-культурными факторами, в частности воздействием кино. Приводятся теоретические основания гипотезы о возможности такого стимулирования фильмами ужасов. Так, фильмы ужасов формируют в картине мира человека раскол на полюса «Я-жертва» и «опасный, враждебный внешний мир», что создает благоприятную почву для усиления чувства собственности. Набор эмоционально значимых образов фильма ужасов: жертва; агрессор; квази-мессианская (псевдоморальная) идея агрессора, – подобен аспектам чувства собственности: бережливость; экспансия; самоуверенность. Также подобны когнитивные основы: поиск защищенного места – в фильмах ужасов, и мысленное помещение себя в вещь как место – в чувстве собственности. Приведены результаты исследования, в котором фильм ужасов изменял отношение к категории «Моё», провоцируя состояние, которое по признакам можно квалифицировать как подобное зависти (недоверию, мстительности и т.п.). Зависть, в свою очередь, можно рассматривать как эмоциональный индикатор актуализации чувства собственности. Приводятся также данные дополнительного исследования воздействия фильма ужасов с помощью Кирлиан-эффекта.

Ключевые слова: фильмы ужасов, чувство собственности, семантический дифференциал, рыночное общество, воздействие кино, Кирлиан-эффект.

Введение. Чувство собственности – элемент общества с рыночными отношениями. Считается, что рыночное общество – объективная стадия развития общества, причём, стадия зрелости. Соответственно, и чувство собственности зачастую рассматривается как атрибут социально (и духовно) зрелой личности [4]. На наш взгляд, однако, и рыночное общество, и чувство собственности – это продукция сознания, структурированного определённым образом. В частности, для структур рыночного мышления характерны схемы, описанные Ж. Пиаже как когнитивный эгоцентризм. Например, одна из краеугольных идей рыночного сознания – идея «естественного» прироста капитала при размещении его в правильном месте (в банке, или в прибыльном производстве) – есть не что иное, как нарушение принципа сохранения количества объекта при изменении его формы. Такое нарушение Пиаже продемонстрировал и описал в своих исследованиях как классическую особенность эгоцентрического мышления [6]. Рыночное сознание совпадает с эгоцентрическим мышлением и по ряду других свойств [8].

Если так, то «рыночное сознание» теоретически может индуцироваться искусственно, посредством формирования соответствующей когнитивной структуризации сознания, без естественного исторического развития общества. Например, это могло бы быть прямым или побочным эффектом определённых социокультурных воздействий. В этом смысле интерес представляет такой инструмент управления массовым сознанием как кино. В одном из исследований, в котором изучалось воздействие фильма ужасов, мы получили результат, который можно интерпретировать как появление позиции собственника [10].

Какая у чувства собственности может быть связь с содержанием фильма ужасов?

Феноменологический анализ показывает, что состав чувства собственности и набор эмоций, характерных для фильмов ужасов, подобны. Так, чувство собственности

несёт в себе в явной или не очень явной форме такие элементы как: бережливость (*жалость* (в т.ч. к себе)), экспансия (*агрессия*), самоуверенность (псевдоморальный *мессианизм*) [11]. Они могут иметь в составе чувства собственности не очень большую интенсивность, но они в нём есть. Но аналогичные элементы встречаются в фильмах ужасов как элементы эмоциональной среды, отражённые в персонажах: *жертва*; *агрессор* с паранойяльной, *квазимессианской* (псевдоморальной) идеей [10]. Кроме подобия эмоционального состава, есть также подобие когнитивной основы. Так, для фильмов ужасов характерна коллизия, связанная со стремлением основного персонажа попасть в определённое место, или выбраться из него [10]. Когнитивная действие, служащее подоплёкой чувства собственности, – так же мысленное «помещение» себя в вещь как некое место [9]. Таким образом, когнитивная основа чувства собственности и коллизий в фильмах ужасов также совпадают.

Исходя из этого, теоретически есть основания полагать, что фильмы ужасов способны индуцировать в сознании зрителя когнитивную основу чувства собственности (тем самым как бы содействуют его ментальной «настройке» на рыночное общество).

Возможно, неслучайно самые знаменитые фильмы ужасов сняты в странах с развитыми рыночными отношениями (США, Южная Корея, Британия, Япония и т.д.), а литературный жанр ужасов достиг расцвета в Британии (так называемая «готическая литература»).

Организация и методы исследования. Целью нашего эмпирического исследование было проверить гипотезу о том, что фильм ужасов усиливает у зрителя чувство собственности.

Для исследования мы операционализировали чувство собственности как отношение к категории «*Моё*» – как форме репрезентации собственности в сознании человека. Для фиксации этой переменной использовалась методика «Семантический дифференциал» (вариант с 16-ю шкалами взят из: [1]).

«Семантическим дифференциалом» диагностировалось отношение к этой категории; через 3 дня испытуемым демонстрировался кинофильм (на мониторе компьютера), и испытуемые снова проходили методику.

При проведении методики давалась следующая инструкция: «Ниже приводится список пар противоположных характеристик. Ваша задача состоит в том, чтобы выбрать, какая из каждой двух противоположностей больше подходит к понятию «МОЁ», и в какой степени (1 – в слабой степени, 3 – в максимальной степени)».

В исследовании приняли участие 50 человек (34 – экспериментальная группа, 16 – контрольная). Все участники исследования – студенты ДонНУ (возраст – 18-23 года).

Использовался фильм «1408», по рассказу С. Кинга. Фильм испытуемые ранее не видели. Входит в списки лучших фильмов ужасов. 2007 года, режиссёра М. Хофстрёма. Сюжет: писатель Майк Энслин, специалист по паранормальным явлениям, пишет книгу о необычных явлениях в отелях. Желая разоблачить информацию о мистической комнате 1408 в гостинице, он приезжает и требует ключи от этой комнаты, не веря предупреждениям управляющего об опасности. Попытки отговорить распалют любопытство писателя, и он попадает в этот номер. В результате он прилагает большие усилия, чтобы не сойти с ума в этом номере, полном необъяснимых ужасов и событий. В какой-то момент ему удалось выбраться. Он пишет рукопись об этом. Но когда он заходит на почту отправить написанное произведение, рабочие начинают рушить стены, и за разрушенными стенами обнаруживается тот же номер 1408. В номер звонят из приёмной и сообщают, что он в пятом кругу ада. Однако он делает из подаренной

бутылки коньяка коктейль Молотова и поджигает номер.

Результаты. Средние оценки понятия «Моё» по 16-ти шкалам представлены в табл. 1 и на рис. 1.

Таблица 1

Средние оценки категории «Моё» по шкалам семантического дифференциала до и после просмотра фильма ужасов

Шкалы		до	после	<i>p</i> различия по t-критерию
легкое	тяжелое	-0,94	0,26	0,002
доброе	злое	-1,82	-0,88	0,002
чистое	грязное	-1,71	-1,03	0,018
горячее	холодное	0,03	0,38	
твёрдое	мягкое	0,62	0,09	
старое	молодой	1,68	1,15	
глупое	умное	1,32	1,47	
громкое	тихое	-0,21	0	
быстрое	медленное	-0,91	-0,29	
сытое	голодное	-0,74	-0,82	
противное	приятное	1,5	0,5	0,002
активное	пассивное	-1,03	-0,62	
горькое	сладкое	1,59	0,88	0,016
смелое	трусливое	-1,56	-1,29	
сильное	слабое	-1,29	-1,41	
несчастное	счастливое	1,65	1,06	0,050

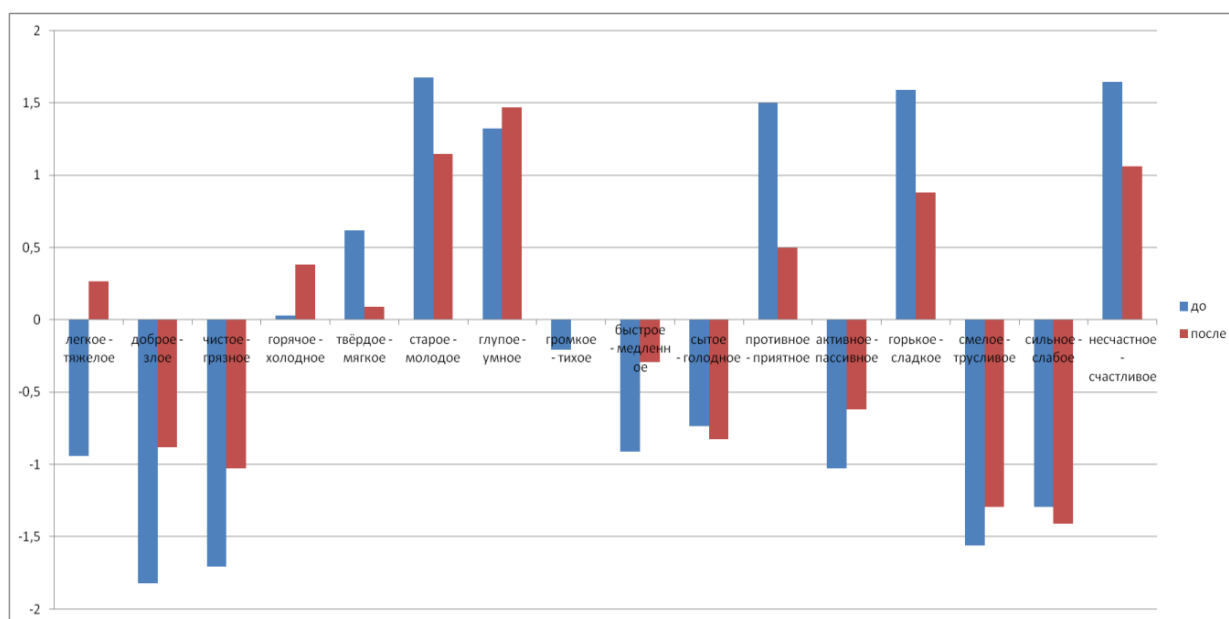

Рис. 1. Средние оценки категории «Моё» по шкалам семантического дифференциала до и после просмотра фильма ужасов.

«*Моё*» после просмотра фильма ужасов стало оцениваться как относительно более: *тяжёлое, злое, грязное, противное, горькое, несчастное*. (В контрольной группе средние показатели условных измерений «до» и «после» практически совпали, поэтому мы их не приводим.) Отметим, таким образом, что число шкал, по которым произошёл достоверный сдвиг в экспериментальной группе, велико: 6. В аналогичном

исследовании, где оценивался сдвиг после того же фильма в Я-концепции по методике «Личностный семантический дифференциал», достоверное изменение произошло только по одной шкале [10]. Это в целом подтверждает гипотезу о способности фильма ужасов воздействовать на чувство собственности. Однако почему «*Моё*» приобретает негативные коннотации?

Обратим внимание, что 5 из 6 шкал (*злое, грязное, противное, горькое, несчастное*) относятся к фактору *Оценка*. Изменение фактора *Оценки* в негативную сторону на первый взгляд можно интерпретировать как «заражение» зрителя негативными эмоциями, на которых строится фильм ужасов. Однако, при кажущейся очевидности такого объяснения, оно не даёт понимания, почему факторы *Сила* и *Активность* остаются здесь практически незатронутыми. Особенно с учётом того, что в другом нашем исследовании при диагностике Я-концепции после этого же фильма было зафиксировано снижение как раз фактора *Силы*, без изменения фактора *Оценки* [10]. Если соединить результаты двух исследований, то получается, что зритель после данного фильма осознаёт себя (своё *Я*) более *Слабым* (т.е. как бы «жертвой» [9]), а «*Своё*» – более *Плохим* (но не более *слабым!*).

Мы полагаем, более обоснованным другое объяснение. Фильм ужасов не просто индуцирует у зрителя негативные эмоции (страх, отвращение, агрессию и т.д.), а погружает зрителя в особый образом структурированный фильм-мир, в котором господствует иррациональное отчуждение среды от личности. Его важной составной частью является некоторая позиция самой личности: позиция эгоцентрическая, в частности, в форме нарциссизма [10]. Из этой позиции мир воспринимается тотально враждебным, ужасным. Однако из той же позиции любая часть среды, которая находится во взаимодействии с *Я*, воспринимается через сравнение: «это для меня или против меня?», «это делает меня сильнее соперника или слабее?» Эта пограничная – между мною и не-мною – часть среды приобретает амбивалентность: одновременно это и самоценное (как *Я*), и враждебное (как Не-*Я*). Этот парадокс на самом деле житейски всем знаком как то, что мы называем *завистью* (или модификациями зависти, родственными ей состояниями: *ревность, мстительность, недоверие* и т.п.). Именно в зависти реализуется амбивалентное сочетание самоотчуждения, как презрения к «своему», с самовлюблённостью – нарциссизмом. И побуждение фильмами ужасов к зависти (или ревности, мстительности и т.д.) логично: зависть содержит в себе тот эмоциональный элемент, который характерен для центрального персонажа в фильмах ужасов: переживание себя *жертвой* [7].

Зависть, безусловно, имеет отношение к чувству собственности; это его сильный стимул, «катализатор». Кроме того, зависть – это и его проявление, опора на него и утверждение.

Отметим также, что доминирование фактора *Оценка* в трансформациях отношения к «*Моему*» означает наличие пассивно-оценочной позиции, которую мы можем понимать как нахождение в своего рода *месте*, замкнутом и защищающем человека от предполагаемой «враждебной» реальности, что характерно для когнитивной основы сознания «собственника».

Дополнительное исследование: зменение «свечения» пальцев (кирлиан-эффекта) под влиянием просмотра фильма ужасов

Дополнительной возможностью в нашем исследовании было использование аппарата, фиксирующего Кирлиан-эффект (так называемое «газо-разрядное свечение», ГРВ) [5]. Модификация прибора разработана петербургским профессором К.Г. Коротковым [там же]. Аппарат делает снимки излучения кожи («свечения»),

которое проявляет психофизиологическое состояние человека, в частности – уровни эмоциональной возбужденности и напряженности [2]. Эти данные могут быть интересны тем, что проявляют не только осознаваемый уровень состояния человека, но и неосознаваемый.

Прибор представляет собой небольшую коробку, в которой происходит формирование снимка возникающего свечения вокруг помещаемого испытуемым на специальную пластинку большого пальца, вследствие его кратковременно СВЧ-облучения (рис. 2).

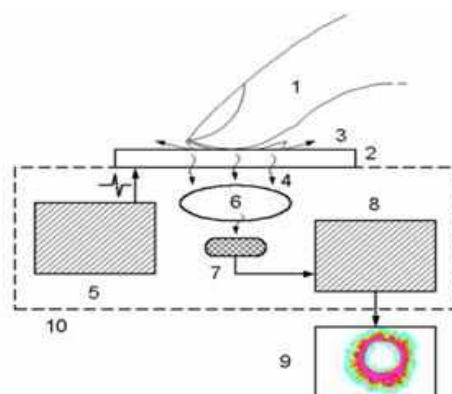

Рис. 2. Схематическое изображение ГРВ-прибора: 1 – объект исследования; 2 – прозрачный электрод; 3 – газовый разряд; 4 – оптическое излучение; 5 – генератор; 6 – оптическая система; 7, 8 – видеопреобразователь; 9 – компьютер; 10 – корпус [5].

Данные с прибора передаются на компьютер, где отображается первичный снимок свечения и, кроме того, происходит обработка данных по специальной программе. В нашем эксперименте использовался только первичный снимок свечения вокруг большого пальца правой руки.

В силу сложности и длительности процедуры снятия показателя, исследование ГРВ-прибором прошли только 5 из 34 участников эксперимента.

По сформированной нами схеме анализа мы фиксируем [2, с. 86]:

- *возбуждение* – по таким проявлениям как потеря целостности, фрагментация поля свечения,

- *напряжение* – по деформации структуры поля свечения (поскольку «напряжение <...> мера внутренних сил, возникающих в деформируемом теле») [3].

Гипотеза, на которую мы опирались при анализе, такова. Состояние *зависти* (или какое-либо близкое ей состояние – недоверие, мстительность, ревность или т.п.), которое, как мы выяснили по результатам эксперимента, предположительно провоцируется, стимулируется просмотром фильма, – это сложное «составное» чувство, включающее в себя:

- 1) элемент нарциссизма, т.е. самодовольства, замкнутости на себя;
- 2) элемент негативного отношения к внешнему адресату (злости или т.п.).

Психофизиологически это состояние по-видимому будет выражаться в таких характеристиках:

1) нарциссизм, самодовольство, самозамкнутость – в том, что *возбуждение* будет приводиться к оптимуму, будет исчезать импульсивность, чему будет соответствовать большая равномерность свечения, исчезновение разрывов в свечении;

2) негативное отношение к адресату (злость и т.п.) – в том, что будет усиливаться *напряжение*; в свечении напряжению будут соответствовать деформации: прогибы, изгибы и т.п.

Эмпирическая гипотеза, следовательно, такова. Вследствие просмотра фильма ужасов в снимках свечения будут наблюдаться тенденция к оптимизации величины свечения, его равномерности в сочетании с тенденцией к деформациям контура.

Результаты представлены в рис. 3–7.

Испытуемая А.

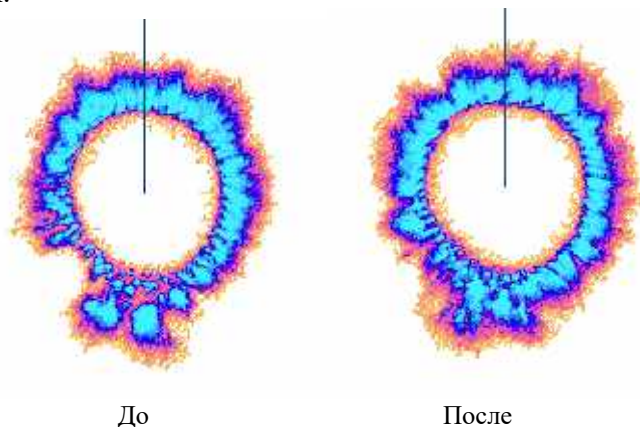

Рис. 3.

Видим после просмотра более равномерное свечение (рисунок обода стал более равномерным): возбуждение стало более оптимальным. Но в то же время линия внутреннего контура приобрела небольшие деформации: вверху плавная округлость сменилась некоторой угловатостью, слева внизу появилась вогнутость внутрь: это можно интерпретировать как появление некоторого напряжения. Таким образом, результат данной испытуемой соответствует гипотезе.

При этом по данным методики «Семантический дифференциал» отношение к «Моему» у этой испытуемой изменилось в таких шкалах: «Моё» стало более *мягкое, голодное, трусливое* (взяты изменения не менее чем на 2 единицы шкалы). В этих характеристиках видим примерно то же: оптимальный уровень возбуждения (*мягкое, трусливое*) и тенденцию к напряжению (*голодное, трусливое*). Эти характеристики не противоречат, а в целом – подобны выявленным характеристикам свечения.

Напомним, мы соотносим эти данные с проявлениями состава зависти (или близких ей вариаций чувства). В целом, действительно, характеристики *мягкое, голодное, трусливое* могут интерпретироваться как индикаторы состояния, содержательно подобного зависти.

Испытуемая Е.

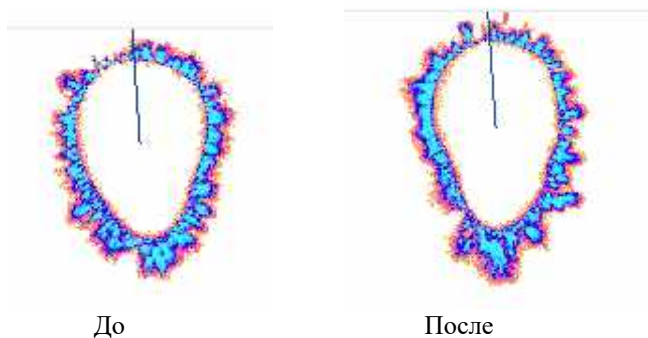

Рис. 4.

Видим после просмотра некоторое перераспределение «зубчатости» (т.е. импульсивности): частично она исчезает слева, но усиливается справа и внизу, причём

эта «зубчатость» очень выраженная. Можно это понять как появление раздражения. И слева внизу контур внутренней линии деформируется, появляется прогиб внутрь, что можно интерпретировать как появление напряжения.

«Моё» для этой испытуемой стало более *злое, твёрдое, противное, пассивное* – явные характеристики того же напряжения (которое, как мы определили, сопутствует предметно направленному чувству).

Итак, раздражение и напряжение (по снимку свечения) в целом аналогичны характеристикам по «Семантическому дифференциалу» – *злое, твёрдое, противное, пассивное*. Эти характеристики также соотносимы с состоянием зависти или т.п. чувств.

Испытуемая К.

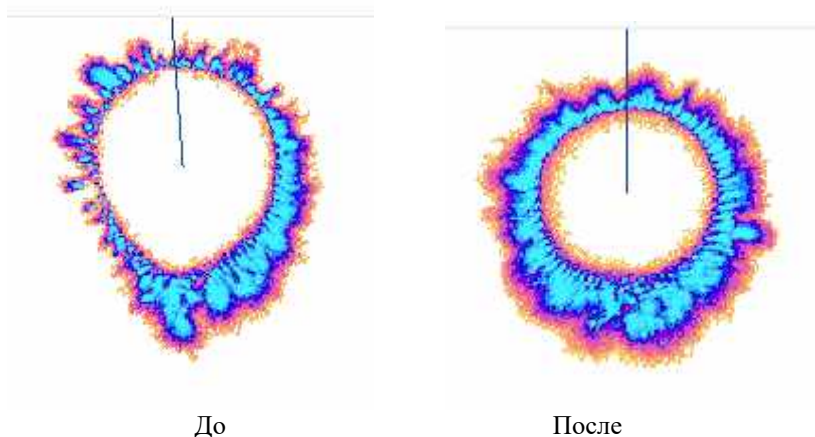

Рис. 5.

Усиление интенсивности свечения и приобретение большей равномерности и меньшей деформированности: возбуждение и напряжение приводятся к оптимальному уровню.

В данном случае сдвиг по «Семантическому дифференциалу» на 2 единицы и более не было, взяты сдвиги на 1 единицу: «Моё» для этой испытуемой стало более *доброе, холодное, сытое, сладкое, сильное, счастливое*. Такие сдвиги в целом соответствуют изменениям свечения – изменению в сторону оптимизации и гармонизации.

Состояние, здесь возникшее, не похоже по составу на зависть. Однако возможно, что это из-за в целом превалирования элемента нарциссизма у данной испытуемой.

Испытуемая П.

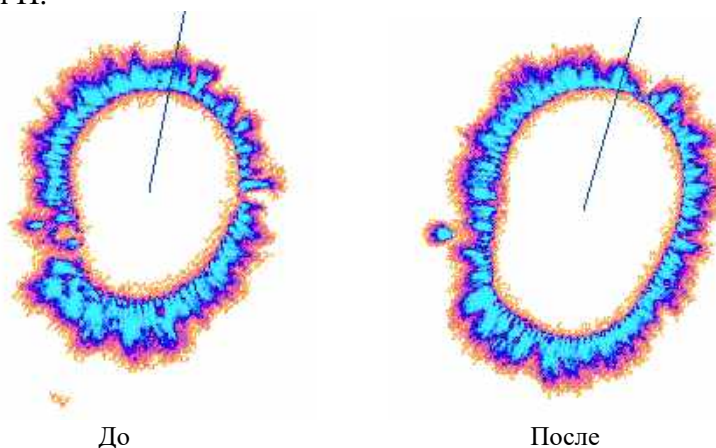

Рис. 6.

Интенсивность свечения и зубчатость явно уменьшились, равномерность возросла. При этом появились деформации: внизу вместо округлого овального контура появился контур несколько угловатый.

«Моё» для этой испытуемой стало более *лёгкое, холодное, активное*.

В целом здесь, таким образом, появляется оптимальный уровень возбуждения и небольшое повышение напряжения (на уровне повышения тонуса). Особенности по снимку свечения и по «Семантическому дифференциалу» согласуются.

Испытуемая С.

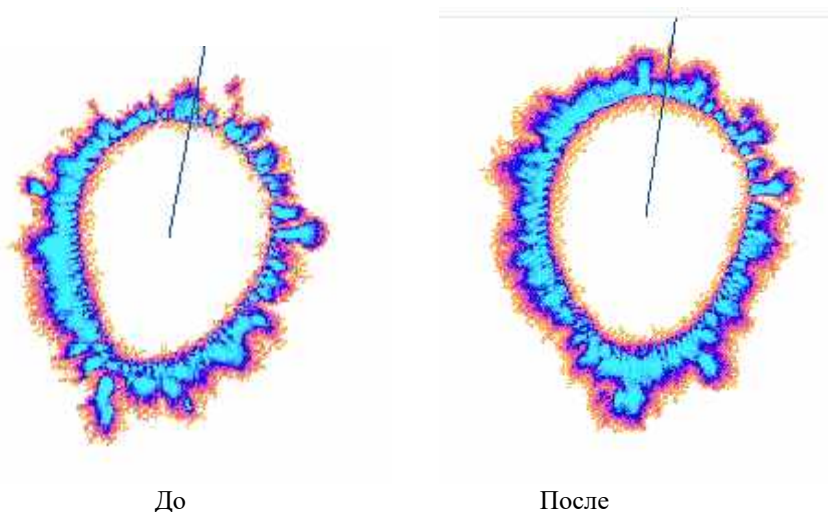

Рис. 7.

Здесь в целом характерна большая «зубчатость», но в равной степени и «до», и «после». Деформация несколько увеличилась – правая половина стала более угловатой (при этом в левой части – наоборот, появилось некоторое округление). Таким образом, признаки возбуждения и напряжения достаточно выражены, но их уровень не меняется существенно.

«Моё» для этой испытуемой стало более *тяжёлое, злое, твёрдое, старое, умное, тихое, медленное, голодное, противное, активное, сладкое, сильное*.

По-видимому, испытуемая сама по себе склонна к тревожности и раздражительности, и склонна к напряжению. Это черты, присущие, как мы определили выше, и состоянию зависти. Возможно, экспериментальное влияние фильма не столько изменило её состояние, сколько проявило его для испытуемой, и этим объясняется, почему количество изменившихся характеристик по «Семантическому дифференциалу» оказалось велико.

По результатам исследования с применением ГРВ-прибора можно говорить, что хотя к этим результатам трудно применять теоретически обоснованную и эмпирически достоверную методику психологической и психофизиологической интерпретации, тем не менее доступный «осторожный» уровень анализа и интерпретации в целом согласуется с данными, полученными другими, более привычными, методами (в нашем исследовании – «Семантический дифференциал»). Таким образом, данные по ГРВ-исследованию подтверждают появления после просмотра фильма ужасов двойственного состояния – приведения уровня возбуждения к оптимуму и появления напряжения. Это двойственное состояние мы квалифицируем как отражение конфликта позитивного отношения к себе и негативного отношения к внешним адресатам. И

идентифицируем его как состояние, которое в повседневности обозначается как зависть (или подобные ей ревность, месть, недоверие).

Зависть именно амбивалентна, в ней присутствует элемент нарциссизма. Этим, на наш взгляд, объясняется парадокс, почему после фильма ужасов нет признаков всецело негативного, дисгармоничного психофизиологического состояния.

Заключение. Выше мы уже указывали, что феноменологический анализ чувства собственности, проведенный нами, показал, что оно несёт в себе, в явной форме или в форме возможности, такие эмоциональные элементы как: *жалость* (к себе), псевдоморальный *мессианизм* и *агрессия* [10]. Эффект просмотра фильма ужасов – актуализируемые им эмоциональные компоненты – оказался сопоставим с этими составными компонентами чувства собственности: позитивное переживаемое отношение к себе (\approx *жалость* к себе, элементы *самодовольства*) и негативное отношение к внешнему адресату (\approx *агрессия*). Мы идентифицировали это как состояние, так или иначе сопоставимое с завистью или ей родственными состояниями.

Если принять, что отношение к собственности имеет определённые совпадения или корреляции с какими-либо формами зависти, то поскольку чувство собственности – фундамент рыночного сознания, рыночное общество, вероятно, требует этого психологического «ингредиента», зависти. И социальные факторы, влияющие на мотивацию и готовность к рыночному обществу, вероятно, основываются на актуализации каких-либо её форм. Существенным аргументом в пользу такого предположения является то, что рыночное общество как таковое основано на конкуренции, соперничестве, – т.е. на таких отношениях, где зависть уместна и логична, как их аффективное сопровождение. Если говорить о когнитивной стороне, рыночное общество, как и зависть, – это, процесс постоянного сравнения себя с другими, переживаемое как «трение» себя о других. В этом – отчуждение индивида от других. Фильмы ужасов в этом смысле могут играть роль иницирующей социальной практики: они вводят в состояние радикального отчуждения личности и от социального, и от природного мира. Без такого отчуждения не может развиваться та психологическая структура, на которую опирается устойчивое чувство собственности.

СПИСОК ЛИТЕАТУРЫ

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева / Под ред. И.Б. Ханиной. М.: Наука: Смысл, 1999. – 349 с.
2. Асоев Р.В. Возможность регистрации субъективных феноменов физическим устройством / Р.В. Асоев, С.Г. Джура, М.И. Яновский // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 3. – С. 78–92.
3. Большая советская энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1978. – Т. 17. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article080032.html> (дата обращения: 25.12.2022).
4. Ильин И.А. О частной собственности / И.А. Ильин // Русская философия собственности (XVII–XX). – СПб.: Ганза, 1993. – С. 240–246.
5. Коротков К.Г. Эффект Кирлиан – прошлое и современность / К.Г. Коротков, М.А. Шустов. – СПб.-Томск, 2017. – 144 с.
6. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. – М.: Римис, 2008. – 416 с.
7. Шёк Г. Зависть: теория социального поведения / Г. Шёк. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 544 с.
8. Яновский М.И. О когнитивных основах рыночных отношений / М.И. Яновский // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26-28 октября 2021 г.). Т. 10: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – С. 312–314.
9. Яновский М.И. Чувство собственности как индуктор деформаций сознания (на примере иллюзий восприятия) / М.И. Яновский // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21. – № 2. – С. 459–466. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-459-466>

10. Яновский М.И. Воздействие фильма ужасов на Я-концепцию зрителя / М.И. Яновский, В.И. Антропова // Социальная и экономическая психология. Институт психологии Российской академии наук. – 2021. – Т. 6. – № 2 (22). – С. 147–168. DOI: 10.38098/ipran.sep_2021_22_2_06

11. Яновский М.И. Феномен собственности как возможная причина актуализации элементов эгоцентрического мышления: к постановке проблемы / М.И. Яновский, Е.В. Чуканов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2018. – № 2 (24). – С. 32–46.

Поступила в редакцию 13.12.2022 г.

HORROR MOVIES AND FEELING OF PROPERTY

M.I. Yanovsky, E.V. Chukanov

The article addresses the problem of stimulating a feeling of ownership by means of cinema as a socio-cultural factor. The theoretical foundations of the hypothesis about the possibility of such a stimulation by horror films are formulated. It is pointed out that horror films transform a human worldview into the opposition of "I am a victim" vs "a dangerous, hostile external world", which creates a favourable ground for maintaining the feeling of ownership. The set of the horror film emotionally significant images, which is constituted by a victim, an aggressor, a quasi-messianic (pseudo-moral) idea of the aggressor, is similar to different aspects of ownership, including thrift, expansion, self-confidence. The cognitive basics are also similar and include the search for a protected place (in horror films), and the mental placement of oneself in a thing as a container (in a feeling of ownership). The conclusion is made that a horror film changed the attitude to the category "Mine", provoking a condition that can be qualified as similar to envy (distrust, vindictiveness, etc.). Envy, in its turn, can be treated as an emotional marker, which actualizes the feeling of property. The results of Kirlian effect application in the study of horror films impact are provided.

Key words: horror films, feeling of property, semantic differential, market society, impact of cinema, Kirlian effect.

Яновский Михаил Иванович.

Кандидат психологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

Чуканов Евгений Валериевич.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Старший преподаватель кафедры психологии.
E-mail: chukanove.v@gmail.com

Yanovsky Mikhail Ivanovich.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Donetsk National University.
Associate Professor of Psychology Department.
E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

Chukanov Evgeniy Valerievich.

Donetsk National University.
Senior Lecturer of Psychology Department.
E-mail: chukanove.v@gmail.com

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона **4–8** страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, levi121@mail.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, можно, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016 А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристрастные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е.С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание *Key words*: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.	Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.
---	---

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Учёные степень и звание		

(если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3–5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора) для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (levi121@mail.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2022. – № 4

На русском, украинском и английском языках

Технический редактор: В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 30.12.22
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 11,78.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.